„ОТЗВУКИ МИНУВШАГО".

ОЧЕРКИ, РАЗСКАЗЫ и ВОСПОМИНАНІЯ.

А. А. ФОНЪ-РИТТЕРЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

1) Шармеръ. 2) Кучеръ Яшка. 3) Тибо влюбленъ. 4) Учитель. 5) Крокодилъ. 6) Суфле. 7) L'ONCLE NICOLAS. 8) Дорожные эскизы. 9) Дядя Вася. 10) Флейта. 11) Опять Аквилонскій. 12) Святки у помѣщика. 13) Первыя искорки. 14) Гроза. 15) Старое старится. 16) Подслушалъ. 17) Забытое. 18) Итоги.

Цѣна 60 коп.

ТИПОГРАФІЯ В. В. ЧИЧЕРИНА,
противъ Марьиной слободки, за Камеръ-Коллежскимъ валомъ, соб. домъ, 2 ст. Московск. уѣзда.
1892.

Дозволено цензурою. Москва, 8 Іюля 1892 года.

ОТЗВУКИ МИНУВШАГО.

I.

Шармеръ.

Утро. Въ дѣтской невообразимый хаосъ... Крикъ, визгъ, бѣготня. Подушки, одѣяла летятъ другъ въ друга—дѣло доходитъ, наконецъ, и до сапоговъ.

Входитъ гувернеръ—Monsieur Thibaut.

— Et bien ça finira-t-il?... [1])

Мы мгновенно присмирѣли и, юркнувъ въ кровати, спрятались подъ одѣяла, притаивъ дыханіе.

— Voyons, qu'on se lève et plus vite que ça! [2]).

По удаленіи гувернера война опять возобновляется, сперва безъ шума, затѣмъ мы снова увлекаемся, и затѣйная игра въ концѣ концовъ переходитъ уже въ настоящую драку.

— А мамаша Машку въ садъ за розгами послали!—торжественно объявляетъ нянька Арина, входя въ комнату съ мѣднымъ рукомойникомъ и тазомъ въ рукахъ.

На этотъ разъ мы поняли, что дѣло запахло серьезнымъ, и засуетились, поспѣшно одѣваясь. У умывальника опять было возникъ споръ—кому первому умываться, но наконецъ, всѣ „инциденты“ окончились благополучно, мы успокоились и, помолившись Богу, причесанные, одѣтые по случаю праздника въ новыя курточки, приготовились идти въ столовую.

Открылось торжественное шествіе, повторявшееся каждый день. Впереди, въ бѣленькихъ платьицахъ съ пелеринками, чинно шли

---

1) Ну, что, скоро-ли этому будетъ конецъ?

2) Вставать и живѣй у меня!

сестры въ сопровожденіи нѣмки Амаліи Карловны; вслѣдъ за нею мы съ братомъ, при чемъ я всегда старался наступить ей на платье,—а въ аріергардѣ важно, точно маршируя, выступалъ французъ Тибо.

Въ столовой за большимъ выдвижнымъ столомъ сидѣли: въ концѣ его у самовара матушка въ утреннемъ капотѣ и въ чепцѣ, изъ подъ котораго выбивались не снятыя еще папильотки. Рядомъ съ ней отецъ въ бухарскомъ халатѣ и туфляхъ, прихлебывая изъ стакана чай, курилъ трубку изъ длиннаго черешневаго чубука и читалъ газету „Сѣверная Пчела“,—а съ другой стороны размѣстились: тетя Соня и тетя Маша—также въ утреннихъ капотахъ и папильоткахъ изъ газетной бумаги въ волосахъ.

Сзади батюшки, въ неподвижной позѣ, стоялъ казачекъ съ запасной трубкой въ рукахъ, а другой такой же казачекъ ходилъ вокругъ стола и отгонялъ мухъ опахаломъ изъ павлиньихъ перьевъ. За столомъ прислуживали два благообразнаго вида лакея въ одинаковыхъ изъ сѣраго сукна полуфракахъ и бѣлыхъ нитяныхъ перчаткахъ и, не суетясь, едва слышно выступая, двигались какъ автоматы, угадывая желанья господъ по одному взгляду ихъ.

Поцѣловавъ по порядку руки—отцу, матери и теткамъ, мы чинно усѣлись за столъ, при чемъ между сестрами помѣстилась гувернантка, а между мною съ братомъ гувернеръ—мѣра воспрепятствовать нашимъ шалостямъ—и молча всѣ принялись за чай. За столомъ дѣтямъ строго воспрещалось разговаривать, и тишина лишь изрѣдка нарушалась краткими, но внушительными замѣчаніями нашихъ менторовъ, вродѣ:

— Otez les coudes de la table!.. [1])

Или:

— Sitzen sie doch grade!.. [2])

Въ будни вслѣдъ за чаемъ мы немедленно удалялись въ классную и усаживались за уроки, но въ этотъ день былъ праздникъ, а потому намъ разрѣшалось оставаться въ столовой.

---

[1]) Снимите локти со стола!

[2]) Сидите же прямо.

Окончивъ чтеніе газеты, батюшка разобралъ пачку полученныхъ имъ писемъ и, выбравъ одно изъ нихъ, передалъ его Амаліи Карловнѣ:

— Переведите-ка мнѣ это—оно написано по-нѣмецки,—сказалъ онъ.

Амалія Карловна взглянула на подпись, и прежде всего объявила, что письмо отъ Шармера, извѣстнаго въ то время въ Петербургѣ портнаго, затѣмъ принялась за его чтеніе.

Изъ содержанія этого письма оказалось, что Шармеръ въ весьма почтительныхъ выраженіяхъ извѣщаетъ батюшку, что, къ крайнему его огорченію, присланный къ нему четыре года тому назадъ для ученья портновскому мастерству Кириллъ Бондаренко совершенно отъ рукъ отбился, лѣнивъ и непослушенъ и, избѣгая заслуженныя наказанія, по цѣлымъ недѣлямъ пропадалъ въ разныхъ вертепахъ. Далѣе Шармеръ добавлялъ, что онъ долго медлилъ огорчить батюшку въ надеждѣ на исправленіе Кирилла, который начиналъ уже выказывать нѣкоторыя способности къ мастерству и даже прекрасно выучился метать французскія петли, но что, наконецъ, терпѣніе его, Шармера, лопнуло, и онъ вынужденъ былъ распорядиться о препровожденіи Бондаренко къ его владѣльцу черезъ полицейское управленіе.

— Ахъ онъ нѣмецкая колбаса!—вскричалъ батюшка, нисколько не стѣснялся присутствіемъ Амаліи Карловны, обративъ весь свой гнѣвъ уже не на Кирилла, а на самого Шармера.—Четыре года аккуратно получалъ съ меня за Кирюшку деньги, выучилъ его метать какія-то французскія петли и отправляетъ мнѣ его назадъ!.. Ну, отодралъ бы его тамъ, что-ли, хорошенько за лѣнь, а всежъ-таки выучилъ бы его хоть штаны шить, а то прошу покорно—петли метать!.. Поди—самъ же каналья избаловалъ его своими нѣмецкими гуманностями и биръ-зунами! Амалія Карловна! Напишите-ка сейчасъ же мусье Шармеру по-нѣмецки ругательное письмо и объясните ему, что я больше ему не заказчикъ и прекращаю съ нимъ всякія дѣла.

Амалія Карловна сдѣлала книксенъ и проговорила:

— Мой исполняйтъ in ein Augenblick.. [1]).

[1]) Въ одно мгновенье!

Въ то время, о которомъ я повѣствую, помѣщики посылали своихъ крѣпостныхъ въ Петербургъ и Москву учиться разнымъ мастерствамъ, платя за нихъ за это большія деньги. До сихъ поръ еще въ провинціи попадаются прекрасные доморощенные повара, кондитеры, портные и даже музыканты и живописцы. Всѣ они болѣе или менѣе хорошо устроились послѣ отмѣны крѣпостнаго права.

Батюшка походилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, затянулся нѣсколько разъ изъ чубука и обратился къ одному изъ лакеевъ:

— Кирюшку привели?

— Точно такъ-съ. Въ людской дожидается.

— Позвать его сюда!

Матушка обратила къ нему тревожный взглядъ.

— Ради Бога, при дѣтяхъ...

— Не безпокойся, меня интересуетъ только узнать, вретъ ли нѣмецъ или нѣтъ?

Черезъ нѣкоторое время дверь въ столовую тихо отворилась, и, какъ-то ежась и бросая во всѣ стороны тревожные взгляды, у притолки остановился маленькій блѣдный человѣчекъ въ лиловой визиткѣ, желтыхъ брюкахъ и красномъ галстукѣ, повязанномъ сверху манишки. Костюмъ этотъ, видимо сшитый когда-то съ претензіей на франтовство, сильно былъ поношенъ, очевидно, во время „препровожденія“ его владѣльца. Длинные волосы Кирилла были зачесаны назадъ „à la чортъ меня побери“, а на подбородкѣ его красовалась рыжая эспаньолка.

Въ общемъ представшая нашимъ глазамъ фигура была настолько комична, что даже отецъ, а вслѣдъ за нимъ и всѣ остальные, прыснули со смѣха.

— А, Шармеръ!.. подойди-ка сюда поближе, проговорилъ батюшка,—да какимъ ты, братецъ мой, франтомъ нарядился. Неужели у „васъ“ въ Петербургѣ такая мода?

Кириллъ подошелъ къ своимъ господамъ „къ ручкѣ“, а затѣмъ, сообразивъ, что первая гроза миновала, довольно бойко отвѣтилъ:

— Точно такъ-съ... самая послѣдняя картинка.

— А ну-ка повернись... встань бокомъ... а подойди-ка еще, продолжалъ отецъ.

Кириллъ окончательно успокоился и, исполнивъ приказаніе барина—видимо утрируя, прошелся по комнатѣ развязной походкой гуляющаго франта.

Мы захлебывались отъ восторга, поняв, что отецъ въ хорошемъ расположеніи духа и что будетъ „комедія“.

— А по-нѣмецки говорить научился ты у Шармера? продолжалъ батюшка и, получивъ утвердительный отвѣтъ, какъ-то загадочно улыбаясь, обратился къ матушкѣ въ полголоса:

— А не дурно бы заставить его поговорить съ Амаліей Карловной... какъ ты думаешь... а?.. право бы не дурно!

Матушка укоризненно на него взглянула, и затѣя эта была оставлена, но съ замѣтнымъ, однако, оттѣнкомъ сожалѣнія.

— Ну, такъ вотъ что, братецъ, обратился отецъ къ Кириллѣ,—Шармеръ пишетъ, что ты блистательно окончилъ полный курсъ наукъ и что даже выучился метать французскія петли. Можешь ты сшить мнѣ, напримѣръ, пальто?

— Могу-съ...

— А какія пальто теперь въ модѣ у „васъ“ тамъ въ Петербургѣ?

— Да разныя-съ... Пальмерстоны, патріотки, пальты-саки...

— Вотъ, вотъ—мнѣ хотѣлось бы пальто-сакъ. Но такъ какъ я еще не видалъ твоей работы, да и матеріалу нѣтъ, сшей-ка ты мнѣ пока на скорую руку пальто-сакъ изъ холста, а затѣмъ, если мнѣ этотъ фасонъ понравится, я съѣзжу въ городъ, выберу матеріи и ты сошьешь уже настоящее.

И вотъ Кириллъ Бондаренко приступилъ къ работѣ. Снялъ мѣрку съ отца, разложилъ на обѣденномъ столѣ принесенные изъ амбара куски холста, употребляемаго на мѣшки, и принялся кроить „пальто-сакъ“.

Отецъ ушелъ въ кабинетъ, наказавъ намъ не мѣшать „господину Шармеру“, и мы, затаивъ дыханье, съ любопытствомъ стали слѣдить за всѣми его эволюціями.

Долго мѣрилъ Кириллъ холстъ, разрѣзалъ его на куски, кроилъ, опять прикидывалъ мѣрку, затѣмъ о чемъ-то глубоко задумался, вздохнулъ и принялся за шитье.

Наконецъ, пальто сметано, рукава вшиты, но Кириллъ опять что-то выпарываетъ, опять вшиваетъ... потъ у него выступилъ на лбу, руки его замѣтно дрожали...

Входитъ отецъ. Проходя мимо Кирилла, онъ искоса поглядѣлъ на его работу и улыбнулся.

— Ну-ка надѣнь на себя свое произведеніе, а я погляжу на фасонъ—сказалъ онъ.

Кириллъ молча повиновался, и о ужасъ!.. Онъ оказался наряженнымъ не то въ бабью куцавейку, не то просто въ какой-то мѣшокъ. Одна пола была длиннѣе другой, борта перекосило въ сторону,—словомъ онъ страшно сталъ похожъ на огородное пугало.

Мы закатились дѣтскимъ веселымъ смѣхомъ, но мгновенно присмирѣли...

Батюшка перемѣнилъ тонъ, нахмурилъ брови и, подведя Кирилла къ большому зеркалу, строго проговорилъ:

— Такъ вотъ ты чему научился въ четыре года!.. Такъ вотъ за что за тебя баринъ деньги нѣмцу платилъ! Погоди-же любезный... поѣшь ты у меня здѣсь Шармеровскіе бутерброды!

— Эй!—крикнулъ онъ.

Вбѣжалъ лакей.

— Позвать сюда прикащика!

Кириллъ поблѣдиѣлъ, какъ смерть, и, упавъ на колѣни, рыдая и ползая за ходившимъ по комнатѣ батюшкой, старался поймать его ногу.

— Не погубите... отецъ родной—стоналъ онъ.

Сердце у меня замерло, слезы выступили на глазахъ. Мнѣ невыразимо его было жаль... Сестра Соня громко заплакала.

Вбѣжала встревоженная мать.

Vous m'avez promis [1])—сказала она укоризненно.

— Je tiens toujours mes promesses, vous le savez [2]) отвѣчалъ отецъ.

Вошелъ прикащикъ.

— Вотъ что, Евстафій,—обратился къ нему батюшка, указывая рукой на все еще стоявшаго на колѣняхъ Кирилла,—возьмика ты вотъ этого „Шармера“, вели его обстричь и сбрить ему эспаньолку и въ этомъ-же пальто-сакъ имъ самимъ сшитомъ,

---

[1]) Вы мнѣ обѣщали.

[2]) Я всегда сдерживаю свои обѣщанія—вы это знаете.

отправь-ка ты его на одинъ изъ хуторовъ свиней пасти. Видно, онъ больше ни на что не годенъ. Ну, пошелъ!— прикрикнулъ онъ на Кирилла, обнимавшаго его ноги.

Надо было видѣть радость бѣднаго „Шармера", ожидавшаго Богъ вѣсть какой кары. Онъ бросился еще разъ въ ноги отцу, поцѣловалъ полу его халата и молча послѣдовалъ за Евстафьемъ.

Съ тѣхъ поръ прошло много, много лѣтъ. Рядъ реформъ измѣнилъ весь общественный строй... Много воды утекло, и я самъ изъ мальчика превратился уже въ старика, и вотъ недавно пришлось мнѣ по дѣламъ имѣнія побывать на родинѣ.

Остановился я на постояломъ дворѣ и, пока лошади отдыхали, я за стаканомъ чая усѣлся у окна. Мнѣ бросилась въ глаза красовавшаяся какъ разъ напротивъ вывѣска, на которой крупными буквами выведено было *столичный портной выученикъ Шармера*.

Платье мое сильно помялось въ дорогѣ, и я послалъ его вытутюжить къ „столичному" портному, а самъ вновь углубился въ созерцаніе грязной улицы родного города—столь же грязной, какъ и тридцать лѣтъ тому назадъ...

Дверь отворилась, и въ комнату вошелъ лысый старичекъ съ тщательно завернутымъ въ черный коленкоръ моимъ платьемъ. Подойдя ко мнѣ ближе, онъ поцѣловалъ меня въ плечо.

— А вы поди, баринъ, меня и не узнали?.. Да гдѣ ужъ, шестой десятокъ мнѣ пошелъ... Вашъ бывшій крѣпостной Кириллъ Бондаренко,—отрекомендовался онъ.

Я силился припомнить. Старичекъ это замѣтилъ и, добродушно улыбаясь своимъ беззубымъ ртомъ, продолжалъ, видимо оживившись:

— Помните—еще папаша заставилъ меня изъ холста пальтосакъ шить.. И напугался же я тогда! Ни шить, ни кроить не могу... а ничего, покойникъ баринъ — царствіе ему небесное! — помиловалъ меня въ ту пору. А отодрать бы во какъ слѣдовало, ежели по совѣсти сказать!..

И, помолчавъ немного, онъ прибавилъ, хихикнувъ.

— А Шармеромъ такъ меня и сейчасъ всѣ величаютъ...

И повѣяло на меня чѣмъ-то далекимъ, забытымъ... И долго, долго еще послѣ этого, сидя уже въ экипажѣ, я предавался воспоминаніямъ прошлаго. И какое-то злобное чувство закралось мнѣ въ душу противъ тѣхъ писателей, которые, излагая эпизоды изъ крѣпостного права, съ какимъ-то злорадствомъ группируютъ лишь его темныя стороны, умышленно упуская другія—болѣе свѣтлыя, патріархальныя...

II.

Кучеръ Яшка.

Матушка съ нами—т. е. съ дѣтьми—не иначе ѣздила, какъ въ шестимѣстной каретѣ, выписанной отцомъ изъ Вѣны.

Кареты того времени какъ-то висѣли на круглыхъ рессорахъ и во время ѣзды качались во всѣ стороны; а устроены онѣ были на такомъ высокомъ ходу, что для того, чтобы въ нихъ забраться, необходимо было сперва переступить черезъ три или четыре ступеньки, которыя съ какимъ-то особеннымъ трескомъ складывались и опускались ливрейнымъ лакеемъ, стоявшимъ на запяткахъ. Колеса у каретъ были громадныя; подъ кузовомъ, на толстой цѣпи, звенѣлъ желѣзный тормазъ, а самый экипажъ представлялъ изъ себя подобіе ковчега. Словомъ, тяжелѣе и безобразнѣе каретъ того времени трудно себѣ что-либо представить, а потому ѣзда въ нихъ только и была возможна шестерикомъ рослыхъ и сильныхъ лошадей.

Кучеръ у матушки былъ свой; звали его—Кузьма. Ни за что на свѣтѣ не рѣшилась бы она ѣхать съ другимъ, страшно боясь всякихъ мостовъ, плотинъ, косогоровъ и горъ. Старикъ же Кузьма настолько приноровился къ ея характеру, что, при каждомъ спускѣ съ горы, уже самъ останавливалъ лошадей, при чемъ всѣ мы вылѣзали изъ экипажа и шли пѣшкомъ. При малѣйшемъ же наклонѣ дороги, на ходу, съ запятокъ ловко соскакивалъ рослый выѣздной лакей, Иванъ, и, положивъ руку на окно, шелъ рядомъ съ каретой, поддерживая—или дѣлая видъ что поддерживаетъ — ее плечомъ. Это почему-то успокоительно дѣйствовало

на матушку, какъ будто человѣческой силы хватило бы удержать такую тяжесть!..

Только тамъ, гдѣ дорога была совершенно гладкая и ровная, допускалась ѣзда рысью, и тогда форрейторъ Тишка, смотря за постромками, поминутно оглядывался назадъ и, подпрыгивая въ тактъ на сѣдлѣ, выкрикивалъ своимъ тоненькимъ голоскомъ; а старикъ Кузьма, съ высочайшихъ козелъ, густымъ басомъ командовалъ ему и понукалъ лошадей, которыя нога въ ногу, ровной рысью, бѣжали вплоть до перваго косогора...

Но за то у батюшки, служившаго когда-то въ кавалеріи, былъ „охотницкій“ четверикъ чистокровныхъ вятокъ. И что это были за лошади! Мнѣ кажется, что теперь такія уже не родятся; по крайней мѣрѣ—мнѣ никогда уже въ жизни не случалось встрѣтить что-либо подобное.

Весь четверикъ былъ подобранъ съ такимъ искусствомъ, что съ трудомъ возможно было отличить одну лошадь отъ другой. Саврасой масти, съ одинаковымъ широкимъ чернымъ ремнемъ вдоль спины, съ одинаковыми густыми черными хвостами и волнистой гривой, ниспадавшей чуть-ли не до самой земли, одинаковаго роста, одной длины, одинхъ лѣтъ и характера,—четверикъ этотъ служилъ предметомъ удивленія и зависти всѣхъ помѣщиковъ нашего округа.

Разсказывались цѣлыя легенды—проникавшія и къ намъ въ дѣтскую—о необыкновенной злобѣ, выносливости и быстротѣ этихъ лошадей, при чемъ главную роль въ этихъ разсказахъ игралъ любимый отцовскій кучеръ Яшка—сынъ нашей няньки Арины. Высокаго роста, красавецъ цыганскаго типа, съ черными, какъ смоль, кудрями и длинными вьющимися усами, онъ обладалъ богатырской силой и постигъ всѣ тонкости ухарской ямской ѣзды въ совершенствѣ. Любилъ онъ „своихъ“ лошадей до такой степени, что когда впослѣдствіи ему пришлось съ ними разстаться, онъ, прощаясь съ ними, рыдалъ, какъ ребенокъ, покрывая ихъ горбатыя морды нѣжными поцѣлуями. За то и лошади его любили...

Бывало, къ подъѣзду поданъ легкій отцовскій экипажъ. Дышловыя лошади стоятъ, какъ вкопаныя; между тѣмъ какъ пристяжныя, звеня подгарками и бубенцами, нетерпѣливо грызутъ

удила и, играя на мѣстѣ, роютъ копытами землю. Точно золотая, переливается на нихъ ярко вычищенная сбруя, а изъ-подъ ихъ мѣстами уже выступаетъ бѣлая пѣна и потъ. Весь четверикъ, видимо, нервно возбужденъ, но экипажъ даже не тронется съ мѣста...

А на козлахъ, въ небрежной позѣ, перебирая въ рукахъ вожжи, какъ-то бокомъ сидитъ Яшка. Одѣтъ онъ въ шелковую красную рубаху и бархатную безрукавку, подпоясанъ наборнымъ поясомъ, и на красивой его головѣ ухарски надѣта поярковая шляпа съ павлиновыми перьями. То голосомъ, то рѣзкимъ ударомъ ременной вожжи, сдерживаетъ онъ расшалившихся пристяжныхъ, которыя, на мгновенье стихнувъ, вновь принимаются за то же, видимо сгорая отъ нетерпѣнія и ожиданія...

На крыльцѣ, съ длиннымъ чубукомъ въ рукѣ появляется батюшка. Камердинеръ что-то бережно укладываетъ въ экипажъ, поправляетъ въ немъ подушки, затѣмъ помогаетъ барину покойнѣе усѣсться. Въ теченіи всѣхъ этихъ сборовъ дышловыя продолжаютъ стоять все также смирно, а пристяжныя еще нетерпѣливѣе начинаютъ прыгать и играть, опустивъ свои морды чуть ли не до самой земли.

Но вотъ наконецъ раздается давно ожидаемое слово „пошелъ!“ Заслышавъ знакомый голосъ, лошади, настороживъ уши, какъ-то нервно встрепенулись... Ударилъ Яшка вожжами, гикнулъ... Дышловыя рванули впередъ, взявъ съ мѣста въ крупную рысь, пристяжныя яростно взвились на дыбы, но, сдерживаемыя могучей рукой, тутъ же свернулись въ кольцо и на отлетѣ съ мѣста же пускаются въ-скачь... Въ теченіи нѣсколькихъ мгновеній еще видно, какъ по обѣимъ сторонамъ развѣваются ихъ густыя, волнистыя гривы, еще слышно, какъ въ тактъ раздаются мѣрные удары копытъ и звонъ бубенчиковъ... Затѣмъ проходитъ мигъ, за нимъ другой... и—все смолкло, все исчезло...

При такомъ зрѣлищѣ, я, обыкновенно, какъ очарованный, замиралъ отъ восторга. Боже! сколько тайныхъ, но—увы!—несбыточныхъ, страстныхъ желаній неистово врывалось тогда въ мою дѣтскую душу!... Что отдалъ бы я, напримѣръ, за то, чтобы мнѣ позволено было, хоть одинъ только разъ, хоть немножко, покататься съ Яшкой на отцовскихъ лошадяхъ!... И какъ антипа-

тпчны становились мнѣ тогда—и матушкины „клячи“, какъ я ихъ называлъ мысленно, и эта противная карета, гдѣ было всегда такъ тѣсно и такъ душно, и наконецъ этотъ противный Кузьма, который точно спалъ на своихъ непрочайшихъ козлахъ!

Но увы! воздушные замки мои прерывались обыкновенно самымъ прозаическимъ образомъ. Являлся monsieur Thibaut, бралъ меня за руку и торжественно отводилъ въ классную, гдѣ снова засаживалъ за французскую грамматику....

Въ то время вообще воспитывали дѣтей довольно строго, а потому намъ не разрѣшалось ни на шагъ отлучаться изъ дому безъ сопровожденія гувернера или гувернантки. Но было время, когда и мы пользовались полной свободой. Послѣ обѣда въ домѣ наступала мертвая тишина и все засыпало на часъ или на два, начиная съ господъ и кончая прислугой. Даже французъ Тибо— и тотъ прекрасно усвоилъ эту русскую привычку, чему впрочемъ отчасти способствовала въ глубокой тайнѣ хранившаяся въ его сундучкѣ бутылка коньяку. Проглотивъ съ видимымъ наслажденіемъ нѣсколько рюмокъ этого нектара, Тибо сперва начиналъ клевать носомъ, а затѣмъ, заручившись нашимъ „честнымъ словомъ“ не шалить, преспокойно сворачивался на диванѣ „калачикомъ“ и начиналъ громко храпѣть.

Убѣдившись, что Тибо заснулъ, я, безъ шапки, черезъ черный ходъ, стремглавъ бѣжалъ на конюшню, гдѣ Яшка постоянно что нибудь чистилъ, чинилъ или смазывалъ, и между нами начиналась безконечная бесѣда о лѣвой пристяжной, о правомъ коренникѣ или же о „клячахъ“ Кузьмы, причемъ я старался усвоить и при случаѣ повторять разныя техническія выраженія лошадинаго спорта.

Не знаю, угадывалъ ли во мнѣ Яшка будущаго страстнаго любителя лошадей, но онъ, видимо, мнѣ симпатизировалъ и даже баловалъ. Сколько кнутпковъ понадѣлалъ онъ мнѣ въ то время изъ ременныхъ обрѣзковъ и сколько разъ, рискуя быть за это строго наказаннымъ, онъ осторожно сажалъ меня на отцовскую верховую лошадь!..

И вдругъ, все это какъ-то неожиданно скоро для меня измѣнилось.

Однажды, утромъ, когда нянька Арина вошла къ намъ въ дѣтскую, чтобы одѣть насъ, меня поразилъ ея растерянный видъ. Лицо у нея было мертвенно блѣдно, глаза красны, и когда она подавала мнѣ умываться, я замѣтилъ, что ея руки нервно дрожали. На настойчивые мои вопросы: что съ ней?—Арина только молча вздыхала, и по ея морщинистымъ щекамъ текли обильныя слезы. Когда же мы вышли изъ дѣтской, то, по общему настроенію, сейчасъ же стало замѣтнымъ, что случилось нѣчто необычайное... Люди ходили по комнатамъ на цыпочкахъ и затаивъ дыханіе; въ кабинетѣ раздавался грозный голосъ батюшки, отдававшаго какія-то приказанія; куда-то поскакалъ верховой... Матушка долго шепталась съ Ариной, которая, сдерживая рыданія, о чемъ-то въ полголоса ее умоляла. Затѣмъ матушка отправилась въ кабинетъ къ отцу, откуда возвратилась, взволнованная и грустная...

Во всемъ домѣ настала какая-то зловѣщая тишина. Даже мы присмирѣли. Только одинъ любопытный Тибо продолжалъ помимутно выбѣгать на дворъ, гдѣ о чемъ-то разспрашивалъ каждаго встрѣчнаго и, возвращаясь назадъ, ворчалъ себѣ подъ носъ: „oh! le misérable!.. ah! le brigand!.. [1]) а затѣмъ, жестикулируя, принимался что-то шепотомъ объяснять Амаліи Карловнѣ, которая, въ свою очередь, складывая руки какъ бы для молитвы, съ паѳосомъ восклицала: „Lieber Gott!.. aber das ist unmöglich!.. [2]). Словомъ, всѣ волновались, чего-то ожидали, причемъ отъ насъ, дѣтей, всячески старались скрыть происшедшее.

Но скрыть что-либо отъ насъ было не легко. Я не знаю, какъ это случалось, но въ концѣ концовъ, не смотря на всѣ предосторожности, мы обыкновенно очень скоро узнавали подробности каждаго происшествія. То же было и теперь.

Оказалось, что нѣмецъ-винокуръ былъ посланъ отцомъ съ Яшкой на знаменитыхъ „саврасыхъ“ по крайне спѣшному дѣлу въ городъ. Исполнивъ весьма аккуратно данное ему порученіе, нѣмецъ самъ напился и напоилъ Яшку. И вотъ, возвращаясь домой, очумѣвшій отъ пива и водки винокуръ, вздумалъ разыграть изъ себя „барина“: ему захотѣлось прокатиться на барскихъ лошадяхъ, и

---

[1]) О, несчастный! А, разбойникъ!

[2]) Боже! но это невозможно.

онъ сталъ понукать кучера, приказывая ему гнать лошадей во весь духъ.

Пожалѣлъ ли Яшка лошадей, или просто изъ одного упрямства,—но только онъ не исполнялъ требованій нѣмца, а наоборотъ, сдерживая лошадей, продолжалъ ѣхать ровною рысью. Нѣмецъ сталъ ругаться, Яшка ругнулъ и его и затѣмъ поѣхалъ еще тише. Тогда освирѣпѣвшій нѣмецъ вытянулъ его вдоль спины изо всей силы чубукомъ; но увы! финалъ былъ для него самый плачевный...

Яшка вскрикнулъ отъ боли и неожиданности, лошади подхватили. Тогда онъ, на полномъ ходу, собралъ въ одну руку вожжи, а другой на-отмашь такъ сильно ударилъ по нѣмцу, что тотъ стремглавъ вылетѣлъ изъ брички, причемъ страшно расшибся и какъ пластъ остался лежать на землѣ.

Яшка возвратился одинъ. А подъ утро, съ окровавленнымъ лицомъ, едва переводя духъ и съ трудомъ передвигая ноги, притащился нѣмецъ и настойчиво сталъ обвинять Яшку чуть ли не въ желаніи его ограбить и даже убить. У него оказались сломанными два ребра.

Потушить такое дѣло безъ согласія потерпѣвшаго даже въ то время не представлялось возможнымъ. Впослѣдствіи я узналъ, что батюшка предлагалъ нѣмцу значительную сумму денегъ, чтобы прекратить дѣло, но тотъ съ презрѣніемъ и гордостью отвергъ эту сдѣлку, за что немедленно по выздоровленіи и былъ уволенъ отъ должности. Кромѣ того, батюшка усиленно хлопоталъ за Яшку въ городѣ, и ему удалось значительно облегчить его участь.

Никогда я не забуду послѣдняго моего свиданія съ Яшкой, когда онъ, передъ отправленіемъ его въ острогъ, былъ приведенъ къ крыльцу для того, чтобы проститься съ нами: это было его желаніе, и отецъ не нашелъ возможнымъ ему въ этомъ отказать.

Блѣдный, безъ картуза, стоялъ онъ, грустно понуривъ свою красивую голову, пока отецъ говорилъ ему нѣсколько утѣшительныхъ словъ, обѣщая заботиться о его матери и похлопотать о немъ въ городѣ; затѣмъ, поклонившись батюшкѣ и матушкѣ въ ноги, онъ молча поцѣловалъ имъ руки.

Когда же онъ подошелъ ко мнѣ,—что-то дрогнуло у него въ нижней части лица... Глухой вопль вырвался изъ его могучей

груди, и этотъ атлетъ, удержавшій одной рукой четверикъ бѣшеныхъ лошадей, этотъ богатырь, съ одного маха чуть не убившій нѣмца,—зарыдалъ, точно малый ребенокъ...

Плакалъ и я. Порывистымъ движеніемъ, забывъ присутствіе отца и матери, хотѣлъ я броситься къ нему... но откуда-то вывернувшійся французъ Тибо удержалъ меня за руку и силой увлекъ за собой въ комнаты, укоризненно внушая мнѣ дорогой, что я никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ не долженъ забывать, что я: „un gentil'homme de bonne famille“ [1], и что Яшка, „est pourtant une grande canaille, un brigand, qui a faillit tuer ce pauvre allemand...“ [2].

Но, не взирая на убѣдительную рѣчь Тибо и все его краснорѣчіе, я долго еще послѣ этого тосковалъ и тайно плакалъ по другѣ моемъ Яшкѣ, и моему наивному дѣтскому сердцу въ то время казалось, что никогда уже мнѣ не утѣшиться...

III.

Тибо влюбленъ

Нянька Арина была настолько глубоко потрясена несчастьемъ сына, что замѣтно начала прихварывать и дряхлѣть, а потому рѣдко уже показывалась къ намъ въ дѣтскую; если-же и появлялась, то исключительно по старой привычкѣ, или для того, чтобы кто-нибудь изъ насъ написалъ отъ ея имени письмо дорогому ея Яшенькѣ. Я всегда охотно бралъ это порученіе на себя, а потому и изучилъ терминологію, употребляемую въ перепискѣ между низшимъ классомъ, въ совершенствѣ.

„На первыхъ строкахъ“, конечно, посылалось обычное „родительское благословеніе, которое есть по гробъ жизни на вѣки нерушимо“; затѣмъ шелъ подробный перечень именъ и отчествъ каждаго изъ родныхъ и знакомыхъ, посылавшихъ „Якову Васильевичу свой низкій поклонъ“, а въ концѣ письма я отъ себя уже прибавлялъ нѣсколько ласковыхъ словъ, причемъ считалъ своею непремѣнною обязанностію извѣщать Яшку о состояніи

---

[1] Дворянинъ хорошей фамиліи.

[2] Все-жъ-таки большая каналья, разбойникъ, который чуть не убилъ этого бѣднаго нѣмца.

здоровья столь дорогихъ ему когда-то „саврасыхъ“ и отпустить цѣлый рядъ ядовитыхъ замѣчаній о вялости и неумѣлости новаго отцовскаго кучера Никифора.

Перечитавъ это посланіе вслухъ, я передавалъ его въ дрожащія руки Арины, которая, прослезившись, удалялась въ свой уголъ, гдѣ на „покоѣ“ доживала послѣдніе дни.

И вотъ на ея-то мѣсто для прислуживанія за нами была опредѣлена въ дѣтскую шестнадцатилѣтняя дочь ея Маша.

Стройная смуглянка съ огневыми глазами и ровными бѣлыми зубами, Маша поражала не только своею красотой, но еще и изяществомъ. Попавъ въ „горницы“ чуть-ли не ребенкомъ, играя вмѣстѣ съ нами и вращаясь постоянно средп господъ, она невольно усвоила и ихъ манеры. Въ розовомъ платьѣ и бѣломъ, какъ снѣгъ, фартучкѣ, она скорѣе была похожа на барышню. чѣмъ на крестьянку, а своею свѣжестью и граціозностью пропзводила на всѣхъ самое пріятное впечатлѣніе. Для меня же Маша была дорога уже однимъ тѣмъ, что она была родной сестрой моего друга Яшки и замѣчательно на него похожа.

Не знаю, вспомнилъ-ли monsieur Thibaut въ лицѣ Маши черноокихъ своихъ соотечественницъ, оставленныхъ имъ въ далекой родинѣ, или просто она поразила его своей красотой, но только со времени появленія ея у насъ въ дѣтской французъ весь преобразился.

Бывало, онъ высоко-торжественнымъ тономъ читаетъ намъ о томъ, какъ Леонидъ съ горстью Спартанцевъ защищалъ проходъ въ Ѳермопилахъ, и, увлекаясь предметомъ лекціи, краснорѣчиво излагаетъ передъ нами разные примѣры мужества и твердости этого народа... Но вотъ въ классную неожиданно вошла Маша, и гувернеръ засеменилъ на стулѣ, сбился, смолкъ...

Забыты Ѳермопилы, забыто наше присутствіе даже, и Тибо жаднымъ взоромъ слѣдитъ за граціозными движеніями красавицы Маши, а она, плутовато сверкнувъ въ его сторону глазами, все еще медлитъ уходить, дѣлая видъ, что прибираетъ что-то въ комнатѣ.

А Тибо, раньше того всегда яростно выгонявшій старуху Арину, когда ей во время урока случалось за чѣмъ-либо войти въ классную, теперь безмолвно переноситъ эту помѣху его занятіямъ и даже

послѣ ухода Маши долго-долго еще сидитъ, какъ очарованный, устремивъ глаза куда-то въ даль, о чемъ-то думая, о чемъ-то вздыхая...

Если отъ насъ, дѣтей, не скрылась перемѣна, совершившаяся въ душѣ нашего ментора, то не могла она пройти незамѣченной и для Амаліи Карловны, давно лелѣявшей тайную надежду покорить сердце легкомысленнаго француза. И когда она, наконецъ, убѣдилась, что голубые бантики и букетики изъ васильковъ и незабудокъ, старательно прицепливаемые ею ежедневно на желтоватые рѣдкіе волосы, не возымѣли своего дѣйствія, когда она убѣдилась, что коварный французъ, въ свою очередь, не для нея, а для Маши, для одной только Маши, — сталъ еще тщательнѣе фабрить свои длинные усы и эспаньолку,—о, тогда жгучая ревность закралась въ душу флегматичной доселѣ нѣмки, и на зеленоватыхъ, безжизненныхъ глазахъ ея все чаще и чаще стали появляться слѣды тайно пролитыхъ слезъ...

О, сколько мелочныхъ придирокъ вытерпѣла отъ нея въ то время бѣдная Маша и сколько несправедливыхъ жалобъ поступало на нее къ матушкѣ отъ уязвленной въ самое сердце нѣмки! И думаю я, что, кокетничая съ Тибо, Маша только мстила ей, прекрасно понимая все то, что творилось въ душѣ сантиментальной ея соперницы...

За то и лакей Петрушка, тоже влюбленный въ Машу, въ свою очередь, чисто по-лакейски сталъ мстить господину Тибо.

За обѣдомъ блюда разносились по очереди: сначала старшимъ, затѣмъ подавались они намъ и Амаліи Карловнѣ и наконецъ уже, послѣднему, подносились къ monsieur Thibaut.

А французъ любилъ-таки покушать, и прозорливый Петрушка, замѣтивъ эту слабость своего соперника, какъ-то искусно ухитрялся поворачивать къ нему блюдо такъ, что Тибо волей-неволей приходилось брать самые плохіе куски. Въ особенности же съ пирожками, которые особенно любилъ Тибо, продѣлывалъ Петрушка какой-то особенный фортель, послѣдствіемъ котораго было то, что французу зачастую не удавалось поймать на вилку ни одного пирожка, а такъ какъ брать ихъ руками считалось крайне неприличнымъ, что имъ же самимъ неоднократно внушалось намъ за столомъ, то бѣдному Тибо оставалось лишь безнадежно провожать

глазами заманчивое для него блюдо, которое врагъ его съ злорадствомъ, мимо его носа, унесъ въ буфетную.,.

А, между тѣмъ, дни слѣдовали за днями. Амалія Карловна и Петрушка ревновали и мстили, Тибо все болѣе и болѣе влюблялся и страдалъ, а Маша безжалостно съ нимъ кокетничая, только смѣялась надъ нимъ, видимо симпатизируя Петрушкѣ.

Въ то время появленіе въ усадьбѣ коробейника считалось важнымъ событіемъ. Въ особенности съ нетерпѣніемъ ожидали его Тибо и Амалія Карловна, не имѣвшіе возможности отлучаться за покупками въ городъ, а досаждать батюшкѣ съ порученіями о покупкѣ какой-нибудь банки помады или пачки шпилекъ—было крайне рискованно даже... Коробейники же прекрасно знали потребности обитателей далекихъ усадьбъ и наживали цѣлыя состоянія, продавая разную мелочь, необходимую въ обыденной жизни.

Бывало, въ прихожей на полу разостлалъ коробейникъ свой товаръ. И чего только у него нѣтъ! Начиная отъ яркихъ платковъ и разноцвѣтныхъ бусъ для деревенскихъ дѣвокъ и бабъ и кончая „французскими“ духами и помадой московскаго фабриканта „Мусатова съ сыновьями“—для господъ. Ловкій, говорливый офеня-владимірецъ умѣло подхваливаетъ свой товаръ и, зная свою публику наизусть, при случаѣ деретъ съ нея баснословныя цѣны. Такъ, напр., подмѣтивъ у Амаліи Карловны слабость къ голубому цвѣту, онъ прежде всего и чуть не даромъ начинаетъ предлагать ей красную шерсть или ленту, увѣряя ее, что голубой цвѣтъ „страшно въ моду пошелъ“, а потому и вздорожалъ чуть-ли не втрое... И бѣдная Амалія Карловна, скрѣпя сердце, вынимаетъ изъ комода трудовыя денежки и, съ грустью глядя, какъ безвозвратно поглощалъ ихъ засаленный бумажникъ торговца, вздыхая, пріобрѣтала свою голубую покупку. Но обойтись безъ голубаго цвѣта она никакъ не могла! Даже теперь, когда я представляю себѣ Амалію Карловну, мнѣ рисуется что-то голубое и — только...

За то горячій французъ быстро оканчивалъ свои дѣла. Выбравъ цѣлую коробку чернаго фиксатуара и флаконъ какихъ-то невозможныхъ, вонючихъ духовъ, онъ рѣзко спрашивалъ: combien!? [1])

[1]) Сколько?!

и, молча протянувъ коробейнику требуемую сумму, гордо уносилъ свое пріобрѣтеніе, которое тутъ же бережно укладывалъ въ завѣтный сундучекъ, стоявшій подъ его кроватью.

Въ началѣ появленія Тибо въ нашемъ домѣ, онъ фабрилъ усы какой-то смѣсью ваксы, мыла и свѣчнаго сала, имъ самимъ же составляемой. Но послѣ того, какъ было обнаружено, что салфетки, подаваемыя за столомъ французу, какъ-то таинственно скоро чернѣли,—немедленно былъ положенъ предѣлъ фабрикаціи имъ этого косметическаго средства, и Тибо волей-неволей вынужденъ былъ запасаться имъ у коробейниковъ.

А изводилъ Тибо такое неимовѣрное количество фиксатуара, что Амалія Карловна въ минуты гнѣва и ревности увѣряла, что онъ его ѣстъ. Но это происходило по весьма простой причинѣ. У Тибо были густые щетинистые усы, и все его вниманіе было обращено на то, чтобы они торчали въ обѣ стороны острыми стрѣлами. Хорошо нафабренные усы для француза значили то же, что бантики небесно-голубаго цвѣта для нѣмки!..

Однажды—это было послѣ того, какъ Тибо воспылалъ къ Машѣ нѣжной страстью — въ усадьбѣ появился коробейникъ. Среди окружавшихъ его покупателей вертѣлась и Маша. Продержавъ въ рукахъ нѣкоторое время красивую алую ленту, она, грустно вздохнувъ, положила ее обратно и, не сводя глазъ, продолжала издали ею любоваться.

Какъ ни занятъ былъ Тибо выборомъ флакона духовъ, все-таки подмѣтилъ онъ въ выраженіи Машиныхъ глазъ страстное желаніе имѣть эту ленту и, не долго думая, не торгуясь даже, преподнесъ ей эту ленту, галантно расшаркиваясь, точно въ салонѣ, причемъ продекламировалъ съ нѣкоторымъ даже пафосомъ:

Prenez ce petit rien—
D'un coeur qui vous aime bien!.. [1])

И сдѣлавъ граціозное движеніе „ручкой“, Тибо обратился комнѣ съ приказаніемъ перевести сказанное на русскій языкъ.

Услыхавъ дословный переводъ этого французскаго двустишія, Маша сперва звонко расхохоталась, а затѣмъ, надувъ губки, проговорила:

---

[1]) Примите этотъ пустякъ
Отъ сердца, которое васъ очень любитъ!..

— Ишь ты, что выдумалъ, басурманъ проклятый, нехристь поганый!..

Однако ленту все-таки взяла.

— Et bien qu' a t-elle repondu? [1])—допытывался весь превратившійся во вниманіе Тибо.

Я солгалъ, что Маша глубоко тронута его нѣжнымъ участіемъ и просила передать ему, что она никогда не забудетъ его доброты.

— Ah! la chère enfant, oh! la belle fille du Nord!. [2])—воскликнулъ весь просіявшій Тибо и, покручивая свои длинные усы,— побѣдоносно запѣлъ фальцетомъ что-то вродѣ марсельезы.

Что же касается Амаліи Карловны, то она до такой степени была поражена неожиданной выходкой Тибо, что на этотъ разъ ничего не купила голубаго...

Съ этого дня обезумѣвшій отъ самонадѣянности Тибо сталъ смѣлѣе и положительно уже не давалъ проходу бѣдной Машѣ, щипля ее за щечку при каждой встрѣчѣ или заигрывая съ ней довольно дерзко, не стѣсняясь нашимъ присутствіемъ. Маша не на шутку начинала сердиться, собираясь даже жаловаться на него матушкѣ; Амалія Карловна со злости, горя и зависти слегла въ постель, а Петрушка, не прибѣгая болѣе ни къ какимъ ухищреніямъ, просто-на-просто сталъ обносить Тибо за обѣдомъ...

Столь натянутое положеніе не могло долго продолжаться, и дѣйствительно скоро наступила развязка, но, увы! самая неожиданная для легкомысленнаго француза.

Я никогда не забуду этого вечера. Тибо видимо волновался, собираясь куда-то. Стоя передъ зеркаломъ, тщательно нафабрилъ опъ усы, спрыснулъ себя духами, затѣмъ, довольный собой, бросилъ послѣдній взглядъ въ зеркало и внезапно исчезъ... Но не долго длилось его отсутствіе. Прошло всего съ четверть часа, и вдругъ, стремительно вбѣгаетъ Тибо съ какимъ-то растеряннымъ видомъ... Платье его измято, галстухъ сверпулся въ сторону, а лицо, еще такъ недавно сіявшее такимъ довольствомъ и счастьемъ, оказалось все вымазаннымъ густымъ слоемъ сажи!...

Едва мы съ братомъ успѣли разглядѣть нашего гувернера, какъ разразились неудержимымъ хохотомъ. Я такъ даже пова-

---

[1]) Ну, что она отвѣтила?

[2]) А, милое дитя, о, красивая дѣва сѣвера!..

лился на полъ и, катаясь по немъ, началъ дико взвизгивать отъ избытка веселаго смѣха... На этотъ шумъ вошла матушка...

Черезъ нѣсколько минутъ Тибо былъ позванъ къ отцу въ кабинетъ.

Что происходило тамъ, мнѣ неизвѣстно, но спустя нѣкоторое время французъ возвратился уже умытый и, какъ-то съежившись, стараясь не глядѣть на насъ, сконфуженно проныгнулъ за ширмы, гдѣ стояла его кровать.

Долго возился онъ тамъ съ своимъ сундучкомъ, открывая и запирая его, и сквозь освѣщенную матерію ширмъ мнѣ ясно была видна его тѣнь, складывавшая платье. Тибо укладывался. О, счастье!... Значитъ, и его выгоняли изъ дому, какъ многихъ его предшественниковъ, значитъ, наступали для насъ снова двѣ-три недѣли полной свободы, а, можетъ быть, даже и болѣе, если не скоро „выпишутъ“ новаго гувернера. И не жалость къ Тибо, который въ сущности былъ добрый малый,—нѣтъ! а какое-то радостное чувство наполнило мое жестокое дѣтское сердце...

Но вотъ потухла свѣча за ширмами, и Тибо улегся на кровать, чтобы въ послѣдній разъ провести ночь подъ пріютившимъ его послѣ долгихъ странствій чужимъ кровомъ. А на завтра опять начнется скитальческая жизнь, пока какой-нибудь помѣщикъ тоже не выгонитъ гувернера и не замѣнитъ его выгнаннымъ-же съ другаго мѣста господиномъ Тибо...

И не спалось, должно быть, въ эту послѣднюю ночь бѣдному французу! Долго, пока самъ не заснулъ, слышалъ я еще, какъ ворочался онъ на своей кровати и какъ съ глубокимъ вздохомъ вырывались у него возгласы въ родѣ:

— Oh! les barbares!!.. [1])

Или:

Ah! la miserable! ah! la drollesse! [2])

На другой день рано утромъ къ черному крыльцу подана простая повозка. Въ нее, вмѣсто сидѣнья, поставленъ сундучекъ Тибо... И никто съ нимъ не прощается, никто его не провожаетъ!...

Рядомъ со мной изъ окна дѣтской смотритъ на усаживающагося въ повозку француза—Маша. Уѣзжая, онъ бросилъ ей на прощанье укоризненный, но все еще влюбленный взглядъ...

---

[1]) О, варвары!...
[2]) А, несчастная!... а, мерзавка!

Маша высунула ему языкъ.

Такъ закончился романъ господина Тибо.

IV.

Учитель.

Послѣ „исторіи“, закончившейся столь печально для monsieur Thibaut, матушка стала осторожнѣе въ выборѣ намъ гувернера, и мы, тревожно слѣдившіе за всѣмъ тѣмъ, что сколько-нибудь относилось до этого вопроса, къ великой радости нашей узнали, что переписка съ кѣмъ-то по поводу присылки въ усадьбу новаго ментора затянулась, повидимому, надолго.

Изъ долетавшихъ до насъ урывками разговоровъ „большихъ“, происходившихъ обыкновенно за утреннимъ часмъ, намъ стало яснымъ, что какой-то швейцарецъ, съ прекрасными рекомендаціями и аттестатами, котораго особенно добивалась опредѣлить къ намъ матушка и про котораго батюшка, нисколько не стѣснялся нашимъ присутствіемъ, выражался, что онъ „навѣрное такой-же прохвостъ, какъ и Тибо“,—требовалъ себѣ чуть-ли не генеральское жалованье, отдѣльной комнаты для жилья и полубутылки настоящаго бургонскаго вина за обѣдомъ.

Изъ всѣхъ этихъ требованій меньше всего было разговоровъ о деньгахъ. Напротивъ, высокая оцѣнка швейцарцемъ своего труда какъ бы даже говорила въ его пользу; но матушка никакъ не могла помириться съ мыслью что „мальчики“ будутъ спать безъ гувернера, а батюшку больше всего возмущало требованіе бургонскаго вина.

— Ишь ты, баринъ какой!—восклицалъ онъ обыкновенно, когда матушка издалека пробовала замолвить словечко за эту послѣднюю уступку.—Я, изволите-ли видѣть, для этого мерзавца долженъ выписывать заграничное вино!.. Да у меня и предводитель и исправникъ пьютъ Елисѣевское и не морщатся, а вдругъ какой-то тамъ marquis sans culottes [1]) начнетъ за моимъ столомъ гримасничать и критиковать достоинство моего вина! Не хватаетъ

---

[1]) Маркизъ безъ штановъ.

одного только, чтобы и Амалія Карловна потребовала себѣ бочку баварскаго пива и вмѣсто борща и щей заставила насъ готовить ей разные тамъ мильхи и бпръ-зупны!..

— А не хотятъ-ли эти канальи людскаго квасу!—заканчивалъ онъ обыкновенно свой монологъ, яростно затянувшись нѣсколько разъ изъ чубука, и уходилъ въ кабинетъ, шумно захлопнувъ за собою двери.

А бѣдная, ни въ чемъ неповинная Амалія Карловна только вздыхала, закатывая свои зеленоватые глаза къ потолку, причемъ лицо ея принимало выраженіе „жабы въ обморокѣ“, какъ успѣлъ мнѣ это однажды, за столомъ, шепнуть старшій братъ, дѣлая видъ, что подымаетъ салфетку съ полу...

Недолго, однако, длилась наша свобода. На семейномъ совѣтѣ, куда въ важныхъ случаяхъ, къ совѣщанію, допускались и тетки, рѣшено было: на время, до пріисканія намъ гувернера, нанять учителя.

Сперва голоса раздѣлились. Одни склонялись къ тому, чтобы взять мѣстнаго пономаря, другіе-же предпочитали сына вдовы дьяконицы, семнадцатилѣтняго семинариста, проводившаго каникулы дома. Наконецъ, послѣ долгихъ колебаній и даже споровъ выборъ палъ на семинариста въ виду того соображенія, что пономарь, „запившій“ запосмъ, во хмѣлю былъ буенъ, семинаристъ-же, по „младости лѣтъ“, пившій пока еще умѣренно, былъ „мальчишка“, котораго при случаѣ и самого-то „поучить“ еще можно—о чемъ и надлежитъ заранѣе условиться съ дьяконицей. Наконецъ, послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ съ нею, причемъ она выговорила въ свою пользу: три рубля денегъ, четыре воза хворосту, пудъ крупичатой муки, да еще что-то изъ живности,—дьяконицей рано утромъ „приведенъ“ былъ къ намъ Елизарій Аквилонскій.

Мы еще спали, когда въ дѣтскую шумно вбѣжала Маша, съ крикомъ:—„учителя привели, да какого чудного!..“ Моментально вскочивъ съ кроватей, босикомъ, въ однихъ рубашкахъ, бросились мы съ братомъ къ прихожей, гдѣ на ларѣ, въ ожиданіи пробужденія хозяевъ, рядомъ съ своею матерью сидѣлъ нашъ будущій наставникъ.

И вотъ, притаившись за дверью, мы съ любопытствомъ стали слѣдить за происходившимъ въ прихожей.

Худенькая, вся сморщенная старушка-дьяконица, въ-полголоса, скороговоркой внушала сыну, какъ встать и поклониться барынѣ, какъ и что отвѣтить ей, какъ подойти къ „ручкѣ“ и т. п. Слышались фразы вродѣ: „ласковое теля двѣ матки сосетъ“, „съ богатымъ не тянись“, „воздай кесарю кесарево“ и другіе многочисленные афоризмы житейской мудрости людей, умѣющихъ прокладывать себѣ дорогу. А семинаристъ, насупившись, молча грызъ свои почти уже совсѣмъ съѣденные ногти и видимо не особенно былъ доволенъ распоряженіемъ матери, лишавшимъ его вакаціонной свободы,—быть можетъ, такъ долго, такъ трепетно жданной еще въ стѣнахъ угрюмой и строгой бурсы.

Елизарій Аквилонскій былъ высокаго роста, широкій въ костяхъ юнецъ, съ угловатыми манерами и изъ-подлобья глядѣвшими косыми глазами. Скулы рѣзко выдавались впередъ, а на толстой чувственной верхней губѣ его и подбородкѣ уже начиналъ пробиваться густой рыжеватый пухъ. Но больше всего поразили меня въ немъ его волосы. Рыжіе, необыкновенно густые, они образовали на головѣ цѣлую папаху, ниспадавшую сзади чуть ли не до самыхъ плечъ. По всему, однако, замѣтно было, что эта шевелюра считалась Аквилонскимъ лучшимъ украшеніемъ его особы, потому что я замѣтилъ, и въ весьма короткій промежутокъ времени, какъ онъ, переставая на время грызть ногти, нѣсколько разъ опускалъ руку въ карманъ, откуда вынималъ толстый гребень—точь въ точь такой-же, какъ тотъ, которымъ нашъ кучеръ расчесывалъ гривы отцовскихъ „саврасыхъ“—и принимался приводить свою шевелюру въ порядокъ. Чесался же Аквилонскій крайне своеобразно. Проведя гребнемъ сперва нѣсколько разъ по волосамъ, начиная со лба, онъ затѣмъ продѣлывалъ то же самое, начиная уже съ затылка, отчего волосы его еще больше подымались космами въ верхъ. Достигнувъ этимъ способомъ столь нравившейся ему высокой прически, Аквилонскій видимо успокоивался и пряталъ гребень обратно въ карманъ, пока снова не замѣчалъ, что волосы его начинали ложиться нѣсколько глаже и ровнѣе...

Наконецъ, матушка встала, и началось представленіе ей „учителя“, причемъ дьяконица тараторила, на-распѣвъ расхваливая сына, точно какой-то товаръ.

— И какой мой Елизаша почтительный, и до чего только онъ ко всякимъ наукамъ способенъ—и невообразимо!.. Представьте себѣ, благодѣтельница, что самъ даже отецъ ректоръ на него свое милостивое вниманіе обратить изволили!.. И не то, чтобы я это вамъ присочинила, государыня, — Боже меня отъ этого спаси и сохрани вдовицу немощную... извольте хоть сами спросить объ этомъ у отца Приклонященскаго. Ужъ хвалилъ онъ моего Елизашу, хвалилъ!..

А „Елизаша“ стоялъ, какъ пень дубовый, кланялся какъ-то въ бокъ, и только мычалъ себѣ что-то подъ носъ густымъ басомъ.

И г. Аквилонскій сталъ нашимъ учителемъ.

Помѣстили его на жительство въ прачечную и дня два онъ обѣдалъ съ нами за общимъ столомъ. Но такъ какъ онъ за обѣдомъ ужасно чавкалъ—а матушка этого выносить не могла—то и обѣдъ стали подавать ему также въ прачечную, чему онъ, впрочемъ, кажется, былъ очень доволенъ, имѣя возможность тамъ безъ всякаго стѣсненія досыта утолять свою семинарскую прожорливость.

Въ прачечной Аквилонскій завелъ амуры съ сосѣдкой прачкой и, кажется, имѣлъ успѣхъ. Въ моей памяти до сихъ поръ сохранилось начало посвященной имъ сей оды, которую онъ, выворачивая слова на „о“, не разъ декламировалъ въ нашемъ присутствіи.

Начиналась эта ода такъ:

О ты, которая волнами плещешь,
Полощя грязное бѣлье!...

Далѣе воспѣвались: и „перси“, и „ланиты“ „и неземныя ея красы“, но, кажется, больше всего „ея власы“.

Какія именно науки проходилъ съ нами Аквилонскій, я теперь не помню, но за то помню, что отъ него впервые я узналъ, что Амалія Карловна „протухлая колбаса“ и что она „еретичка“. Наконецъ, ему же я обязанъ своими обширными познаніями различныхъ народныхъ ругательствъ, за что впослѣдствіи неоднократно и былъ жестоко высѣченъ своимъ отцомъ.

Любимымъ препровожденіемъ времени Аквилонскаго было воровать незрѣлыя яблоки въ саду, хотя никто не думалъ запрещать ему ѣсть ихъ, сколько его душѣ угодно. Но, вѣроятно,

въ „запретномъ плодѣ“ только и усматривалъ онъ особенную сладость и вкусъ... Затѣмъ любилъ онъ еще разорять птичьи гнѣзда и, бродя по берегу пруда, бросать каменьями въ мирно плававшихъ по немъ гусей и утокъ, и надо было видѣть его радость и ликованіе, когда удавалось ему подшибить крыло одной изъ этихъ несчастныхъ птицъ!

Въ семинаріи Аквилонскій состоялъ пѣвчимъ, а потому онъ пѣлъ. Но Боже, что это было за пѣніе!.. Какъ теперь помню излюбленные его мотивы. Преимущественно-же увлекался онъ напѣвомъ: „на рѣкахъ Вавилонскихъ“ и какимъ-то „кантомъ“, начинавшемся дикимъ возгласомъ: „взалкалъ я!“ и переходившемъ къ концу въ какіе-то крайне сложные переливы, трели и рулады.

— И-го-го го-го!!. — неистово раздавалось вдругъ въ саду изъ-за деревьевъ, гдѣ-нибудь рядомъ съ нами, и Амалія Карловна, вздрагивая отъ испуга, невольно вскрикивала—всплеснувъ руками:

— Mein lieber Gott, aber kann man doch so chreien?!. Ganz wie ein Pferd!.. [1]).

— Und gar nicht müsikalisch... gar nicht [2]).

Пробовалъ было Аквилонскій и насъ выучить пѣть по-своему, но на первыхъ же порахъ отецъ нашъ положилъ этому предѣлъ, такъ что мы съ братомъ успѣли выучить всего только одинъ „кантъ“, въ которомъ мы тоненькими дишкантами начинали:

Видъ природы оживился
Сно-о-ова, сно-о-ова!

А Аквилонскій подхватывалъ, чуть-ли не октавой—такъ что стекла въ окнахъ дрожали:

Юная фло-о-о-о-ора въ брачной одеждѣ
Паки и-ви-и-илась!.. и т. д.

Однажды я особенно расшалился, за что и былъ поставленъ Амаліей Карловной въ уголъ. Сначала я пробовалъ ее разжалобить мольбами и увѣреніями, что „больше никогда не буду“; но послѣ того, какъ убѣдился, увы! что Амалія Карловна, прехладнокровно продолжавшая вязать свою голубую косынку, рѣшилась

---

1) Боже, возможно-ли такъ орать:—совсѣмъ какъ лошадь!
2) И совсѣмъ не музыкально.

на этотъ разъ продержать меня въ углу дольше обыкновеннаго, и къ тому-же раздраженный еще и тѣмъ, что Аквилонскій, изъза ея спины, строилъ мнѣ разныя „рожи“—крикнулъ ей съ досады, что она „еретичка“ и „протухлая колбаса!“

Крикнулъ—но тутъ-же и сталъ раскаиваться въ своей дерзости. Амалія Карловна только укоризненно взглянула на меня своими добрыми глазами и заплакала.

Мы всѣ любили Амалію Карловну, жившую у насъ уже много лѣтъ, и очень привыкли къ ней. Это было доброе, безотвѣтное существо, никогда на насъ не жаловавшееся, зная прекрасно, что при тогдашней системѣ воспитанія—результатомъ каждой ея жалобы были бы для насъ розги. Напротивъ, она же обыкновенно вымаливала еще за насъ прощенье, а въ тѣхъ нерѣдкихъ случаяхъ, когда насъ оставляли безъ пирожнаго, ухитрялась проносить таковое тайнымъ образомъ въ дѣтскую, увѣряя постоянно, что это: „das letzte Mahl“ [1]).

Мнѣ до боли стало жаль бѣдную гувернантку,—до такой степени поразили и тронули меня ея слезы. Порывисто бросился я къ ней изъ своего угла и, лаская, и цѣлуя и называя ее самыми нѣжными именами, сталъ я вымаливать себѣ прощенье. Наконецъ, послѣ долгихъ нотацій и укоровъ, которые я на сей разъ выслушалъ съ внутреннимъ сознаніемъ ихъ справедливости, я, на вопросъ: „кто же могъ научить меня столь чудовищной дерзости?“—желая окончательно искупить свою вину, указалъ на своего „учителя“ и невольно при этомъ взглянулъ на него.

Онъ былъ ужасенъ! Косые глаза его метали искры, зубы скрежетали, а волосы, на сей разъ уже безъ помощи гребня, поднялись дыбомъ. Не успѣлъ я опомниться, какъ онъ съ ревомъ: „а, такъ ты фискалить!..“—бросился на меня съ линейкой, попавшейся ему подъ руку.

Спасительницей моей и на этотъ разъ явилась Амалія Карловна. Съ крикомъ: „wie dürfen Sie?!.. [2]) вцѣпилась она въ Аквилонскаго, который, въ борьбѣ съ нею, умышленно или случайно, толкнулъ ее настолько сильно въ грудь, что она съ визгомъ по-

---

1) Послѣдній разъ.

2) Какъ вы смѣете?

летѣла на диванъ... Весь этотъ шумъ вызвалъ появленіе матушки, и Аквилонскаго немедленно потребовали въ кабинетъ.

Я бросился туда-же подсматривать и подслушивать, тревожась узнать поскорѣе, какъ взглянетъ на всю эту „исторію“ отецъ.

— Ну-съ, господинъ профессоръ, дерущійся съ дамами, обратился онъ къ стоявшему передъ нимъ, насупившись, Аквилонскому,—разскажите мнѣ, пожалуйста, больно-ли у васъ сѣкутъ въ семинаріи?

Но „господинъ профессоръ“ упорно молчалъ, яростно грызя свои ногти, и отецъ тщетно прождавъ нѣкоторое время его отвѣта, продолжалъ, нѣсколько возвыся голосъ:

— А какъ ты думаешь, благовоспитанный юноша, гдѣ больнѣе дерутъ: въ семинаріи, или у меня на конюшнѣ?

— Я... я не рабъ вашъ!.. — буркнулъ Аквилонскій, дѣлая шагъ ближе къ двери.

— Что-о?!. Такъ ты еще грубить!.. Мнѣ?!. Эй!.. — раздался, на сей разъ уже грозный, голосъ батюшки.

Въ то время электрическихъ звонковъ не было — да и не предстояло въ нихъ надобности... Какъ изъ земли выросли два саженныхъ лакея и встали по бокамъ „учителя“, ожидая дальнѣйшихъ распоряженій барина.

— На конюшню!—рѣзко проговорилъ отецъ, и управившагося Аквилонскаго моментально вывели изъ кабинета.

Какъ молнія, разлетѣлась по всему дому сенсаціонная вѣсть, что „учителя драть повели“. Всѣ отъ мала до велика, съ напряженнымъ вниманіемъ, прильнули къ стекламъ оконъ, выходившихъ на дворъ, и какъ бы замерли... Лишь слышались кое-гдѣ шопотомъ произносимыя отрывочныя фразы: „простятъ“— увѣряли одни, „отдерутъ“—спорили другіе, большинство-же склонялось къ мнѣнію, что только „попужаютъ“. Одна лишь Маша звонко хохотала, чуть-ли не прыгая отъ наслажденія, радуясь, что „противнаго“ учителя самого поучатъ... Амалія Карловна бросилась въ кабинетъ вымаливать своему обидчику прощеніе... Выбѣжавшая изъ прачечной прачка завыла...

А между тѣмъ виновникъ этой кутерьмы, семинаристъ Аквилонскій, влекомый двумя рослыми молодцами, все ближе и ближе приближался къ мѣсту казни...

Но тутъ случилось нѣчто для всѣхъ совершенно неожиданное. Оставалось переступить роковую дверь и только... но, пропуская Аквилонскаго впередъ, стражники, у самой конюшни, невольно выпустили его изъ рукъ, и онъ, воспользовавшись этимъ единственнымъ, удобнымъ для него моментомъ „дать стрекача“, отскочилъ чуть-ли не на цѣлую сажень въ сторону и, что было мочи, бросился бѣжать по двору. Началась отчаянная за нимъ погоня, въ которой приняли участіе и добровольцы изъ дворни, но не тутъ-то было! Только сверкали пятки почуявшаго свободу семинариста, да волосы его развѣвались во всѣ стороны точно грива... Съ рѣдкою находчивостью и ловкостью ухитрялся онъ выворачиваться изъ самыхъ рукъ своихъ преслѣдователей. Казалось, вотъ-вотъ наступилъ уже конецъ, выходу нѣтъ!... онъ окруженъ, плѣненъ... но нѣтъ еще: скачекъ, другой, и Аквилонскій опять далеко...

Онъ сталъ даже бравировать опасностью, подпуская своихъ неуклюжихъ преслѣдователей на самое близкое разстояніе, и вдругъ съ опущенной головой, точно быкъ, съ дикимъ ревомъ: „го-го-го!“ дѣлалъ видъ, что собирается ринуться на своихъ враговъ и тутъ-же, пользуясь ихъ замѣшательствомъ, мгновенно мѣнялъ направленіе, снова пускаясь въ отчаянное бѣгство.

Зрѣлище становилось интереснымъ. Всѣ высыпали на дворъ, причемъ присутствующіе громко хохотали, поощряя то ту, то другую сторону. Слышались язвительныя насмѣшки, направленныя противъ преслѣдователей... Одна лишь прачка по прежнему выла.

Даже батюшка, и тотъ, выйдя на крыльцо съ чубукомъ въ рукахъ, съ видимымъ любопытствомъ слѣдилъ за перипетіями этого турнира. Онъ замѣтно уже симпатизировалъ Аквилонскому— весь его гнѣвъ прошелъ.

По „Давидъ побѣдилъ Голіафа“—оправдывалъ впослѣдствіи свое пораженіе Аквилонскій. Мальчикъ, казачекъ, бросившійся ему въ ноги, положилъ конецъ этой борьбѣ ловкости съ силой. Аквилонскій растянулся какъ пластъ посреди двора и былъ, наконецъ, взятъ въ плѣнъ набросившимися на него врагами.

Батюшка что-то сказалъ лакею, и тотъ побѣжалъ исполнять его приказаніе. Аквилонскаго повели уже не къ конюшнѣ, а въ

прачечную. Оказалось, что на сей разъ вышла „резолюція“: обстричь его подъ гребенку. Надо замѣтить, что волосы Аквилонскаго всегда наводили какой-то ужасъ на матушку, которая не разъ, въ деликатной формѣ, а потому, вѣроятно, и безуспѣшно, намекала ему, что: „не мѣшало-бы немного и постричься“.

Я никогда не забуду сцену, послѣдовавшую вслѣдъ за этимъ. Мы сидѣли въ классной, когда вновь появился нашъ учитель, но уже обстриженный домашнимъ куаферомъ. Строго говоря, лицо его отъ этого только выигрывало, совершенно потерявъ свой прежній дикій видъ, но повидимому самъ-то онъ объ этомъ былъ другого мнѣнія... Стремительно подбѣжавъ къ висѣвшему въ комнатѣ зеркалу, Аквилонскій сперва поблѣднѣлъ и инстинктивно отшатнулся назадъ... затѣмъ, схвативъ себя руками за голову, онъ взвылъ какимъ-то ужаснымъ, дикимъ голосомъ и, упавши ницъ на диванъ, зарыдалъ какъ ребенокъ...

Недолго послѣ этого учительствовалъ у насъ Елизарій Аквилонскій. Недѣли черезъ двѣ прибылъ въ усадьбу гувернеръ-швейцарецъ съ „рекомендаціями“, согласившійся, наконецъ, спать въ дѣтской за ширмами и пить Елисѣевское вино вмѣсто французскаго. Но и ему вскорѣ было отказано отъ мѣста.

Онъ оказался прекрасно воспитаннымъ человѣкомъ, но горькчайшимъ пьяницей.

V.

«Крокодилъ».

Тетя Соня была высокая, худая, наводившая на всѣхъ насъ безотчетный ужасъ старая дѣва, хотя никого она никогда не наказывала и даже пальцемъ не тронула. Мы ее прозвали на своемъ дѣтскомъ жаргонѣ „нильскимъ крокодиломъ“ и, если въ своихъ шалостяхъ иногда не стѣснялись даже присутствіемъ отца и матери, то при одномъ появленіи „крокодила“ невольно стихали и брались за книжку, дѣлая видъ, что глубокомысленно углубляемся въ „бездну премудрости“, въ ней написанной.

Не разъ матушка, замѣтивши наши натянутыя отношенія къ теткѣ, старалась примирить насъ съ нею, объясняя, что „la tante

Sophie vous aime beaucoup, mais son caractère est aigri“ [1]); причемъ иногда прибавляла таинственнымъ голосомъ:

— Elle avait beaucoup de malheurs la pauvre tante!.. [2])

Но какія именно „малёры“ постигли тетю Соню въ молодости, мы такъ-таки никогда и не узнали, а между тѣмъ продолжали ее бояться и называть „крокодиломъ“ по прежнему.

Надо, впрочемъ, полагать, что олицетвореніемъ одного, а можетъ быть и главнаго изъ несчастій тети Сони, служилъ висѣвшій надъ ея кроватью, окруженный поблекшимъ отъ времени вѣнкомъ изъ иммортелей—акварельный портретъ какого-то красиваго гусара, съ хитро завитымъ кокомъ и громадными усами... Но когда однажды я, мучимый любопытствомъ узнать—кто это, самымъ невиннымъ тономъ спросилъ ее: „не дядя ли это нашъ?...“ она прочитала мнѣ на французскомъ языкѣ такую длинную диссертацію о неумѣстности, неприличіи, вредѣ и ужасныхъ послѣдствіяхъ любопытства, что я какъ ошпаренный вылетѣлъ изъ ея комнаты и, конечно, никогда болѣе не повторялъ своего вопроса.

Въ то время, о которомъ я повѣствую, въ провинціи немного было докторовъ, да и болѣзни были какія-то другія. Поэтому матушка сама лѣчила насъ гомеопатіей, давая намъ очень вкусныя крупинки, хранившіяся въ маленькихъ пузырькахъ, въ домашней аптечкѣ изъ красной, сафьянной кожи. Тутъ-же, впрочемъ, лежалъ и пузырекъ съ арникой, которой исцѣлялись многочисленныя наши ссадины и шишки. Но со времени появленія въ домѣ „крокодила“ и лѣченіе пошло уже по новому...

Тетя Соня была ярой алеопаткой и, Боже мой, какими ужасными средствами терзала она насъ!

Прежде всего и во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ подносилась намъ столовая ложка касторового масла и чашка горячаго настоя изъ липоваго цвѣта. Затѣмъ больной укладывался въ постель и, не смотря ни на какое время года, покрывался двумя или тремя лисьими салопами для вызова искусственной испарины. На другой-же день, безразлично—здоровъ-ли былъ паціентъ или нѣтъ, онъ долженъ былъ пролежать въ кровати цѣлый день и

---

[1]) Тети Сони васъ очень любитъ, но ея характеръ сталъ тяжелый.

[2]) У нея было много несчастій, у бѣдной тетки.

питаться однимъ лишь: „габеръ-супомъ“—„mit flaumen und rosinen“ [1]) (это уже по реценту Амаліи Карловны).

Были и варіанты лѣченія, сообразно діагнозу, установленному тетей Соней. Въ случаѣ хрипоты, намъ, кромѣ того, давалась еще и ложка прованскаго масла съ сахаромъ; въ случаѣ болѣзни горла—на шею навязывался намазанный мыломъ шерстяной чулокъ, и непремѣнно съ лѣвой ноги; наконецъ, цѣлебнымъ средствомъ отъ кашля служилъ наклеенный на всю грудь громадный кусокъ синей сахарной бумаги,—непремѣнно синей—намазанной густымъ слоемъ свѣчнаго сала.

Стоило заболѣть кому-нибудь изъ насъ и тетя Соня мгновенно переселялась изъ своей комнаты въ дѣтскую съ неизмѣнными своими спутниками: ридикюлемъ, зеленымъ абажуромъ и безконечнымъ вышиваньемъ по канвѣ. Рядомъ съ кроваткой заболѣвшаго ставились: большое вольтеровское кресло и рабочій столикъ, и тетя Соня проводила безсонныя ночи, тревожно прислушиваясь къ дыханью больнаго, поправляя заботливой рукой съѣхавшее съ него одѣяло, мѣняла намокшее отъ пота бѣлье и проч. Помощницъ она не терпѣла.

Оригиналенъ былъ также способъ, которымъ она заставляла насъ проглатывать свои лѣкарства.

Всѣ мы безъ исключенія питали непреодолимое отвращеніе къ касторовому маслу, а желатинныя капсюли въ то время изобрѣтены еще не были, да и не думаю я, чтобы тетя Соня рѣшилась ввести въ систему своего лѣченія такое новшество. Понятное дѣло, что, желая избѣжать роковой „касторки“, мы всячески скрывали свои недуги и бодрились до послѣдней возможности. Но отъ зоркаго взгляда „крокодила съ береговъ Нила“, какимъ то чутьемъ угадывавшаго всѣ наши дѣтскія тайны, ничто не укрывалось, и въ тотъ самый моментъ, когда заболѣвшій этого меньше всего ожидалъ,—передъ нимъ безмолвно, но твердо уже стояла тетя Соня, державшая въ одной рукѣ ложку кастороваго масла, а въ другой—громадныхъ размѣровъ розгу!...

— Вотъ ты у меня не выней только!... такъ и было написано и въ глазахъ, и въ позѣ, и въ каждомъ движеніи „крокодила“.

---

[1]) Съ черносливами и изюмомъ.

И мы морщились, давились, но безпрекословно подчинялись горькой необходимости.

Но вотъ, жертва принесена, касторка проглочена и добрая улыбка мгновенно смѣнитъ суровое доселѣ лицо „крокодила“; а вмѣсто исчезнувшей какимъ-то чудомъ розги, — чему позавидовалъ бы любой фокусникъ,—на сцену появляется конфетка изъ коробки „монпансье“, или же кусочекъ шоколаду, которые тетя Соня спѣшно пихаетъ въ ротикъ больнаго.

Какъ я сказалъ это выше, тетя Соня никогда насъ не наказывала, а между тѣмъ мы прекрасно знали, что малѣйшій капризъ или шалость никогда не пройдутъ даромъ, и что рано или поздно но настанетъ для насъ и время разсчета... и какого разсчета!..

Ни уголъ Амаліи Карловны, ни розги отца и матери, не наводили на насъ такого паническаго страха, какъ „нотаціи“ и „проповѣди“, періодически выслушиваемыя нами отъ „крокодила“.

И здѣсь тетя Соня держалась извѣстной, разъ на всегда принятой системы. Въ ея ридикюлѣ хранилась книжка, носившая громкое названье „меморандумъ“,—нѣчто среднее между приходо-расходной книгой и штрафнымъ журналомъ, гдѣ пунктуально, въ краткихъ, но сильныхъ выраженіяхъ, распредѣлялись по разнымъ графамъ различныя наши провинности, при чемъ рецидивы отмѣчались красными крестиками. Въ особенности же часто и много наполнялся отдѣлъ подъ рубрикой: „непочтительный тонъ и дерзкіе взоры“. Въ немъ легко было встрѣтить такія, напримѣръ, отмѣтки: Alexis s'est permis de dire „mais“ [1]) или: „Маня m'a lancé'un regard sournois [2]), и т. п.; другіе-же отдѣлы, какъ-то: отдѣлъ кланья локтей на столъ, или отдѣлъ грубостей и непослушаній — рѣдко были наполнены, ибо за столь ужасныя уже преступленія тотчасъ же слѣдовало наказанье... Въ первомъ случаѣ, близъ сидящіе гувернеръ или гувернантка стукали локтемъ виновнаго объ столъ; въ послѣднихъ-же случаяхъ провинившагося, тутъ-же на мѣстѣ преступленія, раскладывали и сѣкли, а потому и, вѣроятно, въ силу того принципа, что съ одного вола двухъ

[1]) Алексѣй позволилъ себѣ сказать „но“.

[2]) Маня мнѣ бросила взглядъ изъ подлобья, хитрый, скрытный.

шкуръ не дерутъ, наказанныя уже провинности въ „меморандумъ“ тетей Соней никогда не заносились.

Обыкновенно по субботамъ — если обвинительные пункты достигали цифры десять или превышали ее—виновный приглашался въ теткину комнату: „на пару словъ“.

Понуривъ голову, съ тоской въ сердцѣ, шелъ призываемый „на съѣденіе къ крокодилу“... Остальные-же смутно сознававшіе, что если не въ эту, то въ слѣдующую субботу наступитъ и ихъ чередъ,—сопровождали „несчастнаго“, съ участьемъ ободряя его и старалясь придать ему необходимое мужество перенести ожидавшія его испытанья.

И начиналась „пытка“...

Прежде всего тетя Соня долго и безмолвно глядѣла въ лицо жертвы своимъ холоднымъ, рѣзкимъ взоромъ, какъ бы пронизывая ее насквозь... Затѣмъ, когда, по ея мнѣнію, почва была достаточно подготовлена, она начинала укоризненно качать головой и, послѣ цѣлаго ряда глубокихъ вздоховъ, торжественно-медленно протягивала руку къ ридикюлю, откуда столь же торжественно вынимала, наконецъ, роковой „меморандумъ“.

Но это были все еще подготовительные пріемы, послѣ которыхъ тетя Соня сосредоточенно углублялась въ провѣрку обвинительныхъ пунктовъ. Нахмуривъ густыя брови, съ карандашемъ, а иногда и съ маленькими костяными счетами въ рукѣ, точно рѣшая сложную ариѳметическую задачу, подводила она итоги...

А „жертва“, затаивъ дыханье, не шевелясь, безмолвно ждала, ждала...

Въ дѣтскомъ воображеніи рисуется обширный садъ, широкія песчаныя дорожки, веселыя игры съ сверстниками, шумъ и споры, дѣтскіе клики и смѣхъ, словомъ—свобода!.. а тутъ рядомъ—„крокодилъ“, который и не смотритъ, а все видитъ, и тоска и мертвая тишина „крокодиловой норы“, прерываемая лишь шурша̀ньемъ карандаша о бумагу или щелканьемъ счетовъ...

Наконецъ, молчанье прервано и съ чувствомъ, толкомъ и разстановкой прочтенъ первый обвинительный пунктъ, за которымъ слѣдуютъ разъясненія на французскомъ языкѣ всѣхъ ужасовъ совершеннаго дѣянья. Съ поражающей логикой разъясняется напр., что „глаза суть зеркало души“, а потому „дерзкіе взоры“

не могутъ даже остаться сокрытыми, а напротивъ, всегда выдаютъ и выдавали сокровеннѣйшія тайны испорченной души преступника... Разъясняется, затѣмъ, значенье пословицы: „c'est le ton qui fait la musique“ [1]) и тутъ же изъ „меморандума“ выкладываются всѣ случаи „непочтительнаго тона“ и въ яркихъ краскахъ рисуется вся грѣховность неуваженія къ старшимъ, а тѣмъ паче къ родителямъ.

Цитируется пятая заповѣдь... Голосъ тети Сони все болѣе и болѣе возвышаясь начинаетъ звучать пророчествомъ, рука ея, вооруженная иногда карандашемъ, иногда-же счетами или самимъ „меморандумомъ“, торжественно подымается къ верху... Становится страшно даже!.. Къ вискамъ приливаетъ кровь, въ глазахъ ходятъ зеленые круги...

Наступаетъ, наконецъ, минутное молчанье, отдыхъ.

— Повтори мнѣ, другъ мой, то, что я тебѣ только что объяснила относительно всего неприличія пожиманья плечами въ присутствіи старшихъ,—раздается вдругъ настойчивое требованіе „крокодила“.

Приказанье немедленно исполняется, но дрожащимъ отъ затаенныхъ рыданій голосомъ.

— Ты не совсѣмъ вѣрно передаешь, мой милый, все то, что мною тебѣ было сказано, да и выраженье: „Honnore ton père et ta mère“ [2]) ты произносишь точно какой-нибудь Аввилонскій!.. А потому выслушай меня теперь уже внимательнѣе и не заставляй, пожалуйста, по десяти разъ повторять одно и то же!

И опять начинается пытка, которой не предвидится и конца.

Да, это наказанье было для насъ и больнѣе и продолжительнѣе розогъ, въ особенности матушкиныхъ, которая и листья съ нихъ не всегда успѣвала снимать, горячась и стараясь скорѣе докончить непріятную для нея процедуру сѣченья, на которую однако она, по тогдашнимъ понятіямъ, считала себя безусловно предназначенной...

Не мы одни—вся дворня ненавидѣла тетю Соню, передѣлавъ по своему наше прозвище изъ „крокодила съ береговъ Нила“ въ

---

[1]) Тонъ дѣлаетъ музыку.

[2]) Чти отца твоего и мать твою.

„каркадилла занила“... Въ особенности же прачка, никогда не угождавшая ей глаженьемъ воротничковъ и манжетъ, подвергалась частымъ нотаціямъ и внушеніямъ.

— Ужъ лучше-бы на конюшню отправили, чѣмъ все нутро тебѣ выворачивать, — ворчали обыкновенно дворовые, вытирая крупныя капли пота, выступившія на лбу и выбѣгая безъ оглядки изъ ея комнаты послѣ продолжительнаго „сеанса“.

А между тѣмъ, не было человѣка, которому она не оказала серьезной услуги или помощи, не только словомъ, но и дѣломъ.

Тетя Соня страшно боялась всякой простуды, а потому всегда ходила закутанная въ разныя шали, платки и капоры. По ея мнѣнію вездѣ были сквозные вѣтры, изо всѣхъ оконъ дуло... а между тѣмъ, она не щадила ни силъ, ни здоровья, ни даже жизни, чтобы оказать помощь ближнему.

Однажды ночью—это было зимой—у насъ случился пожаръ. Загорѣлась прачечная. Въ то время пожарныя команды, даже въ городахъ, замѣнялись ушатами съ водой, стоявшими на крышахъ обывательскихъ домовъ; а потому весьма естественно, что вслѣдъ за вспыхнувшей соломенной крышей, тутъ же загорѣлась и вся прачечная, и сбѣжавшемуся народу оставалось только кричать, суетиться и оберегать другія строенья...

Но вотъ, покрывая собою весь шумъ, происходившій на дворѣ, раздается ужасный вопль... Грудной ребенокъ прачки, „тайный плодъ ея любви несчастной“ къ Аквилонскому, остался забытымъ въ горѣвшей избѣ...

Смятенье удвоилось, но никто не рѣшался проникнуть въ объятую со всѣхъ сторонъ пламенемъ прачечную, а метавшаяся по двору, обезумѣвшая отъ отчаянья мать несчастнаго ребенка только оглашала воздухъ своими душу надрывающими воплями. Тогда тетя Соня, до сего времени „спасавшая“, бережно укладывая въ футляръ, дорогой ея сердцу портретъ усатаго гусара, не долго думая, въ одномъ платьѣ и туфляхъ, стремительно бросилась къ горѣвшей избѣ, съ неимовѣрной силой вырвалась изъ рукъ пытавшихся удержать ее людей, перекрестилась и мгновенно скрылась въ густомъ дыму и огнѣ...

Настало гробовое молчанье. Всѣ замерли отъ ожиданья... многіе крестились, творя молитву... Мнѣ стало страшно... Я уже

любилъ, уважалъ, жалѣлъ тетю Соню... и, упавъ на колѣни, рыдалъ, началъ горячо молиться.

Вдругъ радостные клики огласили воздухъ. Я бросился къ окну и, при яркомъ свѣтѣ пожарища, увидѣлъ какъ тетя Соня, блѣдная, съ тлѣвшими на ней остатками платья, вышла изъ горѣвшей избы, бережно держа въ рукахъ закутаннаго въ лохмотья ребенка.

У самыхъ почти дверей она упала безъ чувствъ...

Такъ спасенъ былъ отъ преждевременной гибели отпрыскъ именитаго рода Аквилонскихъ.

Долго послѣ этого болѣла тетя Соня. Когда же она выздоровѣла, то по прежнему продолжала поить насъ „касторкой“, вести свой „меморандумъ“ и читать намъ „нотаціи“ и проповѣди.

Бѣдный „крокодилъ съ береговъ Нила“, бѣдная тетя Соня! Судьба готовила ей ужасную кончину!... Она погибла жертвой своего самоотверженія и людской неблагодарности!...

Вскорѣ послѣ отмѣны крѣпостнаго права, когда вся наша большая семья разбрелась въ разныя стороны, переѣхала на жительство въ свое Костромское имѣньице и тетя Соня. Тамъ, окруженная своими бывшими крѣпостными, коротала она печальные дни, леча больныхъ ребятишекъ и обучая грамотѣ здоровыхъ.

Въ послѣднюю холеру, которая съ особенной силой свирѣпствовала въ той мѣстности, кося жертвы направо и налѣво, тетя Соня съ самоотверженіемъ переходила изъ избы въ избу, подавая страждущимъ помощь, и своимъ мужествомъ и примѣромъ поддерживала упавшій духъ въ народѣ, собственноручно растирая больныхъ крапивой и перцовкой. Благодаря ея энергіи, ей удалось многихъ изъ заболѣвшихъ поставить на ноги, а осиротѣвшимъ семьямъ оказывала она и посильную денежную помощь.

Но заболѣваетъ сама тетя Соня, заразившись отъ своихъ же паціентовъ, и всѣ окружавшіе ее люди въ паническомъ страхѣ разбѣжались, оставивъ ее умирать одну въ страшныхъ мученіяхъ... Знаменательно, что, между бросившими ее на произволъ судьбы, были люди, незадолго передъ этимъ избавившіеся отъ смерти только благодаря ея неусыпнымъ заботамъ и энергіи!..

Впослѣдствіи, спустя много лѣтъ послѣ ея трагической смерти, мнѣ разсказывалъ одинъ изъ любопытныхъ, глазѣвшихъ въ окно

со двора и видѣвшихъ ея послѣднія минуты, что она въ страшныхъ судорогахъ скатилась съ кровати и продолжала корчиться уже на полу, гдѣ и скончалась. Она кричала о помощи, умоляла дать ей хоть глотокъ воды, но никто не исполнилъ послѣдней просьбы умирающей...

— „Боялись“,—говорилъ мнѣ этотъ „одинъ изъ любопытныхъ“ и, надо ему отдать справедливость, довольно равнодушно объяснялъ мнѣ мельчайшія подробности кончины тети Сони...

Оказалось, что ея агонія длилась нѣсколько часовъ къ ряду!..

А между тѣмъ, пріѣхавшій на другой день съ санитарными цѣлями становой приставъ, похоронивъ тетю Соню, хотѣлъ распорядиться о сожженіи ея перины и подушекъ, но таковыхъ уже не оказалось. Въ числѣ другихъ тетиныхъ вещей и онѣ, до его пріѣзда, были расхищены...

Что же касается до портрета гусарскаго офицера, то таковой оказался цѣлымъ. Онъ по прежнему висѣлъ на стѣнѣ, окруженный вѣнкомъ изъ иммортелей, у изголовья тетиной кровати... Онъ до сихъ поръ хранится у меня.

VI.

«Суфле».

Дѣдушка нашъ былъ отставной генералъ, начавшій службу при Императорѣ Павлѣ Петровичѣ и вышедшій въ отставку послѣ взятія Парижа въ четырнадцатомъ году. Говорили, что онъ когда-то былъ стройнымъ гвардейскимъ офицеромъ, граціозно и легко танцовавшимъ менуэты и экосезы, плѣнившій въ свое время не мало женскихъ сердецъ своими жгучими глазами, остроуміемъ и необыкновенной тонкостью таліи, что въ то время цѣнилось особенно высоко. Я же помню его обрюзглымъ старикомъ, съ выцвѣтшими слезливыми глазами и съ животомъ такихъ необъятныхъ размѣровъ, что не было во всемъ домѣ достаточной ширины кресла, въ которомъ дѣдушка могъ-бы помѣститься. Его съ трудомъ носили на рукахъ два рослыхъ гайдука, или же вкатывали въ комнату, въ креслѣ особеннаго устройства, съ колесами, подушками и боковыми столиками.

Дѣдушка имѣлъ нѣсколько тысячъ душъ и жилъ обыкновенно въ своемъ имѣніи, но иногда предпринималъ поѣздки съ цѣлью

навѣстить „дѣтей“, т.-е. моего отца и другихъ сыновей. Погостивъ у насъ съ недѣлю или двѣ, онъ обыкновенно уѣзжалъ на что-нибудь обидѣвшись, хотя не было въ домѣ человѣка, который ему не угождалъ и не выполнялъ малѣйшей его прихоти.

— Больше нога мол здѣсь никогда не будетъ!—капризно говаривалъ онъ обыкновенно, уѣзжая, — не смотря на всѣ мольбы батюшки и матушки „простить“ ихъ, и погостить еще хоть немного.

— А ежели меня еще будете такъ обижать, то и прокляну... право прокляну!—ворчалъ онъ, уже чуть не плача, пока всаживали его грузную фигуру въ дормезъ. Но прежде чѣмъ уѣхать, онъ все-жъ таки набожно благословлялъ всѣхъ по очереди, давая предварительно каждому, въ открытое окно экипажа, цѣловать свою пухлую, выхоленную руку.

За то пріѣзжалъ дѣдушка всегда въ прекрасномъ расположеніи духа.

Еще издали, обыкновенно рано утромъ, видѣнъ былъ медленно двигавшійся поѣздъ. Впереди ѣхалъ громадный дормезъ, запряженный восьмерикомъ рослыхъ лошадей, за нимъ тарантасъ съ поваромъ Антипомъ и его помощникомъ, (дѣдушка всюду ѣздилъ не иначе, какъ съ своимъ любимцемъ поваромъ), а затѣмъ два или три фургона съ поваренками, прислугой и провизіей. Въ фургонахъ этихъ приспособлены были особыя помѣщенія, съ клѣтками для пидѣекъ и каплуновъ — по какому-то особому способу откормленныхъ,—чаны съ водой для живой рыбы разныхъ породъ и видовъ и, наконецъ, цѣлыя отдѣленія для телятъ и поросятъ, также по особой системѣ откормленныхъ и отпоенныхъ молокомъ.

Едва завидятъ издали двигающійся вдоль дороги дормезъ, какъ во всемъ домѣ подымается страшная суматоха. Матушка начинаетъ волноваться, отецъ дѣлаетъ спѣшныя распоряженія, чтобы лучше принять и удобнѣе помѣстить дорогаго гостя, насъ посылаютъ умыться и переодѣться, внушаютъ быть „умными“, не шумѣть, не надоѣдать дѣдушкѣ ..

— Grand papa avive [1]). Gross Vater kommt [2]). Старый баринъ

---

[1]) Дѣдушка ѣдетъ.

[2]) Дѣдушка ѣдетъ.

ѣдетъ!... Генералъ сейчасъ будетъ!.. только и слышно на всѣ лады и голоса. И всѣ начинаютъ суетиться и бѣгать изъ стороны въ сторону по всему дому, толкая и мѣшая другъ другу.

Наконецъ, дѣдушкинъ дормезъ медленно подъѣзжаетъ къ крыльцу, между тѣмъ какъ слѣдовавшіе за нимъ тарантасы и фургоны прямо направляются къ кухнѣ. Съ этого момента начиналось уже владычество Антипа, а нашъ старшій поваръ Карпушка становился на кухнѣ второстепенною личностью. Онъ поэтому былъ заклятымъ врагомъ Антипа, что было весьма понятно, ибо, получивъ одинаковое съ нимъ образованіе у того-же повара Англійскаго клуба,—онъ совершенно основательно считалъ себя крайне оскорбленнымъ тѣмъ предпочтеніемъ, которымъ пользовался его соперникъ.

— Дали-бы мнѣ такую-же провизію, какъ и тебѣ, такъ я почище твоего съумѣлъ-бы обѣдъ сготовить,—ворчалъ онъ иногда, въ порывѣ уязвленнаго самолюбія.

— И „меню“ порядочнаго даже составить не умѣетъ, толстопузый!.. Только барина своего понапрасну думать заставляешь—укоризненно прибавлялъ онъ, язвительно улыбаясь...

Но Антипъ, съ высоты своего величія, даже не удостоивалъ отвѣтомъ всѣ эти колкости, отпускаемыя на его счетъ.

Всѣ мы выходили встрѣчать дѣдушку на крыльцо, терпѣливо ожидая, пока не окончится долгая процедура высаживанья его изъ экипажа. Затѣмъ мы подходили по очереди и старшинству къ „ручкѣ“ и лобызались съ нимъ.

— И какого я живаго осетра привезъ!.. Во какого! Такъ и плещется... Вотъ на сколько отъ воды подпрыгиваетъ!..—восторженно начинаетъ объяснять дѣдушка, обращаясь къ батюшкѣ, показывая руками и величину осетра, и вышину его прыжковъ. Но вдругъ лицо его принимаетъ тревожное выраженіе...

— А ну, какъ заснулъ?!..

Батюшка дѣлаетъ знакъ, и казачекъ стремительно бѣжитъ къ фургону съ осетромъ,—откуда бѣгомъ же возвращаясь,—дѣлаетъ на ходу успокоительные жесты, и батюшка спѣшитъ обрадовать дѣдушку, что осетръ живъ и здоровъ и продолжаетъ плескаться и подпрыгивать по-прежнему.

— Ну, такъ мы его сейчасъ и того...—шамкаетъ успокоенный дѣдушка, и осетра торжественно вносятъ въ домъ на рукахъ.

Такія-же сцены, съ нѣкоторыми варіантами, повторялись съ каждымъ его пріѣздомъ.

По вечерамъ дѣдушка удалялся въ свою комнату, гдѣ въ полголоса происходили у него тайныя совѣщанія съ поваромъ относительно завтрашняго обѣда. Слабостью его было удивить всѣхъ неожиданнымъ появленіемъ какого-нибудь лакомаго блюда,—а потому Антипъ свято оберегалъ тайну совѣщаній съ барпномъ.

Мы, дѣти, конечно, больше всего интересовались пирожнымъ, но Антипъ, на всѣ наши настойчивые вопросы, обыкновенно упорно молчалъ или выдумывалъ такія мудреныя названія, которыя едва-ли когда-нибудь встрѣчались въ кулинарномъ искусствѣ, а потому ежели намъ иногда и удавалось добыть интересующія насъ свѣдѣнія, то исключительно благодаря Карпушкѣ, который всегда, съ особеннымъ злорадствомъ, старался сдѣлать что-либо непріятное Антипу.

Ѣлъ дѣдушка ужасно много и невыносимо долго. Кресло его подкатывалось къ столу и лакей навязывалъ ему на шею салфетку. Но такъ какъ у дѣдушки былъ настолько большой животъ, что онъ никакъ не могъ нагнуться къ столу, то тарелку съ супомъ или другими кушаньями лакеи держали передъ нимъ, пока онъ не дѣлалъ знака, чтобы ее убирали. Блюда съ кушаньями прежде всего подносились къ дѣдушкѣ, который сосредоточенно углублялся въ выборъ себѣ кусковъ. Затѣмъ, когда выборъ былъ сдѣланъ, лакей разрѣзывалъ ему куски на тарелкѣ и, въ большинствѣ случаевъ, кормилъ его, какъ малаго ребенка...

У дѣдушки были излюбленныя поговорки: „недосолъ на столѣ—пересолъ на спинѣ“, „пехай лучше чрево лопне, якъ даръ Божій пропаде“ и т. п. Онъ любилъ часто повторять все одинъ и тотъ же анекдотъ, вся соль котораго заключалась въ томъ, что какую-то даму за обѣдомъ спрашиваютъ: „чего ей угодно—щей или борщу!..“ А она отвѣчаетъ: „и того и другаго, а можно и третьяго!..

По выраженію лица дѣдушки, сейчасъ же становилось замѣтнымъ—нравится ли ему кушанье или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ лицо его принимало радостное выраженіе и оживлялось, въ

послѣднемъ,—онъ хмурился, надувъ губы, и лицо становилось какимъ-то угрюмо-плаксивымъ, причемъ онъ что-то злобно ворчалъ про себя. Разговоровъ дѣдушка за обѣдомъ не терпѣлъ, а потому всѣ хранили глубокое молчанье.

Однажды за обѣдомъ, изготовленнымъ, какъ замѣтно было, по вкусу дѣдушки, подаютъ пирожное. Онъ понюхалъ его, поморщился... попробовалъ и выплюнулъ.

— Позвать сюда Антипку!.. — крикнулъ онъ, побагровѣвъ и тяжело дыша отъ волненья.

Явился „Антипка“, сорока-пятилѣтній толстякъ, въ бѣлыхъ, какъ снѣгъ, курткѣ и колпакѣ, съ гладко выбритымъ, лоснящимся отъ жиру лицомъ. На лѣвомъ боку его, поверхъ фартука, висѣлъ широкій кухонный ножъ въ кожаномъ футлярѣ. Антипъ сталъ около дѣдушки и, заложивъ обѣ руки на спину, въ почтительной позѣ ждалъ.

— Что это, ты меня отравить что-ли хочешь?!.. — взвизгнулъ во весь голосъ дѣдушка.—Да ты что это мнѣ подалъ, а?.. Что это?.. Какъ называется эта бурда?!..

Дѣдушка захлебывался, заикался и брызгалъ слюнями.

— Суфле-съ... ваше превосходительство...

— Понюхай!..—ткнулъ его превосходительство Антипу тарелку подъ самый носъ.

Антипъ понюхалъ, посмотрѣлъ на свѣтъ, опять понюхалъ...

— Ну-съ, чѣмъ пахнетъ?..

— Ды... дымомъ...

А мы между тѣмъ продолжали снѣжно уписывать свое пирожное, давясь и тревожась, какъ-бы изъ-за дымнаго запаха не отняли-бы у насъ тарелокъ.

— А, дымомъ?.. Хорошо, прекрасно, восхитительно! Ну, а теперь скушайте, Антипъ Иванычъ, ваше „суфле“!.. Скушайте-съ... Нѣтъ ты все, все съѣшь—все-е-е!!..

Антипъ безпрекословно повиновался и—поморщился.

— Что не нравится?.. Но рожѣ вижу, что не нравится. Ну, что ты тамъ нашелъ?.. Что?..

— Ваше превосходительство!.. Помилосердуйте!.. Понять не могу, какъ могла соль сюда попасть!.. Не иначе, какъ подлецъ Карпушка со злости подсыпалъ!

— А ты что зѣвалъ старый боровъ, что дремалъ?.. Вотъ погоди-ка домой пріѣдемъ, я съ тобой расправлюсь!.. Въ солдаты тебя, каналью, безъ зачета отдамъ! Да въ пѣхоту, да въ гарнизу, подальше въ Сибирь куда-нибудь, что бы съ тебя жиру тамъ поубавили. И покажутъ тебѣ тамъ дымъ и порохъ!.. И будешь ты тамъ своему ротному только битки, да битки готовить!.. И будешь ты тамъ вспоминать и моихъ индѣекъ, и моихъ каплуновъ!.. А молочной телятины тебѣ тамъ и не понюхать у... у... у своего... у ротнаго!..

Дѣдушка чуть не плакалъ, а послѣднія слова провизжалъ, положительно, какъ капризный ребенокъ, готовый разрыдаться.

А Антипъ, какъ ни старался придать своей физіономіи испуганное выраженіе, но такъ и было написано у него на рожѣ:

— Ладно, толкуй больше. Ни въ жисть не разстаться тебѣ со мной, старый обжора!

Тѣмъ не менѣе, сдѣлавъ надъ собой видимое усиліе, онъ упалъ на колѣни и завылъ благимъ матомъ:

— Ваше превосходительство, отецъ родной!.. не погубите... Заставьте за себя вѣчно Бога молить!.. Помилосердуйте!

Матушка налила стаканъ холоднаго квасу, который дѣдушка тутъ же выпилъ залпомъ, послѣ чего нѣсколько успокоился.

— Развѣ простить?—какъ-бы спрашивал себя, проговорилъ онъ.

— Ну ужь простите его, папенька, въ послѣдній разъ,—сказала матушка тѣмъ-же тономъ, которымъ она уговаривала и насъ, когда мы капризничали. Дѣдушка обернулся къ стоявшему на колѣняхъ Антипу.

— Ну, такъ и быть,—въ послѣдній разъ! А все-же помни ты у меня, я этого „суфле“ тебѣ никогда не забуду. А знаешь-ли ты, что такое значитъ по французки „soufflet“ [1])?..—вдругъ задалъ онъ ему вопросъ.

— Не могу знать-съ, ваше превосходительство.

— А вотъ что...

И дѣдушка своею пухлой рукой слегка ударилъ по щекѣ своего любимца.

— Что, узналъ?.. Ха, ха, ха!.. Вотъ, видишь, что долгъ пла-

---

[1]) Плюха (суфле).

тежемъ красенъ. Ты меня накормилъ „суфле“ съ дымомъ и солью, а я—тебя! Ха, ха, ха!.. Ну, пошелъ!.. Впередъ будешь помнить...

Антипъ ушелъ посмѣиваясь изъ-подтишка, а дѣдушка послѣ его ухода продолжалъ еще повторять...

— Будешь ты помнить у меня „суфле“, будешь!.. Однако ты вѣдь видѣлъ, какъ я его здорово хлестнулъ по зубамъ.—хвастливо обратился онъ къ моему отцу.

Тотъ поспѣшилъ его успокоить, что не только видѣлъ, но даже и слышалъ, какъ звонко раздалась пощечина, и что, вѣроятно, Антипъ никогда не забудетъ столь строгаго наказанія и будетъ всю свою жизнь помнить, что по французски „суфле“ — значитъ плюха.

—

Послѣ смерти дѣдушки Антипъ получилъ, согласно его завѣщанью, вольную и пять тысячъ рублей. На эти и на скопленныя имъ раньше деньги онъ открылъ лучшую гостинницу въ губернскомъ городѣ. Дѣла его пошли прекрасно и онъ скоро разбогатѣлъ.

Сынъ его впослѣдствіи былъ у насъ предсѣдателемъ земской управы.

VII.

„L'oncle Nicolas“.

Десятки лѣтъ зрѣлаго возраста проходятъ безслѣдно, рисуясь въ памяти человѣка лишь бѣлой страничкой, на которой ровно ничего не написано, а между тѣмъ съ какою-то поразительною ясностью врѣзываются въ дѣтской памяти былые образы съ мельчайшими впечатлѣніями и даже оттѣнками. Прошло уже много, много лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ пролетѣли описываемыя мною событія, а между тѣмъ, до сей поры, точно живые, стоятъ передо мной не только люди, среди которыхъ протекли мои дѣтскіе годы, но даже и всѣ тѣ мѣста, гдѣ приходилось мнѣ съ ними сталкиваться...

Изъ воспоминаній моего дѣтства, самыми отрадными представляются мнѣ—ежегодныя наши поѣздки къ дядѣ, брату моей матери, у котораго, по заведенному имъ обычаю, съѣзжались всѣ его сестры съ многочисленными дѣтьми, гувернерами и гувернантками, и проводили въ его усадьбѣ два или три лѣтнихъ мѣсяца. Дядя Николай Антоновичъ или l'oncle Nicolas, какъ всѣ мы его звали, былъ отставной ротмистръ, прослужившій нѣсколько лѣтъ на Кавказѣ и раненый при взятіи крѣпости Акульго. Онъ былъ красавецъ, суроваго вида, съ большими черными усами, съ просѣдью, и имѣлъ глубокій шрамъ на лбу. Должно быть этотъ-то именно шрамъ и придавалъ его лицу суровое выраженіе, потому что гуманнѣе, добрѣе и ласковѣе его не было на свѣтѣ человѣка. Онъ совершенно вывелъ въ своемъ имѣніи тѣлесныя наказанія, практиковавшіяся въ то время всюду, не отягощалъ крестьянъ барщиной, устроилъ у себя школу, больницу и нѣчто въ родѣ богадѣльни для престарѣлыхъ и убогихъ, а между тѣмъ всѣ его почему-то боялись и какъ-то внезапно смирѣли въ его присутствіи. Даже мы, дѣти, прекрасно сознававшія, что пока мы у него въ гостяхъ, никто насъ не осмѣлится и пальцемъ тронуть—и мы робѣли передъ его рѣзкимъ, выразительнымъ взглядомъ, и невольно утихали при его появленіи въ дѣтской... Стоило только гувернеру или гувернанткѣ упомянуть о томъ, что виновнаго поведутъ „chez l'oncle Nicolas“ [1]) и шалунъ мгновенно становился послушнымъ, а лѣнтяй безпрекословно брался за скучную книжку, или противную тетрадку...

У дяди дѣтей не было, и всѣхъ своихъ племянниковъ и племянницъ онъ любилъ одинаково нѣжно. До сихъ поръ памятны мнѣ многочисленные случаи его замѣчательной справедливости и доброты...

Нѣкоторые, быть можетъ, думаютъ, что въ глазахъ дѣтей проходятъ незамѣченными тѣ предпочтенія и любовь, которыми родители зачастую дарятъ одного изъ дѣтей, въ ущербъ другимъ, и что возможно какими-либо способами скрыть это отъ нихъ?... Но какъ глубоко они заблуждаются! Чутко дѣтское сердечко, а въ маленькой головкѣ обиженнаго ребенка на всю жизнь уже со-

[1]) Къ дядѣ Николаю.

хранятся воспоминанія о томъ жгучемъ горѣ и тайныхъ ревнивыхъ слезахъ, пролитыхъ имъ послѣ того, какъ онъ уловилъ во взглядѣ матери или въ самыхъ ласкахъ ея, то различіе, тѣ оттѣнки, которые она, быть можетъ, совершенно невольно по всеже дѣлаетъ между нимъ — „нелюбимымъ“ — и его братишкой или сестренкой!..

А дядя Николай Антоновичъ былъ строго справедливъ и со всѣми одинаково ровенъ, не только наружно, но и въ глубинѣ души даже, что мы, еще дѣтьми, прекрасно уже понимали, а потому хотя и боялись, но любили и уважали его. Онъ доказалъ не только въ теченіе всей жизни, но даже и послѣ смерти, насколько онъ былъ честенъ и добръ, оставивъ духовное завѣщаніе, поразившее своею справедливостью и гуманностью всѣхъ его многочисленныхъ наслѣдниковъ на столько сильно, что, не смотря на то, что, вслѣдствіе несоблюденія имъ нѣкоторыхъ существенныхъ формальностей, завѣщаніе легко могло быть оспорено (а между наслѣдниками были и „сутяги“) — никому этого даже и въ голову не пришло, и послѣдняя его воля свято была выполнена...

Дядя съ замѣчательною чуткостью умѣлъ угадывать наши сокровеннѣйшія дѣтскія желанія и всегда спѣшилъ ихъ выполнить, радуясь въ душѣ нашимъ дѣтскимъ восторгамъ. До сихъ поръ памятны мнѣ мельчайшія подробности слѣдующаго, напр., факта. Мы съ братомъ, чуть-ли не до двѣнадцати лѣтъ, носили прюнелевыя ботинки. Эта „бабья“ обувь, какъ мы ее называли, приводила насъ чуть-ли не въ отчаянье, которое еще болѣе усилилось, когда на пріѣхавшихъ также гостить къ дядѣ, двоюродныхъ братьяхъ нашихъ—оказались „настоящіе“ мужскіе сапоги. Высказывать своего мнѣнія и желаній относительно обуви мы, конечно, не дерзали, а потому ограничивались лишь молчаливымъ бросаніемъ завистливыхъ взглядовъ на ноги „счастливцевъ“; но прошло нѣсколько дней, и, по распоряженію дяди, доморощенный сапожникъ уже сшилъ намъ козловые сапожки, да еще — о, счастье!—съ каблуками...

Кто можетъ представить себѣ нашу радость! Я помню прекрасно, что новые сапоги страшно жали мнѣ въ подъемѣ, что гдѣ-то на подошвѣ торчалъ острый гвоздь, мучившій меня невообразимо; но боязнь лишиться хотя на время сапогъ, о которыхъ

я такъ долго мечталъ, и перспектива снова облечься въ ненавистныя ботинки—заставили меня мужественно переносить всѣ страданья...

Помню я также, какъ дядя, подмѣтивъ во мнѣ непреодолимое желанье ѣздить верхомъ, уговорилъ, наконецъ, матушку согласиться на это, но съ условіемъ, однако, чтобы уроки верховой ѣзды происходили не иначе, какъ подъ личнымъ его наблюденіемъ. Съ какимъ терпѣніемъ сперва училъ онъ насъ ѣздить, а затѣмъ, подолгу катался съ нами вмѣстѣ, чтобы только не лишать насъ этого удовольствія! И всякій разъ, когда дядя дѣлалъ намъ что-либо пріятное, суровое его лицо озарялось доброй улыбкой и онъ былъ счастливъ нашимъ дѣтскимъ счастьемъ...

Никогда не забыть мнѣ перваго урока верховой ѣзды. Въ наше съ братомъ распоряженіе были отданы „Василекъ“ и „Любимчикъ“—двѣ смирныя, старыя клячи, когда-то чудныя кровныя верховыя лошади, теперь доживавшія свой вѣкъ на барской конюшнѣ „на пенсіи“. Василекъ получилъ свое названіе за когда-то изъ сине-сѣрый цвѣтъ шерсти, побурѣвшій подъ старость, а Любимчикъ былъ въ молодости любимой верховой лошадью тети. Въ то время, вообще лошадямъ давались не такія мудреныя названія, какъ теперь, а просто называли ихъ согласно обстоятельствамъ, сопровождавшимъ ихъ пріобрѣтеніе. Такъ, напримѣръ, лошадь куплена или выменена у становаго, и ежели это былъ жеребецъ или меринъ, ее, въ память прежняго хозяина, просто называли „Становой“, если же это была кобыла, ее именовали уже „Становихой“ и т. д. Поэтому слышались часто такія, напримѣръ, опредѣленія: „Окуньковъ замытился“, „Становой засѣкъ заднюю ногу“, „Пономариха ожеребилась“ и т. п.

Пока сѣдлали лошадей я сгоралъ отъ нетерпѣнья и ужасно волновался... Но вотъ, я сижу, наконецъ, и дядя съ бичемъ въ рукѣ, точно въ циркѣ или манежѣ, всталъ посреди круга, на которомъ обыкновенно гоняли лошадей на „кордѣ“. Сначала ѣхали мы нѣкоторое время шагомъ, и я бодро держался на сѣдлѣ, но щелкнулъ внезапно дядинъ бичъ, и моя лошадь пошла рысью, а я ежеминутно теряя стремена, сталъ подпрыгивать и качаться изъ стороны въ сторону, инстинктивно хватаясь руками то за гриву, то за луку сѣдла.

— Держись шенкелями... Корпусъ назадъ! — командовалъ между тѣмъ дядя по военному, и радостное чувство, смѣшанное со страхомъ слетѣть съ лошади, наполняло мою душу. Я дѣлалъ непомѣрныя усилія удержать равновѣсіе, желая изо всѣхъ силъ доказать смотрѣвшимъ на этотъ первый урокъ кузинамъ и сестрамъ, что я „уже умѣю“ ѣздить верхомъ, но увы, едва я выпускалъ изъ рукъ гриву лошади, какъ снова чувствовалъ, что начинаю терять подъ собою почву...

— Ну, молодцы для перваго раза, настоящіе кавалеристы! — похвалилъ насъ дядя, и я, польщенный названіемъ „кавалеристъ“, гордо прошелъ мимо смотрѣвшихъ на насъ съ тайною завистью „дѣвочекъ“.

— А что, тебѣ было очень страшно?—допытывалась у меня шепотомъ одна изъ кузинъ, хорошенькая Маничка, постоянная моя дама во время танцовальныхъ вечеровъ, которые намъ устраивали въ ненастную погоду.

— И какая-ты, право, глупая Маничка! Развѣ мнѣ можетъ быть когда-нибудь страшно!—обидѣлся я совершенно серьезно и прибавилъ съ презрительной усмѣшкой:

— Это только вы, „бабы“, всего боитесь! Вотъ погоди, скоро во весь карьеръ скакать будемъ... Дядя обѣщалъ намъ... — солгалъ я хвастливо, и важно прошелъ мимо, весьма довольный произведеннымъ эффектомъ.

Но и для „дѣвочекъ“ изобрѣтенъ былъ дядей своеобразный видъ спорта. По его рисунку, крѣпостной кузнецъ-каретникъ, соорудилъ нѣчто въ родѣ маленькаго шарабана съ нѣсколькими сидѣньями, въ который впрягались два бѣлыхъ козла съ выкрашенными въ красную краску рогами. Два лакея вели послушныхъ животныхъ, а сидѣвшіе въ шарабанѣ дѣти окружались со всѣхъ сторонъ гувернантками, тетками и няньками, которыя шли рядомъ съ ними, поддерживая ихъ, и при радостныхъ кликахъ дѣтей и смѣхѣ взрослыхъ, по широкимъ аллеямъ парка начиналось это оригинальное катанье, конечно, шагомъ.

Сперва и мы съ восторгомъ наслаждались этимъ удовольствіемъ, но со дня перваго урока верховой ѣзды—мы сочли для себя унизительнымъ такого рода спортъ, предоставивъ и шарабанъ и козловъ въ полное распоряженіе сестеръ и кузинъ.

Устраивались также нерѣдко поѣздки въ лѣсъ на линейкѣ-долгушѣ, въ которыхъ принимали участіе и взрослые. Тогда къ извѣстному мѣсту заранѣе посылались подводы съ самоварами, посудой, закусками, подушками и коврами, и тамъ, на свѣжемъ воздухѣ, происходили цѣлые пикники.

Иногда посылались туда же и музыканты домашняго оркестра изъ крѣпостныхъ людей, и на вычищенной и посыпанной пескомъ лужайкѣ происходили танцы, затягивавшіеся до глубокой ночи. Тогда окрестныя деревья освѣщались разноцвѣтными фонарями, которые обыкновенно клеили мы же, при помощи и подъ руководствомъ гувернантки. Наконецъ, нерѣдко устраивались французомъ Тибо, почему то считавшимся „спеціалистомъ“ по этой части, также и фейерверки, во время которыхъ его солнца, щиты и каскады больше коптѣли и дымили, чѣмъ горѣли, а ракеты и римскія свѣчи рѣдко взвивались кверху, все болѣе направлялись куда-нибудь въ сторону или даже въ самую публику... Словомъ, пребываніе наше у дяди было цѣлымъ рядомъ непрерывныхъ празднествъ и удовольствій, а потому не мудрено, что время летѣло съ быстротою молніи, и мы не успѣвали опомниться, какъ наступало время возвращаться домой.

Съ тоскою въ сердцѣ слѣдили мы за постепенными приготовленіями къ отъѣзду. Вотъ выкатили изъ сарая дормезъ, вотъ и подмазали его и начинаютъ уже впрягать лошадей... Бородатый Кузьма усаживается на козлы, собираетъ въ одну руку вожжи и крестится другой, а оглянувшійся на него форрейторъ Тишка только и ждетъ сигнала, чтобы, сдѣлавъ большой кругъ по двору, лихо подъѣхать къ крыльцу...

Грустно становилось тогда на душѣ, и дѣтскому воображенію начинали рисоваться непригляднымъ картины скучной, длинной дороги, и монотонная жизнь дома. Прощайте и садъ, и лѣсъ, и веселье, и свобода!..

Но вотъ подходятъ и послѣднія минуты... Приглашенный въ домъ священникъ-старичекъ отслужилъ напутственный молебенъ; всѣ усѣлись по обычаю вокругъ комнаты, посидѣли и встали, набожно крестясь... Дядя крѣпко обнимаетъ и благословляетъ каждаго по очереди; взрослые какъ-то грустно молчаливы, мы плачемъ навзрыдъ... Дядя и тетя съ непокрытыми головами выхо-

дятъ провожать насъ на крыльцо... Пока насъ усаживаютъ въ карету все еще слышны послѣднія прощальныя слова... Но вотъ все смолкло, дверцы хлопнули, карета дрогнула, качнулась—и... все кончено!..

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ отмѣны крѣпостнаго права, дядя продалъ свое имѣніе купцу Мироѣдову, разбогатѣвшему кабатчику, какимъ-то чутьемъ угадавшему, что около самой усадьбы будетъ поставлена станція проводившейся въ той мѣстности желѣзной дороги. Недавно мнѣ случилось проѣзжать мимо, и такъ какъ поѣздъ стоитъ на этой станціи цѣлыя двадцать минутъ, то весьма естественно, что я не могъ воздержаться отъ непреодолимаго желанья взглянуть еще разъ на тѣ мѣста, съ которыми такъ тѣсно связаны дорогія для меня воспоминанья.

На что нашелъ я тамъ, вмѣсто прежней „барской“ усадьбы?!.. Когда-то величественный, тѣнистый паркъ, весь до-чиста оказался срубленнымъ на дрова, а англійскій садъ, съ художественно разбитыми куртинами и цвѣтниками, превращенъ въ обширный огородъ. Одинъ изъ флигелей сталъ теперь кабакомъ, изъ другаго сдѣланъ грязный постоялый дворъ, а на самомъ домѣ, повидимому, никогда не ремонтировавшемся, подъ все еще сохранившимися остатками дядинаго герба красовались двѣ рядомъ прибитыя вывѣски, на которыхъ значилось: „Трактиръ Угличъ“ и „Гостиница Орлеанъ“...

На террасѣ, въ ситцевой рубахѣ и жилетѣ, обтирая краснымъ платкомъ струившійся съ краснаго-же лица потъ, передъ грязнымъ самоваромъ, окруженный своимъ семействомъ, возсѣдалъ владѣлецъ „Углича-Орлеана“, а вокругъ него на перилахъ террасы развѣшано было бѣлье этого „помѣщика“...

Мнѣ стало грустно, тяжело и какъ-то даже обидно—видѣть такое надруганіе надъ дорогими моему сердцу мѣстами, и я поспѣшилъ отвернуться въ сторону, стараясь не глядѣть болѣе на эту „картину“, и насилу могъ дождаться того времени, когда поѣздъ, умчалъ меня подальше отъ этихъ мѣстъ. .

VIII.

«Дорожные эскизы».

Путешественникъ нынѣшняго времени покойно сидитъ въ свѣтломъ и тепломъ вагонѣ, укрытый отъ дождя и непогоды, и мчится со скоростью тридцати верстъ въ часъ къ мѣсту своего назначенія. Вмѣсто багажа у него легкій ручной сакъ-воляжъ и подушка, вмѣстѣ съ пледомъ свернутая въ дорожные ремни, на станціяхъ къ его услугамъ буфетъ съ стакаиомъ горячаго чая или рюмкой водки, а для болѣе прихотливаго тамъ-же найдутся и всевозможныя вина и яства, точно въ любомъ ресторанѣ... А между тѣмъ онъ, пассажиръ нынѣшняго времени, вѣчно ворчитъ, всѣмъ недоволенъ и громко порицаетъ: и „порядки“ желѣзныхъ дорогъ, и „ужасныя“ цѣны, которыя „деруть“ за проѣздъ, и медленность, съ которой „тащится“ поѣздъ, и, наконецъ, даже ту „тѣсноту“, которая вынуждаетъ его иногда уступить одно изъ четырехъ самовольно занятыхъ имъ мѣстъ вновь прибывшему пассажиру!...

Но что бы запѣлъ этотъ самый избалованный, капризный и всѣмъ недовольный пассажиръ нынѣшняго времени, если-бы ему пришлось испытать хотя-бы сотую долю того, что испытывалъ ѣхавшій по первобытнымъ нашимъ дорогамъ лѣтъ тридцать, сорокъ тому назадъ?.. Какимъ раемъ показался-бы ему вагонъ третьяго класса въ сравненіи съ лучшимъ вѣнскимъ дормезомъ прежняго времени! А постоялые дворы съ вѣчными угарами, удушливымъ запахомъ и тѣснотой, вынуждающей путешественника зачастую предпочитать ночлегъ въ собственномъ экипажѣ?.. А почтовыя станціи, на которыхъ, ежели вы не догадались запастись пищей, вамъ приходилось съ тощимъ желудкомъ ложиться спать на ободранный диванъ, гдѣ сами вы становились добычей милліоновъ насѣкомыхъ различныхъ породъ и видовъ, начиная отъ традиціоннаго клопа!.. А, наконецъ, ужасныя дороги, гдѣ, весной и осенью, впрягались волы для того только, чтобы сдвинуть съ мѣста затонувшій въ грязи вашъ экипажъ?!.. Нѣтъ, нынѣшній пассажиръ не можетъ составить себѣ и приблизительнаго понятія о способахъ передвиженія, существовавшихъ прежде, а тѣ

несчастные нѣсколько верстъ, которыя ему приходится иногда дѣлать на лошадяхъ до или отъ станціи желѣзной дороги, не могутъ даже и сравниться съ прежними долгими, утомительными путешествіями, длившимися чуть-ли не по цѣлымъ недѣлямъ...

Самой комфортабельной ѣздой того времени считалась ѣзда „на долгихъ“, т. е. на собственныхъ лошадяхъ, а въ тѣхъ крайнихъ случаяхъ, когда помѣщикъ спѣшилъ куда-нибудь, то и ѣзда съ „подставами“. Разстоянія тогда измѣрялись не верстами, а „кормежками“, въ теченіе которыхъ мучительно скучно тянулось время, а потому привыкшіе жить не стѣснялись помѣщики не иначе пускались въ путь, какъ съ обильнымъ багажемъ и запасами, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и съ своими поварами. Экипажи строились въ то время съ безчисленнымъ множествомъ сундуковъ, обтянутыхъ кожей, которые привинчивались и внутри, и сверху, и сзади экипажа и наполнялись не столько платьемъ и бѣльемъ, сколько жизненными припасами, самоварами, кострюлями и посудой. Для ночлега же располагались положительно какъ дома. Тогда изъ кожаннаго футляра вынималась складная желѣзная кровать тульскаго издѣлія, въ постоялый дворъ или избу вносились сундуки, изъ которыхъ выкладывались разныя домашнія вещи и туалетныя принадлежности, стѣны и полъ покрывались коврами, въ уголъ ставился дорожный образъ съ лампадкой, и комната принимала до нѣкоторой степени уютный, жилой видъ. На другой день, утромъ, отдохнувшій помѣщикъ, точно дома, облекался въ халатъ и туфли, пилъ чай, не спѣша завтракалъ, выкуривалъ нѣсколько трубокъ и, наконецъ, сообразно своему желанью, снова пускался въ путь—вплоть до слѣдующей „кормежки“.

Болѣе уже скорой, хотя и менѣе удобной, считалась ѣзда въ дилижансахъ или, какъ ихъ тогда называли, „маль-постахъ“. Это были громадныя съ желтыми колесами и дверцами кареты съ четырьмя внутренними и тремя наружными мѣстами, въ которыхъ впрягалось не менѣе шести лошадей. Движеніе этихъ дилижансовъ, впрочемъ, производилось только по шоссейнымъ дорогамъ, и, такъ какъ они были казенные, то для того, чтобы получить въ нихъ мѣсто, необходимо было заблаговременно запастись билетомъ въ почтамтѣ. На козлахъ, рядомъ съ ямщикомъ, помѣщался кондукторъ въ формѣ почтоваго вѣдомства, который, подъ-

ѣзжая къ заставамъ, громко трубилъ въ мѣдный рожокъ какой-то особенный сигналъ, отчего шлагбаумъ безпрепятственно, при приближеніи маль-поста, подымался кверху. Подъѣзжая же къ почтовымъ станціямъ, кондукторъ трубилъ новый сигналъ, обозначавшій приказаніе готовить лошадей и выводить ихъ къ запряжкѣ. Нѣкоторые кондуктора въ своей игрѣ на трубѣ доходили до виртуозности и выдѣлывали на нихъ такія трели и переходы, что невольно ими заслушаешься... Останавливались для лошадей только для обѣда, чая и ужина на извѣстныхъ станціяхъ и на извѣстное, разъ на всегда опредѣленное время, по истеченіи котораго пассажиры призывались садиться по мѣстамъ звуками кондукторской трубы, игравшей уже военный сигналъ „сборъ“, и горе тому, который вздумалъ бы долго прохлаждаться!.. Маль-посты дѣлали по восьми верстъ въ часъ и должны были отъѣзжать и пріѣзжать въ города въ строго опредѣленное почтовымъ учрежденіемъ, согласно росписанію, время, а потому за промедленіе, безъ законныхъ и уважительныхъ причинъ, кондукторъ подвергался взысканіямъ...

До сихъ поръ сохранились по шоссейнымъ дорогамъ станціи, построенныя по плану графа Клейнмихеля—знаменитаго строителя Николаевской желѣзной дороги, всѣ постройки котораго отличаются прочностью, изяществомъ и даже нѣкоторымъ величіемъ. Кому не случалось видѣть эти станціи одного размѣра, архитектуры и цвѣта (краснаго съ бѣлымъ), которые и до сего времени еще красуются вдоль шоссейныхъ дорогъ! Окружены онѣ садикомъ, на фронтонѣ ихъ изображенъ черный двуглавый орелъ съ опущенными внизъ крыльями, а внутри у всѣхъ одинаковая ясеневая меблировка и одинаковые широкіе диваны, обитые темно-зеленой клеенкой...

Бывало, усталый, измученный, подъѣзжаешь подъ теплый кровъ такой станціи, и инвалидъ „путеецъ“ приноситъ грязный самоваръ и безносый чайникъ, которые разставляетъ на круглый ясеневый столъ. Изъ вынутаго изъ экипажа „погребца“ заваришь себѣ чаю, прибавишь въ него душистаго рому, и какъ вкусенъ онъ кажется послѣ утомительной, долгой ѣзды!.. А между тѣмъ сальная свѣча въ мѣдномъ подсвѣчникѣ нагорѣла, и наступившій въ комнатѣ полумракъ неудержимо клонитъ ко сну... Но вотъ

входитъ староста, докладываетъ, что лошади готовы, проситъ „на чаекъ“, и скрѣпя сердце, стараясь отогнать сонъ, спѣшно собираешься въ дорогу, чтобы опять по-прежнему трястись на неудобной „перекладной“, ѣзда въ которой считалась въ то время самой скорой и дешевой.

Желающій пуститься въ дорогу этимъ способомъ долженъ былъ, прежде всего, соблюсти извѣстныя формальности и, по удостовѣреніи полиціей его личности, выправить на свое имя въ мѣстномъ казначействѣ „подорожную“, въ которой, ежели онъ ѣхалъ не одинъ, а съ человѣкомъ, отмѣчалось, что онъ ѣдетъ „съ будущимъ“.

Подорожная эта вписывалась дословно на каждой станціи въ книгу „для проѣзжающихъ“ и предъявлялась для отмѣтки у каждой заставы, гдѣ опущенный „шлагбаумъ“ только тогда поднимался, когда формальность эта была соблюдена.

На станціяхъ полнымъ хозяиномъ былъ станціонный смотритель, которому подчинены были староста и ямщики изъ государственныхъ крестьянъ и два или три солдата—инвалида-„путейца“, преимущественно изъ жидковъ, которые исполняли обязанности прислуги.

Въ огражденіе станціонныхъ смотрителей отъ оскорбленій, наносимыхъ нетерпѣливыми проѣзжающими, требующими отъ нихъ во что бы то ни стало лошадей, имъ даны были права четырнадцатаго класса, но увы! и сей чинъ не всегда спасалъ ихъ отъ насмѣя... Многіе тогда обвиняли ихъ въ умышленномъ сокрытіи лошадей, которыхъ они же потомъ, будто бы, предлагали доведеннымъ до отчаянія проѣзжимъ для найма, въ видѣ „вольныхъ“, но въ большинствѣ случаевъ они страдали совершенно напрасно, такъ какъ разгонъ былъ въ то время большой, а половина несчастныхъ почтовыхъ клячъ, хотя и числилась по списку, но негодна была къ употребленію, и, наконецъ, смотритель всегда долженъ былъ имѣть запасную тройку на случай проѣзда фельдъегеря.

На станціяхъ были введены жалобныя книги, прошнурованныя и припечатанныя къ столу казенною печатью, но кажется, что впослѣдствіи онѣ были уже отмѣнены. Боже, чѣмъ только не наполняла ихъ досужая фантазія скучающаго въ ожиданіи лоша-

дей пассажира!... Мнѣ не разъ случалось, перелистывая отъ нечего дѣлать эти книги, наталкиваться на не лишенныя интереса изложенія различныхъ жалобъ, не только въ прозѣ, но и въ стихахъ даже! Разъ я на одной изъ страницъ вдругъ натолкнулся на извѣстное историческое выраженіе короля Людовика XIV-го J'ai failli attendre!... [1]) подписанное какимъ-то Пьеромъ Козловымъ...

Въ другой разъ я заинтересовался длинной, на нѣсколькихъ листахъ, литературнымъ слогомъ написанной жалобой. Сперва изложены были обыкновенныя причины недовольства всѣхъ вообще проѣзжихъ—отсутствіе лошадей, но затѣмъ, когда жалобщикъ пригрозилъ смотрителю пожаловаться на него губернскому начальству, тогда смотритель, злобно сверкнувъ на него глазами, заскрежеталъ зубами и молча удалился... Проѣзжающій легъ спать; долго ворочался онъ на диванѣ, но никакъ не могъ заснуть, ибо какое-то безотчетное, мрачное предчувствіе наполняло его душу... И дѣйствительно, едва онъ сомкнулъ очи, какъ услыхалъ легкій шорохъ приближавшихся къ нему босыхъ ногъ и, при слабомъ свѣтѣ лупы, увидалъ крадущагося къ нему станціоннаго смотрителя съ громаднымъ ножемъ въ рукѣ!... Далѣе шло длинное описаніе страшной его борьбы съ убійцей и краснорѣчивое изложеніе тѣхъ нравственныхъ страданій, которыя перенесла несчастная жертва подъ ножемъ убійцы, и наконецъ повѣствованіе заканчивалось тѣмъ, что въ тотъ самый моментъ, когда жалобщикъ уже чувствовалъ прикосновеніе къ своему горлу холоднаго лезвія онъ... проснулся!

Я невольно взглянулъ на стоявшаго тутъ-же рядомъ со мной смотрителя и расхохотался. Онъ оказался маленькимъ, сгорбленнымъ старичкомъ съ добродушнѣйшимъ лицомъ и ласковыми глазами.

— Изволили, должно быть, прочитать, ваше благородіе, какъ я господина проѣзжающаго зарѣзать собирался?—спросилъ онъ, добродушно улыбаясь своимъ беззубымъ ртомъ.—Да-съ, многіе

---

[1]) Извѣстный пышностью своего двора французскій король Людовикъ XIV однажды вышелъ на подъѣздъ въ тотъ самый моментъ, когда экипажъ его только что подъѣхалъ. Онъ обернулся къ свитѣ и строго проговорилъ: Мнѣ едва не пришлось ждать!...

господа изволятъ читать это и смѣяться!.. И какой-же онъ былъ чудакъ и веселый этотъ баринъ, если бы вы только знали! И какимъ онъ въ ту пору, доложу я вамъ, государь мой, ромкомъ меня угостилъ изъ своего погребца—настоящее ума помраченіе! Вотъ ужъ доподлинно можно сказать—амбре, чистое амбре! Ну, а вотъ другой, купеческій братъ тутъ одинъ прѣзжалъ, такъ тотъ, можно сказать, даже очень неблагородно со мною поступилъ. Вообразите себѣ—не говоря худаго слова, взялъ да и вырвалъ изъ книги цѣлую страницу!

— Ну, такъ что-же?

— Какъ, что-же?!. Да помилуйте—меня за это чуть подъ судъ тогда не отдали! Вѣдь страницы-то всѣ до единой пронумерованы и прошнурованы! Пріѣзжаетъ это ревизоръ. Гдѣ, спрашиваетъ, у тебя вырванный изъ книги листъ, подай-ка мнѣ его сюда! Одна, говоритъ, только и была, должно-быть, во всей книгѣ основательная на тебя жалоба, такъ потому ты ее и уничтожилъ, старая крыса!.. Такъ, повѣрите-ли, государь мой, три раза въ городъ таскали по этому дѣлу, но, благодареніе Господу Богу, однимъ только строгимъ выговоромъ отдѣлался!..

— И какимъ злымъ только становится человѣкъ съ дороги, уму непостижимо! — добавилъ онъ, удаляясь за перегородку прописывать мою подорожную, откуда вскорѣ сталъ слышенъ скрипъ гусинаго пера и голосъ смотрителя, ворчавшаго:

— Оно, положимъ, бываютъ и добрые... и попутятъ съ тобой и все эдакое иное прочее—ну, а все-же больше, прости ихъ Господи! того...

IX.

«Дядя Вася».

Насколько непріятны и стѣснительны были для насъ „нашествія“ дѣдушки, при которомъ и пробѣжать по комнатамъ намъ строго воспрещалось,—настолько пріѣзды дяди Васи всегда вносили въ домъ шумную жизнь и оживленіе. Это былъ веселый, беззаботный двадцатилѣтній гусарскій корнетъ, съ едва пробивавши-

мися черными усиками, шалунъ, проказникъ и „штукарь“, котораго всѣ любили, не смотря на безчисленныя его шалости, иногда даже весьма и весьма дерзкія... Въ сущности-же въ немъ было столько неподдѣльной веселости и добродушія, что въ результатѣ всегда выходило такъ, что недавняя его жертва сама-же первая начинала хохотать надъ продѣланной надъ нею шалостью и становилась съ нимъ въ самыя пріятельскія отношенія. Говорили, что и въ полку, начиная съ полковаго командира, всѣ считали дядю Васю за одного изъ лучшихъ товарищей и очень любили его, что, однако, не помѣшало ему, за разныя шалости, просидѣть на гауптвахтѣ чуть-ли не треть всей службы...

Дядя Вася былъ на двѣнадцать лѣтъ моложе нашего отца и говорилъ ему „вы“, называя его „братцемъ“, тогда какъ отецъ говорилъ ему „ты“, называя его просто „Васькой“, и зачастую строго журилъ за проказы. За то не разъ выручалъ онъ его изъ весьма запутанныхъ обстоятельствъ, платя за него долги, безъ которыхъ въ то время не обходился ни одинъ гусарскій офицеръ, а тѣмъ паче корнетъ...

Въ то время не было, какъ нынѣ, двадцатилѣтнихъ старпковъ съ преждевременными морщинами на лицѣ, съ сгорбленными спинами и лысинами на лбу. Какимъ смѣшнымъ показался-бы тогда, напримѣръ, тотъ, который, какъ нынѣшняя молодежь, осмѣлился-бы на балу отвѣтить дамѣ, пригласившей его въ мазуркѣ или котильонѣ, что онъ „увы, уже болѣе не танцуетъ!..“ Въ то время всѣ были танцорами и танцовать „до упаду“, считалось обязанностью каждаго свѣтскаго молодаго человѣка. Правда, и тогда играли въ „разочарованность“, носили кольца съ кабалистическими знаками, вписывали въ альбомы и декламировали наизусть цѣлыя изрѣченія изъ Ларошфуко и мадамъ де Севинье, и тогда любой кавалеръ при своей дамѣ прекрасно умѣлъ, и въ стихахъ и въ прозѣ, выразить „презрѣніе къ людямъ и жизни“, но все это дѣлалось или изъ кокетства, или просто изъ шалости, чтобы только заинтересовать собой или „плѣнить“ свою даму во время антрактовъ между танцами. Но вотъ заиграли мазурку, и „разочарованный“, краснощекій гусаръ или улапъ, мгновенно оживлялся и, молодецки звеня шпорами, начиналъ выкидывать такія „па“ и „антраша“, что любо было на него смотрѣть!.. Окончена фигура, и „презп-

рающій“ свѣтъ и людей кавалеръ снова таинственно вздыхаетъ, прижимаетъ къ сердцу похищенный во время танцевъ у своей дамы бантикъ, или цвѣтокъ, и шепчетъ ей весьма серьезно, что „сей талисманъ“ будетъ сопровождать его даже и въ „хладную“ могилу, гдѣ только и можетъ найти покой его истерзанное страданіями сердце...

И барышни того времени интересовались,—или дѣлали видъ, что интересуются,—этими увѣреніями своихъ кавалеровъ-„душекъ“, а сами тихонько отъ нихъ пили уксусъ цѣлыми стаканами, чтобы придать (увы! въ большинствѣ случаевъ безуспѣшно) „томность“ своимъ жгучимъ, полнымъ жизни глазамъ, и блѣдность здоровымъ, румянымъ щекамъ. О, что отдала-бы въ то время любая свѣжая красавица, чтобы хоть немного походить на нынѣшнихъ худосочныхъ „воздушныхъ“ созданій, тщетно глотающихъ мышьякъ и желѣзо въ надеждѣ когда-нибудь увидать на своихъ желтыхъ щекахъ хотя-бы призракъ румянца, а въ потухшихъ глазахъ какую нибудь искру жизни и силы!..

Дядя Вася въ совершенствѣ изучилъ искусство „плѣнять“, и, при всей своей репутаціи шалуна, считался человѣкомъ хорошо воспитаннымъ, образованнымъ и даже „классикомъ“. Это происходило отъ того, что въ разговорахъ своихъ съ барышнями, онъ, ни сколько не стѣсняясь, включалъ длинныя латинскія цитаты собственнаго сочиненія, хотя не разъ самъ сознавался, что изъ латыни ему только и было извѣстно, что mensa—столъ. Но такъ какъ провѣрять его было некому, а онъ, коверкая французскія и нѣмецкія слова на латинскій манеръ, произносилъ свои цитаты довольно бойко и красиво, то другіе кавалеры, тая въ глубинѣ души глубокую къ нему зависть, прозвали его „Цицерономъ“ за латынь и „масономъ“ за кольцо съ изображеніемъ мертвой головы, вымѣненное имъ на старые гусарскіе жгуты у проѣзжаго жида.

А между тѣмъ „масонъ“ въ гусарскомъ „долманѣ“ беззаботно продолжалъ прожигать жизнь со всею пылкостью своихъ двадцати лѣтъ. Благодаря вліянію дѣдушки, онъ числился ремонтеромъ, что давало ему возможность разъѣзжать по ярмаркамъ, отличавшимся въ то время бойкостью, оживленіемъ и цыганскими хорами. У цыганъ дядя Вася выучился играть на гитарѣ и пѣть чувствительные романсы, которыми приводилъ въ неописанный во-

сторгъ не только уѣздныхъ барышень и ихъ все еще мечтательныхъ мамешекъ, но даже и почтенныхъ сѣдовласыхъ отцовъ семействъ,—въ большинствѣ случаевъ отставныхъ кавалеристовъ,—въ лицѣ его вспоминавшихъ и свою буйную молодость и загубленную свободу...

У насъ дядя Вася обыкновенно представлялся влюбленнымъ въ Амалію Карловну и по ночамъ, съ акомпаниментомъ гитары, не разъ давалъ подъ ея окнами цѣлыя серенады, напѣвая ей единственный извѣстный ему нѣмецкій романсъ.

Du hast Diamanten und Perlen!.. [1]),

который, впрочемъ не докончивъ, обыкновенно сводилъ на

Mein lieber Augustchen, Augustchen!.. [2]).

За обѣдомъ дядя Вася старался сѣсть напротивъ Амаліи Карловны и принимался „изводить“ ее влюбленными вздохами, закатываніемъ глазъ къ потолку и разными полунамеками о своихъ страданьяхъ и пылкой любви, чѣмъ приводилъ въ немалый восторгъ всѣхъ присутствовавшихъ за столомъ. И Амалія Карловна, сперва обижавшаяся его выходками, впослѣдствіи стала сама-же охотно принимать эту шутку, причемъ весьма серіозно грозила поставить его въ уголъ послѣ обѣда, или оставить безъ пирожнаго, которое дядя Вася не менѣе нашего любилъ.

Разъ, впрочемъ, онъ заслужилъ строгое порицаніе отъ матушки, обыкновенно весьма снисходительно смотрѣвшей на всѣ его шалости. Онъ вздумалъ было изображать изъ себя „привидѣніе Фридриха Великаго“, расхаживая ночью на ходуляхъ подъ окнами Амаліи Карловны, обвѣшанный простынями и съ гусарской саблей, надѣтой поверхъ этого импровизированнаго имъ савана; но ему было внушено, что онъ можетъ напугать и сдѣлать на всю жизнь уродами „дѣвочекъ“, спавшихъ въ одной комнатѣ съ гувернанткой, и затѣя эта была оставлена. Затѣмъ, ему было еще строго-на-строго запрещено „показывать свой носъ“ въ дѣвичью, гдѣ дюжина дѣвокъ постоянно занималась плетеніемъ кружевъ и вышиваньемъ „гладью“, причемъ вмѣнено было даже въ обязанность старухѣ Арпнѣ—„гнать его оттуда вѣникомъ“, но дядя Вася без-

---

[1]) У тебя есть алмазы и жемчугъ.

[2]) Мой милый Аугустхенъ, Аугустхенъ.

наказанно ухитрялся проникать туда съ полными карманами пряниковъ и орѣховъ, причемъ каждый разъ вслѣдъ за его появленіемъ въ дѣвичьей, немедленно-же подымался тамъ невообразимый шумъ, смѣхъ и визгъ...

Всѣ въ домѣ любили дядю Васю, но больше всѣхъ восторгалась имъ Маша... Это было какое-то нѣмое обожаніе, ежели можно такъ выразиться. Бывало, онъ весело выкидываетъ свои „штуки“ или играетъ съ нами въ дѣтской, а Маша гдѣ-нибудь изъ-за-угла съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдитъ за всѣми его движеніями. Глаза ея свѣтятся лихорадочнымъ огонькомъ, губы полуоткрыты, грудь высоко подымается, а во всѣхъ ея движеніяхъ замѣтна какая то нервность. И смолкъ веселый смѣхъ красавицы Маши... а она-ли не была у насъ первой затѣйницей всевозможныхъ игръ, шалостей и забавъ!

Стоило дядѣ Васѣ сказать ей ласковое слово, оказать малѣйшее вниманье—и Маша, вся зардѣвшись, изъ-подъ густыхъ черныхъ рѣсницъ вскидывала свои огневые глаза и глядѣла на него глубокимъ благодарнымъ взглядомъ... И какъ чудно, хороша бывала она въ эти минуты! Но за то, едва Маша замѣчала, или ей казалось, что дядя Вася не обращаетъ на нее вниманья или занятъ не ею, а кѣмъ либо другимъ, — и лицо ея мгновенно хмурилось, становилось грустнымъ и принимало выраженіе глубокаго отчаянья... Мнѣ не разъ приходилось заставать Машу гдѣ-нибудь въ дальней аллеѣ сада, всю въ слезахъ, и на вопросъ мой:— „что съ ней?“—она только закрывала лицо руками, между пальцами ея текли слезы, а изъ груди вырывались рыданья...

И дядя Вася, къ общему удивленію, вдругъ, какъ-то тоже присмирѣлъ. Куда дѣвалась его прежняя веселость и беззаботность! Тетя Соня даже освѣдомлялась о его здоровьѣ, явно высказывая намѣреніе тутъ-же приступить и къ лѣченію, но дядя Вася такъ рѣзко отклонилъ это предложеніе, что тетя Соня только руками развела и, какъ опытный врачъ, сразу поняла, что не въ тѣлесныхъ недугахъ дѣло... Батюшка, также по своему объясняя грустное настроеніе брата, не разъ допытывался узнать отъ него:—„не жиды-ли опять мучаютъ съ должишками?“—словомъ, каждый толковалъ неожиданную перемѣну, совершившуюся въ характерѣ и настроеніи дяди Васи, по своему...

Одинъ лишь лакей Петрушка, какимъ-то чутьемъ угадавшій истину, точно тѣнь бродилъ по комнатамъ, ронялъ изъ рукъ посуду. Въ молодомъ баринѣ онъ видѣлъ соперника неопаснѣе господина Тибо...

Но дядя Вася, не смотря на всѣ свои шалости и кажущееся легкомысліе, былъ въ душѣ добрый и честный человѣкъ. Какъ говорилъ онъ мнѣ это уже много лѣтъ спустя, онъ не захотѣлъ воспользоваться увлеченіемъ бѣдной, неопытной дѣвушки, мечтавшей, быть можетъ, стать его подругой на всю жизнь. И самъ онъ ею увлекался, и „довольно сильно даже“, говорилъ онъ; не безъ внутренней борьбы обошелся ему его честный поступокъ, но тѣмъ не менѣе онъ поспѣшилъ „оборвать“ этотъ „глупый“ романъ въ самомъ началѣ внезапнымъ своимъ отъѣздомъ.

А тутъ, какъ нарочно, вмѣшалась еще и судьба, поставившая его даже въ невозможность измѣнить свое рѣшеніе. Грянула Севастопольская война, и долгъ дворянина и офицера призвалъ его туда, гдѣ проливалась русская кровь на защиту вѣры, Царя и отечества,—туда, гдѣ онъ, такъ-же, какъ и тысячи другихъ ему подобныхъ танцоровъ и шалуновъ того времени, превратился въ героя памятной каждому русскому ужасной кровопролитной войны. Онъ дѣлалъ чудеса храбрости на полѣ брани, былъ нѣсколько разъ раненъ и вернулся оттуда, украшенный Георгіевскимъ крестомъ.

Передъ отъѣздомъ въ дѣйствующую армію, дядя Вася пріѣзжалъ къ намъ еще разъ, всего на нѣсколько часовъ, для того, чтобы проститься. Онъ имѣлъ долгую задушевную бесѣду съ батюшкой. Оба они вышли изъ кабинета глубоко растроганные, крѣпко обнялись и разстались. Машу онъ не видалъ...

Что происходило въ кабинетѣ между дядей Васей и батюшкой—мнѣ никогда не было извѣстнымъ, но результатомъ этого послѣдняго свиданія было то, что Машу одѣлили богатымъ приданымъ и выдали замужъ за Петрушку. Оба они получили „вольную“ и переселились въ городъ, гдѣ впослѣдствіи занялись торговлей. Они жили счастливо, и кажется, что Маша держала мужа въ рукахъ...

Много лѣтъ спустя послѣ разсказанныхъ событій, мнѣ не разъ приходилось встрѣчаться съ Машей, ставшей уже „купчихой“.

Она всегда съ увлеченіемъ вспоминала свое прошлое, любила разсказывать разные эпизоды изъ этого прошлаго, не разъ хохотала до слезъ, вспоминая несчастную къ ней любовь господина Тибо; но о дядѣ Васѣ Маша никогда не упоминала и даже всячески старалась избѣгать все то, что могло хоть сколько-нибудь навести насъ на разговоры о немъ...

X.

„Флейта“.

Меня всегда смѣшитъ, когда я слышу росказни о какихъ-то „звѣрствахъ“, учиняемыхъ въ былое время помѣщиками надъ своими крѣпостными. Въ особенности-же смѣшитъ меня, когда на эту тему начнетъ распространяться наша молодежь, которая и знать не можетъ того времени уже по одному тому, что она тогда „подъ столъ пѣшкомъ“ даже еще ходить не умѣла, какъ родившаяся гораздо позднѣе отмѣны крѣпостнаго права. А между тѣмъ попробуйте-ка поговорить на эту тему съ кѣмъ нибудь изъ нихъ... Васъ, какъ изъ рѣшета, засыплютъ словами, фразами, или, чего добраго еще и стихами „пѣвца народной слезы“!... Да помилуйте!.. восклицаетъ обыкновенно, вылупивъ на васъ налитые кровью глаза, вашъ юный собесѣдникъ, не узнавшій еще толкомъ—сами-то вы въ принципѣ за крѣпостное право или нѣтъ—и пойдетъ, и пойдетъ... Начинается, конечно, съ неизмѣнной и чуть-ли не единственной „Салтычихи“, а затѣмъ, вмѣсто фактовъ, васъ забросаютъ одними лишь общими мѣстами—объ ужасахъ невольничества и всей его несправедливости—съ точекъ зрѣнія: соціальной, нравственной и религіозной, пересыпая все это столь-же общими, хотя и громкими словами, вродѣ: „равенство“, свобода“, „личность“, „конюшня“... и т. п.

Но не столько меня обыкновенно смѣшитъ увлекающаяся молодежь, съ чужихъ словъ искажающая факты, насколько меня возмущаетъ, когда попадаются мнѣ подъ руку, къ счастью давно уже забытые, прежніе журналы съ изложенными въ нихъ эпизодами изъ крѣпостнаго права... Гонялись за дешевой въ то время

кличкой „либеральнаго писателя“, сочинители шестидесятыхъ годовъ, неистово и въ запуски другъ передъ другомъ запосплись въ своихъ „описаніяхъ“ до реформеннаго времени, и тотъ, кто помнитъ эпоху „Благосвѣтловыхъ и Благовѣщенскихъ“ съ окружавшей ихъ необузданной литературной кликой, тотъ, конечно, помнитъ, что кто больше вралъ тогда небылицъ на прежнихъ помѣщиковъ, тотъ и имѣлъ большій успѣхъ. Это была не безвредная ложь, какъ, напр., добродушное, традиціонное вранье юмористическихъ журналовъ, стремящихся лишь наполнить столбцы своихъ изданій и разсмѣшить публику: нѣтъ, эти господа преслѣдовали иную, злую, затаенную цѣль возбудить страсти въ людяхъ, мало развитыхъ, систематически возстановляя одно сословіе противъ другаго...

Никогда не позабыть мнѣ слѣдующаго факта:

Однажды, послѣ театра, мнѣ случилось поужинать въ ресторанѣ въ сообществѣ извѣстнаго либеральнаго писателя. Зашелъ разговоръ о только-что отмѣненномъ крѣпостномъ правѣ. Чѣмъ больше „либералъ“ пилъ шампанскаго, тѣмъ болѣе онъ вдохновлялся и съ паѳосомъ расточалъ передо мной плоды своего краснорѣчія, причемъ безжалостно ерошилъ свои длинные волосы (въ то время либеральные мужчины отпускали длинные волосы, а либеральныя женщины ихъ стригли).—Боже мой! какъ громилъ онъ и рабство, и кулачную расправу, и прочія „звѣрства“ крѣпостного права, какъ красно говорилъ онъ о равенствѣ и свободѣ личности!.. Даже лакей-татаринъ, прислуживавшій намъ за столомъ, и тотъ видимо восторгался и тронутъ былъ столь либеральными рѣчами!.. Но подъ конецъ ужина, развѣсившій уши татаринъ, откупоривая бутылку сельтерской воды, имѣлъ неосторожность облить рукавъ моего собесѣдника и... и получилъ отъ него за то самую звонкую оплеуху!

Я расхохотался.

— Что?..—говорю я,—а свобода личности?!.. а равенство, а кулачная расправа?!..

Либералъ поперхнулся сельтерской водой; однако скоро нашелся:

— Это только была вспышка гнѣва съ моей стороны, и я виноватъ... Но этотъ человѣкъ—указалъ онъ перстомъ на лакея—по крайней мѣрѣ, сознаетъ теперь, что мы съ нимъ равные и

что онъ свободенъ мнѣ служить или нѣтъ— а не закрѣпощенъ ко мнѣ на всегда!.. Гражданинъ!.. я извиняюсь передъ вами!— прибавилъ онъ съ пафосомъ и пожалъ руку лакею.

Однако, на сколько я помню, — „гражданинъ лакей“, послѣ столь братскаго рукопожатія, не позабылъ-таки разсмотрѣть ладонь своей руки; но убѣдившись, увы! что она была пуста, тутъ-же состроилъ обиженную гримасу.

И съ тѣхъ поръ, всякій разъ, когда я разсчитываю не угодившую мнѣ въ чемъ либо прислугу, я вспоминаю своего знакомаго „либеральнаго“ писателя.. Въ самомъ дѣлѣ, какое я теперь имѣю право: наказывать, воспитывать, или даже просто „учить“ людей служить мнѣ добросовѣстно и честно? Они свободны, не закрѣпощены ко мнѣ, а потому я могу только выгонять ихъ изъ моего дома, ежели я недоволенъ ими, замѣняя ихъ другими... А затѣмъ, будутъ-ли они въ ожиданіи новаго мѣста злбнуть гдѣ нибудь на „хитровомъ рынкѣ“, или нѣтъ,—не мое ужъ дѣло!..

Но я нѣсколько отвлекся въ сторону, а потому обращусь къ своему разсказу.

У батюшки былъ домашній оркестръ, состоящій изъ двѣнадцати крѣпостныхъ музыкантовъ. Жили они въ особомъ помѣщеніи, носившемъ названье „казармъ“, гдѣ репетировали старыя и изучали новыя пьесы, подъ руководствомъ „первой скрипки“, возведенной въ должность капельмейстера. Балы и обѣды, въ особенности зимой, давались у насъ довольно часто, и тогда отворялись парадныя комнаты, съ мебели и люстръ снимались чахлы, паркетный полъ натирался воскомъ, а на хорахъ устанавливались пюпитры для оркестра. Наши музыканты вообще славились во всемъ округѣ, но въ особенности среди ихъ пользовался извѣстностью флейтистъ, какъ прекрасный исполнитель самыхъ трудныхъ музыкальныхъ вещей. И дѣйствительно—стоило послушать его игру, въ особенности же когда онъ импровизировалъ что либо, уединившись гдѣ нибудь въ самомъ отдаленномъ уголкѣ парка! Точно волшебные неслись оттуда звуки какой-нибудь грустной заунывной пѣсни — то словно замирая въ едва слышныхъ переливахъ, то вдругъ разражаясь какими-то тоскливыми воплями.

Что думалъ, что испытывалъ въ это время творецъ этихъ мелодій?.. Быть можетъ — тосковалъ онъ отъ сознанья, что и изъ

него при другихъ обстоятельствахъ могъ-бы выработаться великій артистъ,—или просто, такъ, безъ разсужденій, какъ птица небесная, восхвалялъ онъ Творца, давшаго ему и способъ и талантъ на это?.. Кто знаетъ, что творилось въ душѣ бѣднаго артиста во время его экстаза; но во всякомъ случаѣ онъ, кромѣ замѣчательной техники въ исполненіи, обладалъ еще и необыкновеннымъ чувствомъ, душой и безспорно—недюжиннымъ талантомъ.

„Флейта"—было его прозвище. Это былъ небольшаго роста сухощавый человѣкъ, съ задумчивыми голубыми глазами и доброй, симпатичной улыбкой. Держался онъ отъ остальной дворни какъ-то особнякомъ, и лучшимъ его наслажденіемъ было, послѣ игры на флейтѣ, удить рыбу или бродить по окрестностямъ съ ружьемъ, подареннымъ ему моимъ отцомъ. Насъ, дѣтей, „Флейта" очень любилъ, и я помню, что онъ постоянно мастерилъ намъ изъ липовыхъ вѣтвей, съ которыхъ, предварительно, какъ-то сбивалъ кору, разные свистки и другіе инструменты, на которыхъ также ухитрялся играть очень искусно. Я положительно увлекался одно время флейтой и приставалъ къ матушкѣ съ просьбой разрѣшить мнѣ учиться на этомъ инструментѣ, и матушка было согласилась на это. Но послѣ того, какъ она присутствовала при первомъ урокѣ, заключавшемся въ указаніи мнѣ перваго пріема флейтистовъ, т.-е. въ проведеніи языкомъ по отверстію инструмента, прежде чѣмъ приложить къ нему верхнюю губу,—затѣя эта была тотчасъ-же оставлена, и я, быть-можетъ, отъ этого не сталъ великимъ артистомъ...

Но бѣдный „Флейта", не смотря на весь свой талантъ и скромный, тихій характеръ, имѣлъ ужасный порокъ: онъ былъ пьяница и какой пьяница!.. Когда приходило ему время пить—а онъ пилъ запоемъ—„Флейта" куда-то исчезалъ, и тогда никакіе розыски, никакія мѣры узнать—гдѣ онъ обрѣтается, не имѣли уже успѣха. Въ этихъ случаяхъ онъ рѣшительно все съ себя пропивалъ: одежду, сапоги, ружье даже, которое не разъ выкупалось, по распоряженію моего отца, гдѣ-нибудь въ кабакѣ сосѣдняго города,—и несчастный „Флейта" пилъ и пилъ до тѣхъ поръ, пока это только выдерживала его натура, а затѣмъ, больной, блѣдный, возвращался онъ домой съ повинной головой и начиналъ вымаливать себѣ прощеніе, обѣщая исправиться и не пить болѣе ни-

когда... Сперва его наказывали, не разъ возили въ городъ, пугая тѣмъ, что сдадутъ его въ солдаты, отбирали отъ него и запирали на замокъ дорогой его сердцу инструментъ—что для него было страшнымъ наказаньемъ—но ничто не помогало! Я хорошо помню, какъ однажды привезли къ намъ изъ города какую-то мѣщанку, славившуюся искусствомъ излѣчивать запой, которая и прожила у насъ въ людской чуть-ли не цѣлую недѣлю, заставляя „Флейту“ глотать какіе-то настои изъ цѣлебныхъ травъ... Но и лѣченіе это закончилось только тѣмъ, что обезкураженная упорствомъ болѣзни своего паціента лѣкарка сама-же напилась съ нимъ вмѣстѣ и, громко распѣвая подъ звуки флейты, начала выплясывать на дворѣ отчаяннаго трепака,—чѣмъ и заслужила постигшее ее позорное изгнаніе...

Иногда насъ навѣщалъ уѣздный врачъ Іоганъ Августовичъ. Однажды, во время обѣда, батюшка разговорился съ нимъ о запоѣ „Флейты“ и спрашивалъ его совершенно серьезно: нѣтъ-ли какихъ-нибудь средствъ для излѣченія этой ужасной болѣзни, отъ которой гибнетъ человѣкъ—прекрасный, талантливый и достойный сожалѣнія?...

— Очень даже карошъ есть одинъ средствъ, — отвѣтилъ невозмутимо Іоганъ Августовичъ.—Этотъ средствъ я можетъ рекомендовайтъ. Давайте ему черезъ два часа по fünf und zwanzig!..[1]).

И, показавъ на своей рукѣ примѣръ, какъ надо давать эти: „двадцать пять“,—нѣмецъ весьма довольный своей остротой, разразился веселымъ смѣхомъ.

Такъ и отступился батюшка отъ „Флейты“ и, окончательно потерявъ всякую надежду на его исправленіе, сдѣлалъ распоряженіе отобрать отъ него парадные костюмъ и инструментъ, которые стали выдавать ему на руки только въ періоды его трезвости. Но такъ какъ оркестръ безъ „флейты“ существовать не могъ, то, во избѣжаніе неожиданныхъ его запоевъ и исчезновеній,—также были приняты надлежащія мѣры.

Дни дававшихся баловъ или празднествъ всегда были рѣшены заранѣе, а потому въ числѣ приготовленій къ нимъ приступалось и къ приготовленію „Флейты“... Сначала его постепенно вытрез-

[1]) Двадцать пять.

вляли, и приставленные къ нему люди обязаны были слѣдить за тѣмъ, чтобы онъ не вздумалъ „дать стрекача“. Затѣмъ, утромъ, въ самый день празднества, „Флейту“, вымытаго, выбритаго и одѣтаго въ парадный костюмъ, отводили на хоры, гдѣ онъ поселялся вплоть до самаго вечера. Во избѣжаніе-же побѣга—что не разъ случалось съ нимъ раньше — съ лѣвой ноги „Флейты“ снимался сапогъ, и она на веревкѣ привязывалась къ перилямъ хоръ, и въ этомъ уже положеніи музыкантъ оставался вплоть до того времени, пока не минуетъ надобность въ его музыкальномъ искусствѣ. Конченъ балъ, пюпитры сложены, инструменты убраны—и „флейтину“ ногу отвязываютъ отъ перилъ, надѣваютъ на него сапогъ, старое платье, и онъ снова пользуется полной свободой и воленъ пьянствовать, сколько его душѣ угодно, или бродить по окрестностямъ...

Не правда-ли, какъ „жестоко“ было держать человѣка, да еще столь талантливаго,—цѣлый вечеръ на веревкѣ, привязанной къ его лѣвой ногѣ?!...

А между тѣмъ, какъ сожалѣлъ впослѣдствіи бѣдный „Флейта“, что никто уже не имѣетъ права такъ обращаться съ нимъ, и какъ часто вспоминалъ онъ своего прежняго барина и теплый кровъ, и горячую пищу, которыми онъ пользовался у него!...

—

Послѣ отмѣны крѣпостнаго права, батюшка всѣмъ музыкантамъ подарилъ ихъ инструменты и ноты, и они разбрелись въ разныя стороны, по разнымъ оркестрамъ. Въ числѣ другихъ и „Флейта“ хорошо было пристроился, поступивъ въ одинъ изъ лучшихъ оркестровъ губернскаго города, и, какъ говорили мнѣ, на весьма порядочное жалованье. Но, запилъ онъ разъ, запилъ другой, затѣмъ все чаще и чаще сталъ манкировать службой, и, уволенный изъ хорошаго оркестра, промаявшись съ полгода безъ мѣста, онъ вынужденъ былъ поступить уже въ другой, худшій, изъ котораго также скоро былъ выгнанъ за пьянство. Такъ, со ступени на ступеньку, падая все ниже и ниже, этотъ талантливый музыкантъ, ни въ комъ не встрѣчая ни поддержки, ни участья, ни сожалѣнія—но за то никѣмъ и не привязываемый за ногу—безвременно погибъ.

Послѣдніе свои печальные дни онъ скитался изъ города въ городъ, изъ села въ село, въ товариществѣ съ какимъ-то шарманщикомъ, такимъ-же горькимъ пьяницей, какъ и онъ и, можно себѣ представить, какова была ихъ бродяжническая жизнь!..

Не имѣя пристанища, проводя гдѣ день, гдѣ ночь, часто безъ пріюта, безъ пищи, влачилъ бѣдный „Флейта“ свое жалкое существованіе, веселя подгулявшую кабацкую публику своей игрой и получая за это гроши, которые тутъ-же пропивалъ, пока, наконецъ, не почилъ вѣчнымъ сномъ, замерзши гдѣ-то подъ заборомъ.

XI.

«Опять Аквилонскій...»

Читатель, быть можетъ, думаетъ, что Елизарій Аквилонскій, избѣжавшій конюшни лишь благодаря быстротѣ своихъ ногъ, обстриженный затѣмъ подъ гребенку и, наконецъ, уволенный отъ должности учителя, навсегда уже распростился съ нами, тая въ душѣ глубокую ненависть къ батюшкѣ, въ особенности за утрату имъ столь дорогаго его сердцу головнаго убора—этой прелести всѣхъ людей его класса?.. О, нѣтъ!.. Мнѣ часто еще приходилось съ нимъ встрѣчаться въ теченіе всей послѣдующей его дѣятельности, ибо онъ принадлежалъ къ тому классу людей, которые чуть-ли не съ пеленокъ, вмѣстѣ съ молокомъ матери, на всю жизнь всасываютъ правило: во чтобы то ни стало выйти въ люди и добиться извѣстнаго общественнаго положенія. Для достиженія-же своихъ цѣлей эти люди положительно не разбираютъ средствъ и до поры до времени готовы, съ чисто спартанской настойчивостью и терпѣніемъ, перенести все, что угодно: нужду, униженія, оскорбленія даже... Но вотъ, послѣ долгихъ жизненныхъ невзгодъ и треволненій, какой-нибудь Аквилонскій достигаетъ давно желанной и съ дѣтства взлелѣянной имъ мечты... Онъ вышелъ, наконецъ, въ люди и спина его, привыкшая въ теченіе многихъ лѣтъ гнуться „въ три погибели“, моментально выпрямляется, а выраженіе лица изъ низкопоклоннаго столь-же быстро превращается

въ надмѣнное, и тогда не дай Богъ вамъ, знавшимъ его въ зависимомъ положеніи, встрѣтиться на его дорогѣ!.. Если къ тому же вы, въ дни его невзгодъ, оказали ему какую-нибудь еще помощь или просто услугу и, слѣдовательно, въ васъ онъ видитъ нѣмое напоминаніе его прежняго ничтожества, о, тогда злѣе, безсердечнѣе вы не встрѣтите врага на свѣтѣ, и на васъ на первомъ онъ систематически и злорадно начнетъ вымещать и загубленные имъ въ борьбѣ съ обстоятельствами юные годы и силы и вынесенныя имъ отъ людей униженія и оскорбленія... А тамъ, почуявъ подъ собой твердую почву, Аквилонскій точно прирастетъ къ ней, пустивъ въ нее глубокіе, корявые корни, и попробуйте-ка вы тогда уже сдвинуть его съ мѣста!.. И въ результатѣ всегда кончается тѣмъ, что одинъ Аквилонскій выдвинетъ и потянетъ за собою десятки-сотни другихъ Аквилонскихъ, которые, тѣснымъ кольцомъ сплотившись вокругъ него, постепенно начинаютъ вытѣснять всѣ чуждые, неродственные имъ элементы,—опять-таки не разбирая ни способовъ, ни средствъ къ достиженію своихъ цѣлей...

Такъ на роскошный цвѣтникъ взлелѣянныхъ въ теплицѣ растеній дружной ратью надвигается крапива и бурьянъ, плодясь съ непомѣрной быстротой отъ, Богъ вѣсть откуда, занесеннаго вѣтромъ сѣмени, безжалостно глуша все, что попадется имъ на дорогѣ, воображая, быть можетъ, и совершенно искренно, что такъ какъ и они „тоже растенья“, то слѣдовательно могутъ во всѣхъ отношеніяхъ замѣнить собой вытѣсняемыхъ ими изъ цвѣтника душистыхъ и нѣжныхъ ихъ предшественниковъ.

У батюшки должность не то управляющаго, не то главнаго конторщика занималъ сосѣдъ его по имѣнію, мелкопомѣстный помѣщикъ Иванъ Петровичъ Губинъ. Это былъ человѣкъ простой, но глубокой честности и прекрасный хозяинъ, который, въ силу обстоятельствъ, вынужденъ былъ для прокормленія и воспитанія громаднаго семейства поступить въ услуженіе Батюшка, наоборотъ, былъ очень плохой хозяинъ и, хотя не могъ конкурировать въ агрономической и винокуренной опытности съ Губинымъ, родившимся и выросшимъ въ деревнѣ, однако любилъ-таки вмѣшиваться во всѣ хозяйственныя распоряженія, причемъ обыкновенно сваливалъ постигавшія его отъ этого неудачи на ни въ чемъ неповиннаго управляю-

щаго. Имѣя къ тому же еще и вспыльчивый темпераментъ, батюшка не разъ позволялъ себѣ и прикрикивать на него. Но Губинъ былъ бѣденъ, но гордъ, а потому батюшкѣ весьма часто приходилось выслушивать отъ него горькую правду относительно неосновательности его хозяйственныхъ распоряженій и не разъ весьма рѣзкія напоминанія о томъ, что Губинъ такой же дворянинъ, какъ и онъ, на котораго кричать, по меньшей мѣрѣ, неумѣстно... Кромѣ общаго надзора за имѣніемъ, на обязанности Губина лежало еще веденіе формальныхъ книгъ по винокуренному заводу и винному складу, что онъ и выполнялъ въ высшей степени аккуратно и добросовѣстно, а потому батюшка, не смотря на неоднократныя столкновенія свои съ Губинымъ, очень дорожилъ имъ и далекъ былъ отъ мысли замѣнить его кѣмъ-либо другимъ.

Вотъ эту-то должность и намѣтилъ себѣ Елизарій Аквилонскій для начала карьеры. Въ то время уже вѣяло предполагаемыми реформами, и Аквилонскій, восчувствовавъ въ себѣ достаточно силъ стать въ недалекомъ будущемъ дѣятелемъ выборнаго начала, рѣшилъ, по окончаніи имъ семинаріи, вмѣсто того, чтобы идти дорогой, избранной его предками, пристроиться „въ ожиданіи будущихъ благъ“ куда-нибудь на „тепленькое“ мѣстечко... И начались систематическія подкапыванія подъ Губина и занимаемое имъ мѣсто.

Прежде всего, дьяконица, подъ предлогомъ выпросить себѣ „дровецъ“ и „соломки“, пробралась заднимъ ходомъ до матушки и настолько сумѣла ее разжалобить и расхвалить своего сына, очернивъ въ то же время Губина, что матушка обѣщала похлопотать у батюшки за „Елизашу“, съ условіемъ, однако, что онъ уже не будетъ носить такихъ ужасныхъ волосъ, какъ прежде... Далѣе, за Аквилонскаго усиленно сталъ ходатайствовать и мѣстный благочинный, котораго батюшка очень уважалъ, — оказавшійся тоже дальней родней Аквилонскихъ, и, наконецъ, уже въ качествѣ главнаго ходатая за „Елизашу“, выступилъ самъ акцизный чиновникъ, пріѣзжавшій два раза въ мѣсяцъ провѣрять дѣйствія винокуреннаго завода и книги виннаго склада. Чиновникъ этотъ имѣлъ большое значеніе въ глазахъ батюшки, такъ какъ, при тогдашнемъ халатномъ образѣ веденія винокуренія, онъ могъ всегда найти разныя неправильности, а потому на его ходатайство Акви-

лонскіе возлагали большія надежды. Но акцизный чиновникъ не сразу на это согласился. Только послѣ долгихъ выкладокъ, комбинацій и вычисленій, когда ему краснорѣчиво было доказано, что и онъ сродни Аквилонскимъ, ибо дьяконица приходилась чѣмъ-то въ родѣ внучатной бабушки троюродной сестрѣ матери его двоюродной тетки,—только тогда согласился онъ похлопотать за Елизашу и, надо отдать ему справедливость, употребилъ всѣ зависѣвшія отъ него къ тому средства, намекнувъ даже батюшкѣ не только на неправильное веденіе Губинымъ книгъ, но и на нѣкоторыя весьма серьезныя злоупотребленія, не разъ, будто бы, замѣченныя имъ на заводѣ...

Тѣмъ не менѣе батюшка оставался непреклоненъ, и Губинъ по-прежнему продолжалъ завѣдывать дѣлами по имѣнію и заводу.

Но то, чего не въ силахъ были сдѣлать ни мольбы дьяконицы, ни совокупныя просьбы благочиннаго, акцизнаго чиновника и даже матушки, — то ухитрился сдѣлать жидъ-винокуръ, Борухъ Шельмовичъ.

Это былъ опытный въ дѣлѣ винокуренія, ловкій проходимецъ, умѣвшій не только всегда угодить батюшкѣ, но и угадывать малѣйшія его желанія. Обладая въ высшей степени комичной наружностью и носомъ такихъ колосальныхъ размѣровъ, что я никогда въ жизни болѣе такого уже не видалъ, онъ умѣлъ при случаѣ также розыграть и роль „шута гороховаго“, для каковой цѣли и призывался въ домъ обыкновенно въ скучные осенніе вечера. И чего только не изображалъ изъ себя тогда Борухъ!.. То появлялся онъ въ женскомъ платьѣ, танцуя, кривлялись и распѣвая жидовскія пѣсенки, то копировалъ засѣдателя опеки, становаго или акцизнаго чиновника, то, наконецъ, начиналъ изображать изъ себя отцовскую лягавую собаку Милорда, чутьемъ розыскивая по командѣ „шершь!“ поставленную куда-нибудь на полъ или подъ столъ рюмку водки, которую по командѣ „пиль!“ глоталъ безъ помощи рукъ, а при командѣ: „ту-бо!“ моментально останавливался, начиная жалобно выть по собачьи... Всѣ эти „представленія“ обыкновенно заканчивались тѣмъ, что Борухъ очень важно усаживался на стулѣ гдѣ-нибудь около двери, и казачекъ на серебряномъ подносѣ подавалъ ему рюмку воды вмѣсто водки и кусокъ хлѣба, намазанный свинымъ саломъ вмѣсто масла, и

Борухъ, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ обмана, проглатывалъ то и другое, впадая затѣмъ въ притворное отчаянье, къ немалому восторгу всѣхъ присутствующихъ.

Губина онъ ненавидѣлъ. Вражда эта происходила, главнымъ образомъ, отъ того, что Губинъ насквозь видѣлъ всѣ его шашни и не разъ разстраивалъ плутовскія его комбинаціи по заводу. Въ особенности же Губинъ досаждалъ Боруху той „экспертизой“, которую онъ заставлялъ его продѣлывать надъ прокисшей или недостоявшей хлѣбной гущей, изъ которой выдѣлывался спиртъ. А экспертиза эта заключалась въ томъ, что Боруха, безъ дальнихъ околичностей, по распоряженію Губина, подводили за плечи къ бродильнымъ чанамъ и опускали туда длинный его носъ, не смотря на всѣ его мольбы и протесты, и спрашивали: „чѣмъ пахнетъ?..“

Въ Елизаріи Аквилонскомъ Борухъ Шельмовичъ сразу угадалъ достойнаго себѣ сподвижника, а потому, безо всякой даже просьбы со стороны дьяконицы, началъ изо всѣхъ силъ стремиться къ тому, чтобы онъ былъ опредѣленъ на мѣсто Губина. Но жидъ сталъ дѣйствовать нѣсколько иными путями, чѣмъ прочіе покровители Аквилонскаго, а потому, вѣроятно, и имѣлъ успѣхъ. Подмѣтивъ въ батюшкѣ отличительную черту его характера—упрямство, онъ чуть ли не до небесъ сталъ восхвалять честность и аккуратность Губина и въ то же время усиленно бранилъ Аквилонскаго, дѣлалъ таинственный видъ, что предостерегаетъ батюшку отъ него, и до такой степени надоѣлъ ему оказываемой Губину „протекціей“, что самъ чуть не лишился мѣста. Но жидъ не унимался и настойчиво продолжалъ вмѣшиваться въ дѣло, между тѣмъ какъ самъ настолько ловко сумѣлъ обставить и подвести Губина, что акцизный чиновникъ при первой же ревизіи завода уже дѣйствительно обнаружилъ какія-то важныя злоупотребленія, о чемъ не преминулъ тотчасъ же сообщить батюшкѣ, требуя удаленія Губина.

И Аквилонскій сталъ конторщикомъ. Правда, батюшка всячески старался облегчить безвыходное положеніе бѣднаго Губина и, увольняя его отъ должности, предложилъ ему значительную денежную помощь въ видѣ награды за прежнюю службу, но Губинъ съ гордостью отвергъ ее и, собравъ свои пожитки, грустно

побрелъ во-свояси—снова мыкать горе и нужду съ многочисленнымъ семействомъ...

Борухъ Шельмовичъ и Елизарій Аквилонскій скоро дали себя знать. Они похозяйничали всего около года и, не смотря на столь короткій промежутокъ времени, сумѣли поставить дѣло въ такое положеніе, что батюшка, потерпѣвъ громадные убытки, принужденъ былъ закрыть винокуренный заводъ. Что же касается до Аквилонскаго и Шельмовича, то они успѣли не только пріобрѣсти себѣ кое-что, но еще отложили нѣчто „дѣтишкамъ на молочишко“, чѣмъ и положили прочное основаніе будущему ихъ благосостоянію...

XII.

Святки у помѣщика.

Кто не испыталъ въ дѣтствѣ тѣхъ тревогъ, волненій и ожиданій, съ которыми сопряжено приближеніе праздника Рождества Христова!.. Кто не считалъ остающихся до этого во всѣхъ отношеніяхъ дѣтскаго праздника дней и кому они не казались долгими и мучительными!.. Какъ старался каждый вести себя хорошо и учиться прилежно въ эти послѣдніе дни изъ боязни лишиться ожидаемыхъ подарковъ,—какъ будто у родителей могло на это хватить и силы воли, и жестокости?!.. Но вотъ наступаетъ, наконецъ, давно желанный праздникъ. Съ утра среди насъ, дѣтей, носится кѣмъ-то распущенная, тревожная для дѣтскаго сердца вѣсть, что „въ этомъ году елки совсѣмъ не будетъ, что такъ рѣшено старшими въ виду того, что мы уже не маленькіе, да къ тому-же въ теченіе года учились лѣнивo и вели себя плохо“... Мы шепотомъ передаемъ другъ другу дошедшую до насъ грустную новость, но все еще лучъ надежды осѣняетъ наши дѣтскія головки, ибо кто-то изъ насъ начинаетъ смутно припоминать,—о чемъ и спѣшитъ подѣлиться съ другими,—что и въ прошломъ году говорили что-то похожее на это, однако тревога оказалась фальшивою и елка была еще лучше прежней... А между тѣмъ проходитъ томительный день, наступаетъ и вечеръ, вездѣ

зажжены уже огни, а елки все нѣтъ и нѣтъ! Тогда послѣднія колебанія проходятъ и ихъ смѣняетъ положительная увѣренность въ томъ, что и въ самомъ дѣлѣ въ этомъ году мы останемся безъ елки, и съ тоскою въ сердцѣ мы окончательно покоряемся нашей горькой участи.

— Идите въ большую залу, „ряженые“ пришли!—объявляетъ намъ весьма серьезно кто-нибудь изъ „старшихъ“, и мы, довольные хотя этимъ развлеченіемъ, стремительно бѣжимъ по направленію къ залѣ, дверь въ которую почему-то оказывается запертой. Моментъ томленія, ожиданья,—и, о, счастье, вслѣдъ за открытой невидимой рукою дверью нашимъ взорамъ предстаетъ вся залитая огнями роскошная, громадная елка!.. Клики восторга вырываются у насъ изъ груди, и мы, чуть не плача отъ радости, бросаемся цѣловать отца и мать, которые сами вдвое больше нашего довольны устроеннымъ ими намъ, вполнѣ удавшимся сюрпризомъ.

Первое время мы, точно очарованные, любуемся красавицей-елкой, съ любопытствомъ осматривая ее со всѣхъ сторонъ, и протираемъ глаза, слипающіеся отъ непривычнаго свѣта и блеска. Въ то время убранство елокъ было много проще теперешняго и заключалось лишь въ безчисленномъ множествѣ тонкихъ восковыхъ свѣчей, золоченыхъ орѣховъ, пряниковъ, изюму и другихъ лакомствъ, такъ какъ о картонажахъ и прочихъ блестящихъ бездѣлушкахъ не имѣли тогда никакого понятія. Но за то вокругъ елки на столѣ было размѣщено множество цѣнныхъ подарковъ, по наклонности и вкусу каждаго изъ дѣтей, которыя тотчасъ-же находили предназначенныя имъ игрушки по билетикамъ съ обозначеніемъ ихъ имени.

По миновапіи перваго впечатлѣнія, мы обыкновенно тутъ-же приступали къ обзору подаренныхъ намъ игрушекъ, сравнивали ихъ съ игрушками, выпавшими на долю остальныхъ, а затѣмъ буквально принимались „обжираться“ лакомствами, такъ что въ большинствѣ случаевъ приходилось намъ впослѣдствіи имѣть дѣло уже съ тетей Соней и излюбленнымъ ея лѣкарствомъ — касторовымъ масломъ.

Если къ празднику пріѣзжалъ кто-нибудь изъ родныхъ или сосѣдей съ нашими сверстниками, то тутъ же устраивались еще танцы, длившіеся до двѣнадцати часовъ ночи, а затѣмъ отправ-

лялись мы уже спать, бережно разставивъ игрушки около кроватокъ, чтобы на утро снова начать любоваться и восторгаться ими. Затѣмъ, подѣлившись еще другъ съ другомъ всѣми впечатлѣніями дня, мы засыпали тѣмъ покойнымъ, крѣпкимъ дѣтскимъ сномъ, которымъ, увы! уже не спятъ люди въ зрѣломъ возрастѣ.

На другой день елка снова зажигалась, но уже не для насъ. Теперь мы вступали въ роль хозяевъ-учредителей и на нашей обязанности лежало разставить вокругъ елки подарки, предназначенные для дворовыхъ ребятишекъ и дворовыхъ людей.

Незатѣйливы были эти подарки, а между тѣмъ сколько восторговъ вызывали они въ „чумазой дѣтворѣ“,—какъ называлъ батюшка пеструю толпу свѣтлыхъ и темныхъ головокъ, сперва боязливо жавшихся у дверей, а затѣмъ развернувшихся и зашалившихъ безо всякаго стѣсненія.

Мальчики получали изъ нашихъ рукъ по одинаковому сѣрому въ яблокахъ „коньку“, съ совершенно прямыми ногами, крутой шеей и клочкомъ мочалы вмѣсто хвоста, а дѣвочки — по одинаковой-же куклѣ въ ярко-красномъ платьѣ и съ столь-же яркими щеками, и, кромѣ того, каждому изъ нихъ передавалось нами еще по „фунтику“, въ которомъ было завернуто одинаковое количество пряниковъ, орѣховъ и прочихъ деревенскихъ сластей. Одаряемые подходили къ намъ, напутствуемые увѣщаніями своихъ матерей, а нерѣдко и подталкиваемые ими сзади, и, получивъ подарки, цѣловали насъ въ руку, послѣ чего отходили въ сторону, уступивъ мѣсто другимъ. Большинство дѣтей тутъ-же и успокаивались, принимаясь за пряники и орѣхи; болѣе-же конфузливые еще нѣкоторое время жались къ матерямъ, но затѣмъ принимали также участіе въ общемъ крикѣ, шумѣ и спорахъ, нерѣдко переходившихъ въ драку.

Послѣ того какъ дѣти были уведены домой, приступали къ раздачѣ праздничныхъ подарковъ взрослымъ дворовымъ. Обязанность эту исполняла матушка, которая мужчинамъ вручала по свертку кумача на рубаху, а женщинамъ свертокъ пестраго ситцу на платье. Затѣмъ одаренные подходили къ столу, уставленному двумя бутылями: съ водкой для мужчинъ и наливкой для женщинъ, и, получивъ изъ рукъ батюшки чарку, которую онъ „при-

губивалъ", дворовый или дворовал низко кланялись во всѣ стороны и залпомъ выпивали ее за здоровье присутствующихъ.

Затѣмъ наступалъ послѣдній актъ торжества. На самомъ верху елки обыкновенно повѣшена была бархатная ермолка, предназначенная въ подарокъ Боруху Шельмовичу, и онъ долженъ былъ ухитриться достать ее оттуда, не потушивъ ни одной свѣчи и не уронивъ или не покачнувъ даже елки. Казалось, не было возможности достать ее при этихъ условіяхъ, а между тѣмъ жидъ ухитрялся это дѣлать весьма ловко, и, при громкомъ одобреніи всѣхъ присутствующихъ, онъ торжественно надѣвалъ на свою голову новую ермолку, тутъ-же бережно складывая и пряча въ карманъ „лапсердака" старую. Этимъ обыкновенно заканчивалось празднество, и елку, доставившую столько радостей столькимъ людямъ, какъ ни куда уже не годную вещь, бросали въ дрова, а затѣмъ и сжигали на кухнѣ.

Въ то время на Рождественскихъ праздникахъ по деревнямъ ходили какіе-то странствующіе не то музыканты, не то пѣвцы древнихъ народныхъ былинъ, съ бандурой и какимъ-то маленькимъ театромъ, въ которомъ, при помощи маріонетокъ весьма грубой работы, давались представленья духовнаго содержанья. Назывались эти театрики „вертепами", — очевидно, отъ той пещеры, въ которой изображалась сцена Рождества Христова и поклоненіе волхвовъ. „Вертепы" эти, кажется, были впослѣдствіи запрещены по распоряженію духовнаго начальства и въ настоящее время они повсюду уже вывелись, но въ то время каждый помѣщикъ считалъ своею обязанностью принять въ домъ „вертепщика".

Обыкновенно въ залѣ на столѣ устанавливался театръ. Рядомъ съ нимъ садился „бандуристъ", и начиналась „увертюра", заключающаяся въ исполненіи нѣсколькихъ старинныхъ пѣсенъ духовнаго содержанія. Затѣмъ на сцену, спотыкаясь, выходилъ царь Иродъ въ красной мантіи, коронѣ и съ большимъ мечемъ въ рукѣ, и начиналось представленіе: избіенія младенцевъ, бѣгства изъ Виѳлеема, поклоненія волхвовъ и проч. Въ это время „бандуристъ" продолжалъ играть на своемъ инструментѣ, а „вертепщикъ" на распѣвъ унылымъ голосомъ объяснялъ представляемое, и слушавшая публика сосредоточенно ему внимала, затаивъ дыханье. Затѣмъ такое-же представленіе давалось въ людской, и

„вертепщикъ“, щедро одаренный деньгами и провизіей, плелся дальше.

Въ числѣ Рождественскихъ празднествъ и удовольствій того времени нельзя не упомянуть также и о „ряженыхъ“.

Если въ теперешнее время кто-нибудь надумалъ замаскироваться, то прежде всего онъ, точно разрѣшая важный вопросъ, сосредоточенно обдумываетъ костюмъ, его цвѣтъ, характеръ и прочія подробности, желая, во что бы то ни стало, блеснуть если не вкусомъ, то, по крайней мѣрѣ, остроуміемъ. Тратятся на это большія деньги и ожидается, Богъ вѣсть, какой успѣхъ и послѣдствія! Если же замаскированный или замаскированная не произвели ожидаемаго эффекта, то, проскучавши весь вечеръ, они озлобленные возвращаются домой, клянія и маскарады, и костюмы, и жалѣя истраченныхъ ими столь непроизводительно денегъ. Даже для дѣтей чадолюбивые родители стараются изобрѣсти „что-нибудь“ особенное и, во всякомъ случаѣ, такой костюмъ, который былъ бы „къ лицу“ ребенка,—какъ будто отъ этого зависитъ вся его будущность!.. Но въ то время, о которомъ я повѣствую, и жили проще, да и веселились больше, чѣмъ теперь. Задумали, напримѣръ, дѣти рядиться,—и мальчики одѣваются дѣвочками, а дѣвочки мальчиками, и маскарадъ уже готовъ. Старшіе обыкновенно дѣлали видъ, что никого не узнаютъ при такомъ переодѣваніи, и веселью и смѣху не было конца. Никто изъ дѣтей не боялся изорвать или измять стоющаго большихъ денегъ костюма, о чемъ прожужжали ему всѣ уши, еще одѣвая его на костюмированный балъ, и каждый прыгалъ и игралъ во всю ширь своихъ дѣтскихъ лѣтъ и наклонностей. То-же было и со взрослыми. Пожелаютъ-ли, напримѣръ, отецъ и мать потѣшить насъ на святкахъ, и они также безъ особыхъ приготовленій облекаются: матушка—въ мужнинъ халатъ,—причемъ весьма важно начинаетъ расхаживать по комнатѣ съ трубкой въ рукѣ, передразнивая батюшку, а онъ, въ капорѣ и салопѣ тети Сони, или просто въ чепцѣ и шали, начинаетъ передразнивать кого-нибудь изъ дамъ, при громкомъ хохотѣ самихъ передразниваемыхъ... Натѣшившись вдоволь, всѣ снова переодѣвались въ прежнее платье, и жизнь вступала въ свою обычную колею.

Нерѣдко случалось также, что и дворовые являлись къ намъ „ряженными“. Появлялся тогда и цыганъ-вожатый съ лицомъ, намазаннымъ сажей, и медвѣдь въ вывороченной на-изнанку отцовской медвѣжьей шубѣ, показывавшій съ ревомъ, какъ „ребятишки горохъ воруютъ“, какъ бабы въ банѣ парятся“ и вообще все то, что проходитъ Мишка, окончившій полный курсъ наукъ въ „Сморгонской академіи“... Появлялась тогда и традиціонная высокая „коза“, щелкавшая деревяннымъ не то ртомъ, не то клювомъ, и что-то безъ умолку визжавшая... Появлялись рука объ руку и Елизарій Аквилонскій, наряженный Шельмовичемъ въ лапсердакѣ, ермолкѣ и длинныхъ пейсахъ изъ конской гривы, и Борухъ Шельмовичъ, наряженный Аквилонскимъ, съ густымъ лѣсомъ волосъ на головѣ, сооруженныхъ изъ выкрашеннаго въ красный цвѣтъ льна и ржавшій точно лошадь, чѣмъ онъ дѣйствительно весьма удачно копировалъ дикій смѣхъ своего пріятеля... Появлялась, наконецъ, и Маша въ старомъ батюшкиномъ гусарскомъ долманѣ, чикчирахъ и ботфортахъ со шпорами, съ запрятанными подъ высокій киверъ волосами и намазанными углемъ усиками, отъ чего она казалась еще красивѣе и изящнѣй, не смотря на то, что платье ей было и широко и длинно... Словомъ, каждый наряжался во что былъ горазъ, преслѣдуя единственную цѣль: самому повеселиться, повеселивъ и другихъ.

Ряженымъ подавалось угощенье, призывались музыканты, и начиналась всеобщая пляска. Медвѣдь танцовалъ съ цыганомъ, Аквилонскій съ Шельмовичемъ, коза еще съ кѣмъ нибудь изъ ряженыхъ или въ одиночествѣ кружилась, визжа и хлопая своимъ длиннымъ клювомъ, а Маша, щелкая шпорами, пресерьезно начинала копировать дядю Васю, ухаживая за Амаліей Карловной...

Наплясавшись до-сыта, ряженые удалялись, и маскарадъ оканчивался для того, чтобы снова не разъ и не два еще повториться въ теченіе святокъ.

А теперь?.. Уныло стоятъ по деревнямъ заброшенныя барскія усадьбы съ заколоченными окнами, и только гдѣ-нибудь надъ дверью кабака виднѣется елка, приглашающая бѣднякъ пропить по случаю праздника послѣдніе трудовые гроши...

XIII.

Первыя искорки.

Я былъ шестнадцати-лѣтнимъ кадетомъ, когда мнѣ пришлось прогостить все лѣто у своей тетки, въ ея усадьбѣ. Тетка была добрая старушка, выросшая и состарѣвшаяся въ прежнихъ понятіяхъ и правилахъ, держала многочисленную, совершенно не нужную ей, дворню и, кромѣ того, при ней постоянно находилась дѣвушка лѣтъ пятнадцати, въ коричневомъ платьицѣ и бѣломъ, какъ снѣгъ, фартучкѣ—что-то среднее между горничной и воспитанницей. Обязанности ея состояли въ томъ, чтобы разливать чай, держать шерсть, стоя передъ теткой, пока та ее наматывала и, вообще, оказывать ей тѣ безчисленныя мелкія услуги, безъ которыхъ не можетъ обойтись ни одна старая барыня. Поэтому постоянно слышалось:

— Наташа, гдѣ табакерка?.. Наташа, подай платокъ, подвинь скамеечку... поправь подушку.

Или:

— О чемъ размечталась, сударыня? Не видишь, „Бижу“ гулять просится?.. Ну, что, сложа ручки, сидишь?.. барышня какая!.. возьми работу...

И такъ далѣе.

Но что за прелесть была эта Наташа! стройная брюнетка съ развившимся уже станомъ, смугленькая, румяная,—она производила самое отрадное впечатлѣніе. Ея черные глазки изъ-подъ густыхъ и нѣсколько къ верху загнутыхъ рѣсницъ, какъ-то лукаво и въ то же время нѣжно смотрѣли, а ямочки на полныхъ щечкахъ придавали ея улыбкѣ такъ много обворожительнаго, что даже я, не смотря на всю свою напускную кадетскую „важность“,—по долгу засматривался на нее, замирая отъ какого-то непонятнаго мнѣ сладостнаго чувства...

Послѣ обѣда тетка имѣла обыкновеніе отдыхать, а въ девять часовъ она уже ложилась спать,—и вотъ тутъ-то для Наташи наступалъ настоящій праздникъ. Работа, кое-какъ свернутая, брошена въ сторону и ея неизмѣннымъ товарищемъ становился „Бижу“, съ которымъ она принималась бѣгать и рѣзвиться по

обширнымъ комнатамъ громаднаго дома. Пробовала она и меня привлечь къ участію въ своихъ играхъ, но я постоянно отговаривался недосугомъ, между тѣмъ какъ самъ изъ-за скучной книги, которую держалъ лишь для вида, — любовался граціозными движеніями этого милаго созданья.

Разъ Наташа особенно расшалилась. Вытащивъ изъ теткиной рабочей корзинки клубокъ красной шерсти, она начала подбрасывать его къ потолку, какъ вдругъ... импровизированный мячикъ упалъ на этажерку съ фарфоромъ, — и саксонская чашка грохнулась объ полъ,—разбиваясь въ дребезги...

Наташа поблѣднѣла и, дрожа отъ испуга, замерла на мѣстѣ. Но я былъ воспитанъ въ принципахъ товарищества, а потому, не долго думая, рѣшился во что бы то ни стало „спасти“ ее.

Я подбѣжалъ къ входившей въ это время теткѣ, поцѣловалъ ея руку и съ виноватымъ видомъ раскаявшагося преступника, указывая на валявшіеся по полу осколки фарфора, проговорилъ:

— Ma tante, простите меня! Это я нечаянно уронилъ... разбилъ...

— Благодарю покорно! любимую мою чашку, подарокъ князя Ивана!.. Кажется ты не такой ужъ маленькій, чтобы съ Наташей въ прятки играть!.. Училъ бы лучше свою географію!

Я былъ сконфуженъ, уничтоженъ и въ особенности глубоко оскорбленъ напоминаніемъ о „географіи“, изъ которой мнѣ предстояла переэкзаменовка...

Но за то никогда не забыть мнѣ тотъ глубокій, благодарный, нѣжный взглядъ, который на меня бросила Наташа.

Съ этого дня между нами установилась какая-то короткость. Я все еще продолжалъ относиться къ ней нѣсколько свысока и покровительственно, но за то она такъ положительно чувствовала ко мнѣ чуть-ли не какое-то благоговѣніе. На Наташину дѣтскую душу, очевидно, произвело сильное впечатлѣніе то самоотверженіе, съ какимъ я, безъ всякой просьбы съ ея стороны, добровольно взялъ на себя ея вину, а потому она, какъ бы въ благодарность за это, при каждомъ удобномъ случаѣ старалась оказать мнѣ самое нѣжное вниманіе. Ей видимо нравилось быть ближе ко мнѣ, и мы почти всегда проводили время вмѣстѣ.

Бывало, я разсматриваю картинки какого нибудь иллюстрированнаго журнала, а Наташа подойдетъ ко мнѣ сзади, облокотится на мои плечи и долго, долго смотритъ изъ-за меня въ лежащую передо мною книгу. Я ощущалъ прикосновеніе ея дѣвственной груди, чувствовалъ ея свѣжее молодое дыханье и, замирая въ какомъ-то упоеньи, боялся пошевельнуться, чтобы какъ нибудь не отстранить ее отъ себя... Иногда она, забывшись, перебирала рукой мои волосы, а я, затаивъ дыханье, безотчетно отдавался этой ласкѣ... Нервная дрожь пробѣгала по всему моему тѣлу, кровь приливала къ вискамъ, а сердце трепетно билось, чего-то ожидая, чего-то прося...

Разъ (я не знаю даже, какъ это случилось) моя рука обвилась вокругъ Наташиной тальи и я безумно, страстно прижалъ ее къ себѣ, покрывая ея нѣжныя щечки, ея влажныя губки горячими, частыми поцѣлуями... Она тихо отстранилась... мы какъ-то испуганно, растерянно взглянули другъ на друга и, потупивъ глаза, въ нѣмомъ смущеніи, покраснѣли оба...

Съ тѣхъ поръ Наташа вся преобразилась. Она уже не садилась ко мнѣ такъ близко, какъ прежде, она совсѣмъ перестала бѣгать и рѣзвиться по комнатамъ и почему-то начала все чаще и чаще задумываться, между тѣмъ, какъ томный ея взоръ устремлялся на меня съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ...

Я думалъ, что она на меня сердится...

А между тѣмъ, лѣто миновало и наступилъ день моего отъѣзда.

Къ крыльцу поданъ экипажъ, въ него уложены мой чемоданъ и корзина съ жареной индѣйкой, пирожками и разными деревенскими гостинцами. По обычаю—всѣ разсѣлись по стульямъ вокругъ комнаты, помолились Богу. Тетка торопливо сунула мнѣ въ руку какую-то ассигнацію, обняла меня и дрожащей рукой три раза перекрестила.

— Христосъ съ тобой, дорогой мой! учись хорошенько, уважай начальство... не шали...

Наташа куда-то исчезла.

Я сѣлъ въ экипажъ. Застоявшіяся лошади рванули, колокольчикъ зазвенѣлъ, и мы выѣхали за ворота. Но прежде чѣмъ повернуть на большую дорогу, необходимо было проѣхать мимо всего

сада, который тянулся внизъ вплоть до самой плотины. Подъѣзжая къ ней, мы вдругъ услыхали чей-то голосъ, громко кричавшій

— Стой!.. Степанъ, стой!..

Кучеръ осадилъ лошадей—и изъ сада къ намъ выбѣжала, вся раскрасивѣвшаяся, запыхавшаяся Наташа.

Она вскочила на подножку экипажа, порывисто обняла меня обѣими руками, прижала къ себѣ и, всхлипывая и рыдая, покрыла мои руки, мое лицо горячими слезами и нѣжно ласкаясь, нѣжно цѣлуя меня,—дрожащимъ, прерывистымъ голосомъ шептала:

— Прощайте, голубчикъ, милый... желанный мой... прощай, прости!

Но я и самъ уже рыдалъ, какъ ребенокъ, прижимаясь къ ней съ чувствомъ невыразимой тоски. Даже старикъ Степанъ и тотъ, отвернувшись отъ насъ, какъ-то неестественно-часто мигалъ глазами...

Мы разстались. Сердце ныло до боли... Но вотъ, подъѣзжая къ повороту на большую дорогу, я еще разъ обернулся назадъ. На томъ же мѣстѣ, въ той же позѣ, стояла Наташа... бѣлѣлъ ея фартучекъ...

О, что отдалъ-бы я тогда, чтобы имѣть только право вернуться, остаться!.. Я безпомощно опустился на подушки экипажа,—и глухое рыданіе вырвалось изъ моей груди. Степанъ покосился на меня своими добрыми, старческими глазами и тихо проговорилъ:

— Дитё еще совсѣмъ малое... э-эхъ!

И глубоко вздохнувъ, онъ нервно передернулъ возжами и изо всей силы вытянулъ кнутомъ ни въ чемъ неповинную пристяжную. Мы повернули на большую дорогу... колокольчикъ заливался, точно плача...

Я Наташи болѣе не видалъ. Гдѣ-то она теперь и что съ ней?

XIV.

Гроза.

Я съ напряженнымъ вниманьемъ уставился глазами на открытое окно съ неподвижно опущенной въ немъ тяжелой занавѣской.

Прошло нѣсколько минутъ томительнаго ожиданья и я, потерявъ, наконецъ, терпѣнье, подошелъ къ самому окну, и крикнулъ:

— Если вы сейчасъ-же не одѣнетесь и не выйдете,—ей Богу влѣзаю въ окно!

Въ комнатѣ послышались торопливые шаги босыхъ ножекъ, занавѣска заколыхалась, изъ за нея мелькнуло обнаженное плечо, ручка и громадный полузавядшій букетъ полевыхъ цвѣтовъ, обдавая мое лицо водяными брызгами, полетѣлъ въ меня, разсыпался пестрымъ ковромъ у моихъ ногъ. Раздался звонкій смѣхъ, и окно съ шумомъ захлопнулось. Задвижка щелкнула.

Я нетерпѣливо отшвырнулъ ногой валявшіеся по землѣ цвѣты, и нервно сталъ ходить взадъ и впередъ по дорожкѣ сада, не переставая, однако, коситься на завѣтное окно.

Мы съ Маничкой были дальніе родственники и почти однихъ лѣтъ. Я въ нее былъ „безнадежно влюбленъ“, и она это прекрасно знала, а потому безбожно со мной кокетничала. Въ общемъ же, мы были большіе друзья, хотя это и не мѣшало намъ чуть ли не ежедневно ссориться.

Иногда мнѣ казалось, что Маничка питаетъ ко мнѣ взаимность и тогда я былъ безгранично счастливъ, иногда же, на оборотъ, мнѣ казалось, что она только играетъ мной и третируетъ меня, какъ мальчишку: тогда сердце мое болѣзненно сжималось, я начиналъ дуться, уходилъ въ свою комнату, помѣщавшуюся въ мезонинѣ, и тамъ, „въ одиночествѣ жестокомъ, вдали отъ свѣта и людей“, — предавался отчаянью и даже втихомолку плакалъ, изливая свои чувства въ ужаснѣйшихъ стихахъ, всѣ до единаго посвященныхъ „ей“.

Едва на террасѣ показалась Маничка, какъ я мгновенно просіялъ. Она приближалась ко мнѣ такая свѣженькая, розовенькая, улыбалась мнѣ такъ ласково и, наконецъ, повидимому, ее такъ веселила предстоящая экскурсія въ сосѣдній лѣсъ за ландышами, рѣшенная между нами еще наканунѣ, что я, какъ очарованный, безмолвно принялъ изъ ея рукъ корзину, предназначенную для цвѣтовъ, и мы, дружелюбно поздоровавшись, весело отправились въ путь.

Сперва мы шли проселкомъ. Предъ нами растилалось широкое поле, все залитое солнечными лучами, точно золотомъ. На голу-

бомъ небѣ не виднѣлось ни облачка, и какъ-то торжественно тихъ былъ воздухъ въ это утро — такъ тихъ, что даже травка нигдѣ не шелохнула...

Но вотъ дошли мы и до лѣса. Когда мы очутились въ немъ и прошли нѣсколько въ глубину, Маничка вдругъ радостно вскрикнула. Она нашла первый ландышъ, который тутъ же и приколола къ себѣ на грудь. Но вотъ еще цвѣтокъ, еще, и еще... Корзинка быстро стала наполняться цвѣтами, а мы, между тѣмъ, незамѣтно для себя, углублялись все дальше и дальше въ чащу лѣса.

Но, чу.... гдѣ-то далеко-далеко прогудѣлъ громъ, а затѣмъ и сильный порывъ вѣтра шумно пронесся по верхушкамъ деревьевъ. Стало еще темнѣе...

Маничка, тревожно вслушивалась, обернула ко мнѣ свое испуганное личико, и дрожащимъ голосомъ проговорила:

— Кажется, гроза собирается, побѣжимъ домой...

— Какая же вы трусиха, Маничка!... Еще, можетъ быть, стороной пройдетъ...

Но новый раскатъ грома, раздавшійся уже гораздо ближе, и новый, еще болѣе сильный, порывъ вѣтра, свидѣтельствовали о томъ, что грозовая туча двигалась прямо на насъ. Рѣдкія, но крупныя капли дождя зашумѣли по листьямъ.

— Ну вотъ видите... И вѣчно онъ споритъ! Бѣжимъ скорѣй!..

Но было уже поздно. Ослѣпительная молнія зеленоватымъ блескомъ на одно лишь мгновенье освѣтила стволы деревьевъ, предо мной мелькнуло поблѣднѣвшее отъ страха личико, и все снова погрузилось въ мракъ. Настала зловѣщая тишина, и страшный ударъ грома разразился чуть ли не надъ нашими головами...

Маничка вскрикнула, закрыла глаза и, зажавъ руками уши, опустилась на землю. Я сѣлъ возлѣ, стараясь ее успокоить, но тщетно. При каждомъ блескѣ молніи, при каждомъ ударѣ грома, она вздрагивала всѣмъ тѣломъ и наконецъ безпомощно прижалась къ моей груди, какъ-бы инстинктивно ища у меня защиты.

Гроза усилилась. Дождь полилъ ручьями. Холодныя, частыя его капли пронизывали насквозь наши весенніе костюмы, и я поспѣшилъ прикрыть Маничку своимъ плащемъ. Подъ этимъ

импровизированнымъ покрываломъ, она невольно прижалась ко мнѣ еще ближе. Я чувствовалъ учащенное біеніе ея сердца, дыханье ея жгло мнѣ щеку, а дрожащій голосокъ шепталъ мнѣ надъ ухомъ только два слова: „боюсь“ и „холодно“... Согрѣвая ея похолодѣвшія ручки своимъ дыханьемъ, я въ то же время покрывалъ ихъ жадными поцѣлуями и нѣжно прижималъ ее къ себѣ... Случайно, наши губы встрѣтились, и... мнѣ показалось, что Маничка отвѣтила на мой поцѣлуй... А, между тѣмъ, раскаты грома стали раздаваться все рѣже и тише, окружавшій насъ мракъ понемногу разсѣялся, и, съ тоскою въ сердцѣ, я чувствовалъ что вмѣстѣ съ удаляющейся грозой—безвозвратно улетаетъ и мое минутное счастье... и въ то самое время, когда Маничка радостно воскликнула:

— Ну, слава Богу, наконецъ-то гроза миновала!

Я печально прошепталъ:

— Ахъ, да, уже, миновала...

Мы оправились, на сколько могли, и поспѣшили домой.

Природа по прежнему оживилась, но она не радовала меня: на душѣ у меня было печально.

Маничка всю дорогу молчала, стараясь не глядѣть на меня.

Подойдя къ дому, у самыхъ дверей, я сдѣлалъ послѣднюю, отчаянную попытку. Я взялъ Маничку за руку, стараясь привлечь ее къ себѣ.

— Маничка... еще... одинъ... поцѣлуй... на прощанье...

Она порывисто вырвалась отъ меня, и, убѣгая, бросила мнѣ насмѣшливое:

— Ждите опять грозы!..

Но, увы! другой грозы я такъ и не дождался.

XV.

„Старое старится“...

Кругомъ все сѣро, мрачно, грязно... Косой дождь, порывисто врываясь въ тарантасъ, немилосердно хлещетъ меня въ лицо. Передъ моими глазами обрисовывается согнутая спина съежив-

шагося отъ холода ямщика, накрывшаго голову полами своего халата. Охрипшимъ отъ крика голосомъ понукаетъ онъ усталыхъ лошадей, которыя, по брюхо забрызганныя грязью, еле передвигаютъ ноги, шлепая по липкому, мокрому грунту. Комья грязи и брызги летятъ отъ нихъ во всѣ стороны, а по намокшимъ хвостамъ и гривамъ стекаютъ ручьи грязной воды.

Прижимаясь то въ тотъ, то въ другой уголъ экипажа, я тщетно стараюсь схорониться отъ дождя, который точно нарочно все принимаетъ направленіе въ мою сторону. Мучительно долго тянется время, какая-то злоба, вмѣстѣ съ сознаніемъ безпомощности, наполняютъ мою душу и, какъ бы вторя этому настроенію, точно разбитый, глухо дребезжитъ колокольчикъ...

Наступили уже сумерки, а до конца моего путешествія оставалось еще добрыхъ десять верстъ. Но вотъ измученныя лошади, фыркая и тяжело поводя запотѣвшими боками, остановились. Отчаянно задергавъ во всѣ стороны возжами и яростно покрывая намокшія спины несчастныхъ клячъ рѣзкими ударами кнута, дико заоралъ на нихъ, привставшій съ козелъ, ямщикъ... замахалъ и я изъ экипажа своей тростью на пятившуюся ко мнѣ пристяжную, причемъ тоже сталъ выкрикивать на нее какимъ-то дикимъ голосомъ... но увы! всѣ наши усилія оказались напрасными. Лошади сдѣлали послѣднюю отчаянную попытку, еще разъ дружно рванули впередъ, но, пройдя нѣсколько шаговъ, окончательно стали.

Колокольчикъ смолкъ, Окруженныя густымъ паромъ, печально понуривъ голову и развѣсивъ уши, тяжело дышали измученныя клячи, между тѣмъ какъ порывистый вѣтеръ жалобно завывалъ вокругъ нихъ, а дождь неистово продолжалъ барабанить по кожаному фартуку и поднятому верху тарантаса.

Ямщикъ оберпулъ ко мнѣ свое мокрое лицо и, тревожно заглядывая вглубь экипажа, проговорилъ:

— Баринъ, а, баринъ!.. а вѣдь до Сосновки намъ никакъ не доѣхать... Лошадей зарѣжемъ, а всежъ не доѣдемъ!

— Да какъ-же быть-то?.. Не ночевать же здѣсь посреди дороги!—вскричалъ я съ досадой, хотя самъ прекрасно сознавалъ, что десяти верстъ не было возможности проѣхать по такой грязи.

Ямщикъ молча что-то обдумывалъ и соображалъ.

— Нѣшто,—продолжалъ онъ вслухъ,—свернуть намъ къ Гусаренку на хуторъ?.. Баринъ онъ простой, пріметъ съ удовольствіемъ и лошадямъ сѣна дастъ. И до хутора-то недалече, всего—съ полъ-версты, да и того, пожалуй, не будетъ!

Я поспѣшилъ изъявить свое согласіе и несказанно обрадовался этому предложенію. Ночлегъ въ тепломъ помѣщеніи—рядомъ съ перспективой ночи, проведенной въ тарантасѣ, представлялся мнѣ верхомъ благополучія, но главнымъ образомъ меня манило въ этотъ хуторъ еще и другое...

„Гусаренокъ“ было прозвище, данное Сергѣю Николаевичу Стрѣльскому, когда-то лихому гусару, наводившему своими проказами ужасъ на всѣхъ окрестныхъ жителей. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ мы съ нимъ разстались чуть-ли не врагами, когда онъ (какъ это мнѣ тогда казалось) разбилъ всю мою жизнь, женившись на черноглазой, шестнадцатилѣтней моей сосѣдкѣ—Марусѣ, въ которую я былъ безумно влюбленъ и которая, до его появленія, тоже питала ко мнѣ взаимность. Но пріѣхавшій въ отпускъ красивый гусарскій корнетъ совершенно затмилъ меня своимъ блескомъ, и Маруся забыла свои клятвы и, насмѣявшись надъ моею любовью, отдала ему свое сердце, безжалостно разбивши мое...

И сталъ мнѣ рисоваться образъ стройной смуглянки съ едва развившимся еще станомъ, черной, какъ смоль, косой и чудными глазами, какъ-то страстно и нѣжно смотрѣвшими изъ-подъ густыхъ черныхъ рѣсницъ... и вспомнилось мнѣ, какъ, бывало, подолгу держалъ я въ своей рукѣ маленькую, нѣжную ручку и, налюбовавшись ею, начиналъ покрывать ея розовые ноготки безчисленными поцѣлуями... и вспомнилъ я — и сердце мое тоскливо сжалось—и первый поцѣлуй и послѣднее „прости“!...

— Какова-то она теперь, эта черноглазая Маруся, и какъ мы съ нею встрѣтимся?..—продолжалъ я мечтать, пока мы шагомъ подъѣзжали къ небольшому дому, гдѣ въ двухъ крайнихъ окнахъ тускло свѣтился огонекъ.—Разставшись съ нею, когда она была почти еще дѣвочкой, я увижу ее нынѣ уже вполнѣ сформировавшейся женщиной!.. А онъ, прежній проказникъ и удалецъ, мой бывшій врагъ и счастливый соперникъ, что съ нимъ?.. Остепе-

нился ли онъ наконецъ, ставъ семьяниномъ, или остался все тѣмъ-же забіякой и буяномъ, какимъ былъ и тогда?..

И сердце мое трепетно забилось отъ волненья и ожиданья...

Наконецъ, экипажъ остановился у подъѣзда. Вдоль темныхъ оконъ дома быстро промелькнулъ огонь, дверь съ шумомъ распахнулась, и, высоко поднявъ надъ головой свѣчку, выбѣжала на крыльцо босоногая дѣвченка. Изъ-за нея выглядывала длинная мужская фигура въ венгеркѣ изъ верблюжьяго сукна и высокихъ сапогахъ.

Догадавшись, что это и долженъ быть самъ Стрѣльскій, я, вылѣзая изъ экипажа, поспѣшилъ назвать себя.

— Милости просимъ въ теплую хату — радушно пригласилъ хозяинъ и, взявъ меня подъ руку, повелъ за собой въ домъ.

— Сколько лѣтъ, сколько зимъ... — продолжалъ онъ уже въ прихожей, помогая мнѣ снимать намокшее пальто,—ну, и погодка, доложу я вамъ!..

Я поспѣшилъ согласиться, что „погодка“, дѣйствительно, не хороша, и въ то же время съ недоумѣніемъ сталъ разглядывать своего бывшаго „соперника“...

Не бритый, съ отекшимъ лицомъ и сизымъ носомъ, какъ-то весь сгорбившись, стоялъ передо мной прежній сердцеѣдъ и блестящій гусаръ. Когда-то вившіеся черные усики нынѣ превратились въ густую щетину, а порѣдѣвшіе на вискахъ и замѣтно уже посѣдѣвшіе волосы какими-то клочьями торчали во всѣ стороны.

— Такъ вотъ что изъ тебя стало?..—подумалъ я не безъ нѣкотораго злорадства.—И эта полуразвалина обладаетъ такой красавицей, какой до сихъ поръ еще должна быть Маруся... Бѣдная Маруся!—вздохнулъ я—она всегда была такая нѣжная, изящная... воображаю я, какъ она разочаровалась теперь и какъ горько раскаивается въ своемъ молодомъ увлеченіи...

— Милости просимъ въ столовую, — продолжалъ между тѣмъ Стрѣльскій, взявъ свѣчу изъ рукъ тутъ же стоявшей дѣвченки,— съ дороги не мѣшаетъ и чайку попить, да и закусить чѣмъ Богъ послалъ. Милости просимъ-съ!.. Вѣдь вы съ женой старые знакомые, кажется... тоже близкими сосѣдями были...

И онъ добродушно хихикнулъ.

Пройдя рядъ темныхъ комнатъ, мы вошли въ столовую, откуда раздавался шумъ, дѣтскій визгъ и плачъ.

Точно ушатомъ холодной воды окатило меня отъ представившагося зрѣлища—насколько оно, въ данную минуту, было для меня неожиданнымъ! Столь недавнія еще мечты мои разлетѣлись какъ дымъ, и передо мной, во всей своей наготѣ, предстала горькая дѣйствительность...

Увы! Вмѣсто красавицы Маруси я увидѣлъ передъ собой неуклюже сидѣвшую посреди дивана, расплывшуюся во всѣ стороны, толстую матрону въ ситцевомъ капотѣ и грязной кофтѣ, накинутой на широкія плечи. Голова ея была „по-мѣщански“ повязана шерстянымъ платочкомъ, изъ-подъ котораго безпорядочно выбивались растрепанные волосы, а рука... о, эта рука, которую я когда-то такъ страстно цѣловалъ, была украшена сомнительной чистоты ногтями и вся покрыта какими-то ссадинами и заусеницами, краснорѣчиво свидѣтельствовавшими о близкомъ ея знакомствѣ съ кухней и черной работой.

Маруся, повидимому, меня узнала и какъ будто даже радостно улыбнулась, причемъ, о ужасъ! обнаружила отсутствіе двухъ переднихъ зубовъ. Затѣмъ, радушно протянувъ мнѣ руку, которую я, однако, пожалъ съ какимъ-то невольнымъ чувствомъ брезгливости, проговорила какое-то привѣтствіе.

— Такъ вотъ что меня ожидало!.. Кабы не явился мнѣ избавитель, въ лицѣ твоего „благовѣрнаго“...—подумалъ я съ нѣкоторымъ даже ужасомъ, — ну, и „сформировалась“ же ты, моя голубушка, въ цѣлую корову,—еще съехидничалъ я мысленно и тутъ же заговорилъ о „погодѣ“, всячески избѣгая чѣмъ-либо коснуться воспоминаній прошлаго...

Проведенный у Стрѣльскихъ вечеръ тянулся для меня безконечно долго, и я несказанно обрадовался, когда, наконецъ, наступила пора удалиться въ отведенную мнѣ для ночлега комнату. Но на мою долю выпала также и отрадная минута, искупившая всю тоску и разочарованія, жертвой которыхъ я былъ въ теченіе этого дня.

Когда шумная ватага полудюжины дѣтей удалялась спать, ко мнѣ подошла, чтобы проститься со мной, стройненькая двѣнадцати-лѣтняя черноглазая дѣвочка — старшая дочь Стрѣльскихъ,

и, конфузясь, протянула мнѣ свою крошечную ручку. Меня поразило ея необыкновенное сходство съ Марусей—съ той, прежней моей Марусей, и чѣмъ-то отраднымъ кольнуло меня въ самое сердце. Я невольно залюбовался ею, и въ моей памяти на одно еще мгновенье снова воскресли отрадныя воспоминанья давно минувшихъ прежнихъ дней...

Ласково простившись съ дѣвочкой, я невольно взглянулъ на ея мать, но поспѣшилъ тутъ-же отвести глаза въ другую сторону... Не знаю, поняла-ли Маруся мою мысль, уловила-ли она этотъ взглядъ, но только послѣ ухода дочери, она какъ бы про себя, едва слышно проговорила:

— Старое старится—молодое ростетъ...

И глубокій вздохъ вырвался изъ ея груди, а на густыхъ черныхъ рѣсницахъ задрожала слеза...

На другой день рано утромъ я распростился съ такъ радушно пріютившими меня хозяевами и отдохнувшій, свѣжій, бодрый, снова направился въ путь.

XVI.

«Подслушалъ».

Я жилъ въ то время въ губернскомъ городѣ N**. Въ числѣ пріобрѣтенныхъ знакомствъ я, между прочимъ, сошелся очень близко съ княземъ Критскимъ — богатымъ помѣщикомъ, хлѣбосоломъ и отчаяннымъ винтеромъ. Онъ не разъ приглашалъ меня къ себѣ въ усадьбу, но такъ какъ до нея нужно было проѣхать на лошадяхъ верстъ тридцать, то я, подъ разными предлогами, постоянно откладывалъ свою поѣздку. Наконецъ, въ день именинъ князя, я, получивъ отъ него формальное приглашеніе быть къ обѣду и зная, что вслѣдъ за нимъ будетъ еще данъ балъ, на который обыкновенно съѣзжалась чуть-ли не вся губернія,—уже счелъ себя обязаннымъ отправиться къ князю.

Послѣ роскошнаго пира, длившагося ужасно долго, обильнаго угощеніями, тостами и рѣчами, я, по старой привычкѣ всхра-

нуть послѣ обѣда, незамѣтно улизнулъ въ отведенную мнѣ въ мезонинѣ комнату, раздѣлся, легъ въ кровать и заснулъ крѣпчайшимъ сномъ.

Меня разбудилъ шумъ и голоса въ сосѣдней комнатѣ. Изъ долетавшихъ до меня урывками возгласовъ и разговоровъ было ясно, что тамъ одѣвались къ предстоящему балу двѣ молоденькія барышни.

Я всегда былъ любопытенъ и насторожилъ уши, стараясь не дѣлать шума, чтобы чѣмъ-нибудь не выдать своего присутствія.

— Ой, какъ холодно! — раздался чей-то дрожащій молодой голосокъ. — Передай мнѣ поскорѣе чистую рубашку... нѣтъ, не эту... вонъ ту, съ открытой грудью!

— Что это у тебя, Зина,—какая смѣшная родинка на груди,—воскликнулъ вслѣдъ затѣмъ другой голосокъ.

— Право же, Зиночка, точь въ точь какъ чернильный кляксикъ!..

Мнѣ страшно захотѣлось взглянуть на эту смѣшную родинку, такъ похожую на чернильный кляксикъ, и я, осторожно ступая по полу, подкрался къ двери, отдѣлявшей меня отъ сосѣдокъ, и нагнулся къ замочной скважинѣ. Увы! ключъ, торчавшій съ той стороны замка, мѣшалъ моимъ наблюденіямъ, такъ что положительно не было возможности разобрать что-либо.

— Не честно подсматривать! — рѣшилъ я, окончательно убѣдившись, что все равно ничего не увижу, и, приложивъ ухо къ самой двери, сталъ подслушивать.

Рядомъ со мной раздавался плескъ воды, веселый смѣхъ и визгъ. Кто-то кому-то плеснулъ водой на спину... поднялась возня, бѣготня босыхъ ножекъ... Затѣмъ все нѣсколько поуспокоилось и мнѣ ясно стали слышны малѣйшія перипетіи дамскаго туалета этихъ, безо всякаго стѣсненія одѣвающихся дѣвушекъ, не подозрѣвавшихъ даже, что рядомъ, и такъ близко, едва отдѣленный отъ нихъ тонкой перегородкой, затаивъ дыханіе подслушиваетъ мужчина...

О, этотъ проклятый ключъ въ замкѣ!

Наконецъ сосѣдки одѣлись и, выйдя изъ комнаты, шумно сбѣжали по лѣстницѣ. Изъ нижняго этажа уже доносились звуки настраиваемыхъ музыкантами инструментовъ, и я поспѣшилъ по-

звонить въ колокольчикъ, такъ какъ и мнѣ было пора облекаться во фракъ.

— Что, Петра Петровича не здѣсь помѣстили?—спросилъ я вошедшую горничную самымъ невиннымъ тономъ, указывая ей на комнату моихъ сосѣдокъ.

Мнѣ ужасно хотѣлось узнать, кто онѣ такія, и въ особенности—которая изъ нихъ—мѣнявшая рубашку Зиночка съ таинственнымъ кляксикомъ на груди?

— Никакъ нѣтъ-съ,—получилъ я отвѣтъ.—Петръ Петровичъ внизу-съ. А эту комнату отвели барышнѣ Риневой и внучкѣ генерала Аларскаго....

— А-а,—промычалъ я себѣ подъ носъ и тутъ же рѣшилъ, что въ теченіе вечера успѣю еще узнать отъ кого-нибудь интересующія меня подробности.

Но едва я спустился внизъ, какъ былъ подхваченъ хозяиномъ подъ руку и засаженъ за зеленый столъ играть въ винтъ. Я долженъ сознаться, что какъ только я взялъ карты въ руки, такъ тотчасъ же увлекся игрой и тѣми спорами съ пѣной у рта, которые обыкновенно сопровождаютъ винтъ въ провинціи, и совсѣмъ даже забылъ о существованіи моихъ молоденькихъ сосѣдокъ. Иныя дамы уже привлекали мое вниманіе, иными дамами увлекался я, и какая нибудь пиковая „злодѣйка“, которой мнѣ удавалось во время и удачно „прорѣзать“,—стала теперь гораздо ближе моему сердцу, чѣмъ даже... Зиночка съ родинкой на груди!

А между тѣмъ изъ залы неслись упоительные звуки оркестра, и балъ былъ въ полномъ разгарѣ. Тамъ веселились, танцовали, любезничали, кокетничали, стрѣляли глазками,—но какое можетъ быть до всего этого дѣло разсвирѣпѣвшему винтеру?!.. И я съ наслажденіемъ штрафовалъ своихъ противниковъ, глубокомысленно винилъ въ тонкости какого-нибудь отчаяннаго хода, сваливалъ свои неудачи и ошибки—какъ это также обыкновенно случается въ винтъ—на неповиннаго партнера и все болѣе и болѣе увлекался игрой, не обращая никакого вниманія на все окружающее,—словомъ, я винтилъ!

По окончаніи традиціонныхъ шести роберовъ разсчитались. Я оказался въ значительномъ выигрышѣ и уже не согласился играть дальше, ссылаясь на усталость, въ сущности же изъ-за

игроцкой примѣты никогда не садиться на ту же партію, когда выигралъ, и поспѣшно направился въ залъ.

Былъ антрактъ между танцами, и я сталъ внимательно вглядываться въ пестрый цвѣтникъ мелькавшихъ мимо меня дѣвушекъ. Сколько ихъ было и какими миленькими всѣ онѣ мнѣ показались тогда съ ихъ раскраснѣвшимися щечками и блестящими глазками!... Какія онѣ всѣ были стройненькія въ своихъ газовыхъ и кисейныхъ платьицахъ, едва доходящихъ до полу, безъ шлейфовъ и треновъ и съ скромно обнаженными, едва еще развившимися плечиками!..

Люблю я этотъ возрастъ, когда дѣвушка переставъ быть ребенкомъ, еще не успѣла стать женщиной, когда она, чуть-ли не вчера только забросивъ куклы, начинаетъ сегодня мечтать о нарядахъ, о томъ, чтобы нравиться мужчинамъ, и не прочь-бы даже подвести себѣ глазки тѣмъ карандашемъ, который она подмѣтила въ туалетномъ ящикѣ маменьки и который, какъ она это хорошо уже знаетъ, придаетъ еще болѣе живости и блеска глазамъ... Люблю я этотъ возрастъ, когда тоненькія дѣвичьи руки кажутся слишкомъ длинными, а грудь и шея все еще имѣютъ тѣ нѣжныя очертанія, которыя однимъ зовутся худобой, другими-же—молодостью, но которыя, тѣмъ не менѣе, придаютъ имъ такую наивную полудѣтскую граціозность и прелесть, что имъ не въ силахъ подражать самая искусная кокетка!... Люблю этихъ подростковъ, у которыхъ, не смотря на всю ихъ напускную сдержанность и важность, такъ и написано на лицѣ, такъ и проглядываетъ въ каждомъ движеніи — желаніе еще шумно побѣгать и порѣзвиться!..

Я невольно вспомнилъ своихъ сосѣдокъ и обратился къ стоявшему рядомъ со мной хозяину дома съ просьбой указать мнѣ барышень—Руневу и Аларскую.

Князь поспѣшилъ исполнить мое желаніе и подвелъ меня къ двумъ премиленькимъ дѣвушкамъ, бродившимъ по залѣ, взявшись за руки, какъ пансіонерки, но онъ, очевидно, ошибся въ моихъ намѣреніяхъ, представивъ меня въ качествѣ танцора.

Дѣлать было нечего, и я вынужденъ былъ пригласить обѣихъ на оказавшіяся у нихъ свободными слѣдующія двѣ кадрили.

Сперва я танцовалъ съ прехорошенькой блондинкой, веселенькой шестнадцатилѣтней дѣвочкой, плясавшей съ увлеченіемъ, очень наивной и стыдливо-красивѣвшей подъ моими испытующими взглядами. Отъ нея же я узналъ, что Зиной звали ея подругу, приглашенную мной на слѣдующую кадриль, и я не могъ дождаться окончанія послѣдней фигуры, перешедшей въ безконечный „Grand rond“—подъ управленіемъ какого-то губернскаго франта-танцора.

Наконецъ, я отвелъ свою даму на мѣсто, раскланялся съ ней и подошелъ къ Зинѣ. Она оказалась нѣсколько старше своей подруги, имѣла красивые, черные глаза и слегка смуглый цвѣтъ лица и плечъ. Замѣчательно стройная, хотя съ едва еще развившимися формами, Зина поражала своими бархатными глазами и движеніями, полными нѣги и прелести. Родинки, похожей на кляксочъ, нигдѣ, однако, не было видно, но я зналъ, что она, плутовка, гдѣ-то тамъ да есть, и страстнымъ, любопытнымъ взоромъ впился въ обнаженныя плечики... Но Зина выдержала мои восторженные взгляды совершенно спокойно и мнѣ даже показалось, что она слегка насмѣшливо улыбнулась. Во время танцевъ я изо всѣхъ силъ старался быть любезнымъ кавалеромъ и занимать свою даму, но она отвѣчала мнѣ разсѣянно и не впопадъ, между тѣмъ какъ глаза ея блуждали по сторонамъ, точно кого-то отыскивая. Зина видимо скучала со мной, а я — я все больше увлекался этимъ граціознымъ созданіемъ, твердо рѣшившись, незамѣтно и заблаговременно пробраться въ свою комнату, гдѣ... снова начать подслушивать!

— Пусть она, усталая, не сказавъ даже и слова, сразу заснетъ!—подумалъ я, удалялсь въ свою комнату послѣ ужина.— Все-же я буду знать, что она здѣсь, рядомъ со мной, и буду чувствовать ея близость... А тамъ—кто знаетъ, что будетъ дальше?... Знакомство сдѣлано, вѣдь первый шагъ только труденъ. Сдѣлаю сперва ея родителямъ визитъ, а потомъ, потомъ...

И рядъ мыслей, одна другой нелѣпѣе, но въ то же время и заманчивѣе, лѣзли въ мою разгоряченную голову, пока я раздѣвался и укладывался въ постель.

Понятное дѣло, что я не старался заснуть, а, напротивъ, тревожно ожидалъ возвращенія моихъ сосѣдокъ.

Наконецъ, послѣ получасоваго ожиданія, показавшагося мнѣ безконечнымъ, въ сосѣдней комнатѣ раздался говоръ и шумъ. Я, какъ былъ въ одномъ бѣльѣ, на цыпочкахъ подкрался къ двери и сталъ слушать, заранѣе предвкушая ожидавшее меня наслажденіе...

Сперва дѣвушки раздѣвались молча, видимо спѣша поскорѣе улечься въ кровати, но затѣмъ мало-по-малу разговорились. Начала блондиночка, съ которой я танцовалъ первую кадриль.

— А ты, Зиночка, нынче при печальномъ интересѣ?.. Кузенъ Pierre на тебя ноль вниманья!.. Все съ своей графиней нѣжничалъ. И охота ему съ такой старухой...

— Полно глупости болтать, Маша! Между нами съ Петей еще раньше было рѣшено, что онъ для отвода глазъ весь вечеръ за кѣмъ-нибудь будетъ ухаживать. Но представь себѣ, какое несчастье! Какъ нарочно ту кадриль, которую онъ хотѣлъ со мной танцовать, я раньше отдала тому противному кавалеру, котораго, помнишь, еще къ намъ князь подводилъ. И удивительное у этого князя общество собирается!.. Можешь себѣ представить, Маша, что этотъ старый дуракъ все время только вдохновенно смотрѣлъ на меня своими противными, масляными глазищами и ничего не могъ придумать умнѣе, какъ заговорить о литературѣ! Ну, ужъ нечего сказать, пріятный кавалеръ ..

— Ахъ, это тотъ красноносый?.. Да онъ и со мной все время про литературу, да про Крымъ и Италію разсуждалъ. Должно-быть, это какой-нибудь преподаватель словесности и географіи... Я собиралась отвѣтить ему, что всѣ эти науки мнѣ еще въ пансіонѣ хуже горькой рѣдьки надоѣли,—но побоялась: все-таки, знаешь, старикъ... И представь себѣ, Зиночка, вѣдь онъ совсѣмъ, ну совсѣмъ не умѣетъ танцовать! Ходитъ точно медвѣдь, толкается изъ стороны въ сторону, фигуры путаетъ и ногу мнѣ чуть-чуть не отдавилъ даже!

— У, противный, старый тюфякъ! А я такъ ожидала, что онъ еще пустится вальспровать. Ха! ха!...

Но я уже пересталъ подслушивать и, отскочивъ отъ двери, бросился на кровать. „Противный“, „красноносый“, „старый тюфякъ“, говорившій съ моими сосѣдками о литературѣ, былъ я, читатель,— я, давно отвыкшій отъ умѣнья поболтать съ молодень-

кими дѣвушками и ухаживать за ними и положительно не знавшій, какими разговорами занять ихъ во время танцевъ!

— И по дѣломъ тебѣ, старый дуракъ!—ворчалъ я, укутываясь въ одѣяло, такъ какъ сильно продрогъ, стоя босикомъ на своемъ обсерваціонномъ посту.—Впередъ наука: не подслушивай у дверей, да не танцуй съ молоденькими дѣвочками, да не увлекайся родинками и кляксами, — а винти себѣ на доброе здоровье, „господинъ преподаватель словесности и географіи“!!..

И, закрывшись съ головой, я чуть не расхохотался подъ своимъ одѣяломъ.

XVII.

„Забытое“.

Дальше ѣхать невозможно. Поврежденія моего экипажа потребовали серіозной починки, но на мое счастье мы только что въѣхали въ село, гдѣ оказалась кузница. Пока кучеръ возился съ экипажемъ, я пошелъ побродить по окрестностямъ.

Меня невольно потянуло въ ту сторону, гдѣ сквозь густую листву деревьевъ виднѣлась высокая побурѣвшая крыша старой барской усадьбы. Посреди обширнаго двора, обсаженнаго тополями, одной стороной, обращенной въ садъ, гордо возвышалось сѣрое зданіе съ шестью колоннами дорическаго стиля, поддерживающими затѣйливый фронтонъ, съ остатками герба на верху.

По обѣимъ сторонамъ тянулись симметрично разставленныя службы, напротивъ - каретный сарай съ покрившимся флюгеромъ, издававшимъ при дуновеніи вѣтра унылый звукъ. У конюшенъ стояла покосившаяся на бокъ собачья конура,—давно опустѣлое жилище какого-нибудь вѣрнаго „Трезора“, неусыпнаго стража барскаго добра, а обрывокъ цѣпи, какъ признакъ его бывшей неволи, все еще висѣлъ, ржавѣя отъ дождей и непогоды...

Густая трава разрослась по всему двору. Только едва замѣтными кое-гдѣ мелькали тропинки отъ дома къ кухнѣ, отъ кухни къ погребу, да у параднаго подъѣзда еще не заросла площадка, утоптанная когда-то подъѣзжавшими сюда шестериками. А теперь... Тишина, страшная, могильная тишина царила всюду. Ни звука,

ни даже шороха, свидѣтельствующихъ о присутствіи живаго существа!.. Только стая воробьевъ, спугнутая моими шагами, шумно вспорхнула и, усѣвшись на полуразрушенномъ фронтонѣ, удивленно на меня уставилась, недоумѣвая—для чего это понадобилось кому-то нарушить могильный покой, такъ безмятежно долго здѣсь царившій?...

Я подошелъ къ дому. Сорвавшаяся съ петель ставня валялась тутъ-же. Заглянувъ въ разбитое стекло венеціанскаго окна во внутрь дома, я и тамъ увидалъ ту же картину запустѣнія. Старинная мебель, покрытая полуистлѣвшимъ штофомъ, столы на вычурныхъ рѣзныхъ ножкахъ, пузатые комоды съ мѣдными инкрустаціями,—все въ безпорядкѣ стояло разбросаннымъ по комнатамъ. Только все еще въ порядкѣ висѣли по стѣнамъ старинные портреты и изъ потускнѣвшихъ рамъ надменно смотрѣли на меня гладко выбритые вельможи въ шитыхъ кафтанахъ и улыбались женскія лица въ высокихъ напудренныхъ прическахъ.

Съ трудомъ отыскавъ среди густо разросшихся кустовъ сирени калитку, я направился въ садъ. Широкая терраса спускалась ступеньками къ клумбамъ и куртинамъ, слѣды которыхъ въ видѣ безформенныхъ возвышеній были разбросаны между дорожками заглохшаго сада. Цвѣтовъ нигдѣ не было видно. Только Богъ вѣсть какъ уцѣлѣвшій темно-красный піонъ все еще гордо подымалъ свою голову, упрямо соперничая въ неравной борьбѣ съ крапивой и бурьяномъ, да полузасохшій старый розанъ, разславшій во всѣ стороны острые шипы, одиноко доживалъ послѣдніе дни, окруженный молодыми побѣгами жасмина и жимолости, которые, почувъ свободу, разрослись не въ мѣру...

Густая липовая аллея манила въ тѣнь и я, незамѣтно углубляясь все дальше и дальше, добрелъ до самаго отдаленнаго уголка парка. Повѣяло прохладой и живой мостикъ привелъ меня на искусственный островокъ, гдѣ изъ-за кустовъ дикаго шиповника возвышался куполъ не то кіоска, не то мавзолея. Въ задней его стѣнѣ въ полукруглой нишѣ стояла пожелтѣвшая отъ времени статуя какой-то миѳологической богини безъ головы и правой руки, куски которыхъ валялись тутъ же. На обнаженныхъ плечахъ и на груди бѣдной богини легли кучи птичьяго помета, а прогнив-

шій куполъ кіоска уже не защищалъ ея останковъ отъ вліянія всеразрушающаго времени.

Кіоскъ своимъ фасадомъ былъ обращенъ къ западу и я, любуясь представившейся мнѣ картиной, присѣлъ отдохнуть на стоявшую тутъ-же скамейку. Нѣтъ, никогда, даже въ дни своего величія этотъ уединенный уголокъ не могъ быть такъ чудно-хорошъ, какимъ онъ казался теперь! То, что начато было рукой человѣка, довершила здѣсь сама природа. Извилистая дорожка спускалась къ остаткамъ пристани, по бокамъ которой двѣ плакучія ивы, покачиваемыя вѣтромъ, тонкими какъ кружева вѣтвями играли по поверхности воды, производя на ней серебристую зыбь. Плотину, отдѣлявшую когда-то прудъ, давно уже прорвало и неудерживаемая болѣе искусственной преградой вода соединялась съ рѣчкой, голубой лентой извивавшейся по зеленѣющему лугу. Съ лѣвой стороны, гдѣ-то далеко-далеко бѣлѣлась церковь и лучъ заходящаго солнца игралъ на высокой ея колокольнѣ, а вправо темной полосой синѣлъ широко раскинутый сосновый боръ...

Становилось сыро и надъ водой подымался прозрачный туманъ... Прощаясь съ этимъ пріютомъ невольныхъ грезъ и мечтаній, я еще разъ окинулъ взоромъ все меня окружающее и невольно обратилъ вниманіе на едва сохранившуюся надпись на стѣнѣ кіоска. Я подошелъ ближе и съ трудомъ разобралъ:

„2 іюня .... Маня“.

Какъ будто кладбищемъ повѣяло отъ этихъ нѣсколькихъ буквъ, Богъ вѣсть кѣмъ, когда и въ память кого начертанныхъ... И это чужое имя точно могильная надпись о давно умершемъ близкомъ навела на меня тихую грусть и я невольно перенесся въ давно минувшее, давно забытое прошлое.

Въ то прошлое, когда и этотъ барскій домъ и этотъ садъ кипѣли жизнью широкой, привольной, въ то прошлое, когда по строго расчищеннымъ песчанымъ дорожкамъ этого нынѣ заглохшаго парка рѣзвились барскія дѣти, которыхъ жизнь манила впередъ, обѣщая такъ много свѣтлаго въ будущемъ, въ то прошлое, когда и этотъ кіоскъ еще не былъ печальной руиной и могильнымъ памятникомъ прежняго величія, а служилъ мѣстомъ отдохновенія и уединенія обитателей тѣхъ хоромъ, которые также полуистлѣли ..

И назойливо, неотступно сталъ рисоваться мнѣ образъ хорошенькой Мани, мечтательной барышни сороковыхъ годовъ, задумчиво сидящей въ этомъ кіоскѣ съ французскимъ романомъ въ рукѣ... И что привело васъ сюда, Маня, въ этотъ укромный уголокъ?...

Бродили-ль вы также, какъ и я по тѣнистымъ аллеямъ сада и случайно остановились здѣсь, залюбовавшись раскинутой предъ вами картиной?.. Или быть можетъ ваше имя написано было только какъ шалость, когда еще подросткомъ, въ коротенькомъ кисейномъ платьицѣ, рѣзвясь и играя съ своимъ кузеномъ, вы запыхавшись вбѣжали сюда, а онъ, вашъ сверстникъ и по годамъ и по играмъ, но давно уже въ васъ „влюбленный“, сорвалъ невинный поцѣлуй съ разогрѣвшихся губокъ вашихъ и тутъ же, пугливо озирались—не виднѣется ли гдѣ длинная фигура строгой англичанки, вы обмѣнялись клятвой: любить другъ друга *до гроба*, - клятвой, которую на завтра же оба забыли?...

Или быть можетъ уже позднѣе, ставъ женщиной, вы полюбили и полюбили беззавѣтно, пылко, страстно?.. И долго боровшись прежде, долго страдая, рѣшились наконецъ уступить, когда, дрожа отъ страха и вечерней росы, тайкомъ отъ всѣхъ проскользнули вы въ этотъ кіоскъ, гдѣ, давно терпѣніе, давно волнуясь, прислушиваясь къ шуму деревьевъ, къ малѣйшему шороху, затаивъ дыханье, васъ ожидалъ „онъ“?..

И было-ль то первое свиданье, или послѣднія разлука, а выставленный здѣсь день – былъ ли днемъ счастья, упоенья, или безъисходнаго горя?..

Или, наконецъ, не его ли дрожащая рука начертала все еще дорогое ему имя, уже потомъ, когда все было кончено, когда измученный, разочарованный онъ съ истерзаннымъ сердцемъ приходилъ сюда лишь для того, чтобы на мѣстѣ безвозвратно минувшаго счастья только страдать и вспоминать?...

И что осталось отъ всего этого прошлаго?.. Забытая руина, забытая надпись... Все забыто.

Раздался звонъ колокольчика и я поспѣшилъ къ своему экипажу. И долго, долго еще я находился подъ впечатлѣніемъ всего перечувствованнаго. Отдохнувшая тройка все дальше и дальше уносила меня отъ этихъ мѣстъ, а я между тѣмъ невольно все

оборачивался назадъ. Но вотъ на поворотѣ еще разъ показались слабыя очертанія дома, сада, еще разъ мелькнулъ куполъ таинственнаго кіоска и... все изчезло.

Я подъѣхалъ къ станціи желѣзной дороги. Съ грохотомъ, выпуская клубы пара, подкатилъ паровозъ. Толкая другъ друга, шумно ринулись пассажиры по платформѣ, усаживаясь въ вагоны... я за ними.

Раздался звонокъ. Локомотивъ пронзительно свистнулъ и мы умчались впередъ...

XVIII.

Итоги.

Въ новый годъ я былъ у тетеньки. Уже по тому, какъ меня встрѣтила старуха Марѳуша, бывшая ея крѣпостная дѣвка, а нынѣ довѣренное въ домѣ лицо, я понялъ, что въ глазахъ тетеньки я чѣмъ-нибудь да провинился.

— Поди, поди на расправу, поди-и!—ворчала Марѳуша, снимая съ меня шубу, и какъ я ни добивался узнать причины ожидавшей меня „расправы“,—ничего отъ нея больше не добился.

Въ залѣ меня еще суше встрѣтила сорока-семплѣтняя кузина Катенька, и на пожеланія ей „новаго“ счастья только фыркнула и злобно покосилась. Я спросилъ—здорова-ли тетенька?

— Если-бы ты меньше приносилъ ей разныхъ огорченій и непріятностей,—вѣроятно была-бы поздоровѣй, чѣмъ теперь!—получилъ я язвительный отвѣтъ, и рѣшительно теряясь въ догадкахъ о своей винѣ, съ тревожно бьющимся сердцемъ направился во вторую гостинную, изъ которой раздавался голосъ тетеньки.

Она сидѣла на диванѣ въ парадномъ чепцѣ съ лиловыми лентами и нюхала табакъ. Рядомъ съ ней, въ такомъ же парадномъ чепцѣ съ такими-же лиловыми лентами, сидѣла княгиня Б** и тоже нюхала табакъ. Имъ обѣимъ можно было дать по меньшей мѣрѣ лѣтъ полтораста,—но такова ужъ выдержка людей стараго поколѣнія—объ онѣ держали себя бодро, величественно и прямо.

Я почтительно подошелъ къ „ручкѣ“ и съ чувствомъ поздравилъ старухъ съ новымъ годомъ. Затѣмъ я молча усѣлся на кончикѣ стула,—памятуя строгое правило прежняго воспитанія: не

смѣть заговаривать съ старшими, пока не спросятъ чего-нибудь они сами, и тутъ-же принялся разглядывать тетеньку, которую аккуратно навѣщалъ только въ свѣтлый праздникъ и новый годъ.

— Какъ, однако, всеразрушающее время и близость могилы уравниваетъ людей, бросая на нихъ одинъ и тотъ же общій колоритъ и отпечатокъ! — зафилософствовалъ я мысленно. — Вотъ, прекрасно помню я ихъ обѣихъ еще довольно молодыми. Тетенька была брюнетка, княгиня — блондинка, у тетеньки были черные глаза, у княгини—голубые, одна изъ нихъ была полная женщина, другая—худая. А теперь?... И волосы, и глаза, и ростъ, все, рѣшительно все у нихъ сравнялось, приявъ какой-то общій неопредѣленный цвѣтъ и очертаніе, и войди сюда незнакомый человѣкъ, онъ подумалъ бы, что это сидятъ двѣ родныя сестры-погодки: настолько онѣ стали похожи другъ на друга и лицомъ, и чепцами, и локонами, и нарядами, и даже складомъ морщинъ на лицѣ и рукахъ...

Закончивъ прерванный моимъ приходомъ разговоръ о добродѣтеляхъ и ангельскомъ терпѣніи какой-то Пелагеи Петровны, тетенька, наконецъ, обратилась ко мнѣ.

— Нечего сказать, утѣшилъ ты меня старуху, утѣшилъ!—начала она укоризненнымъ тономъ, но затѣмъ, отыскавъ въ широкихъ складкахъ своего платья табакерку и носовой платокъ, снова отвернулась къ княгинѣ.

— Imaginez - vous chére princesse... [1]) Вы, конечно, своя, вамъ это можно сказать. Вотъ онъ—кивнула она чепцомъ въ мою сторону—службу оставилъ, родовое имѣніе забросилъ, дѣла запустилъ и... je vous le donne en cent, je vous le donne en mille [2]), ни за что не отгадаете, чѣмъ вздумалъ заниматься?

Княгиня сдѣлала видъ, что дѣйствительно тщетно старается отгадать: чѣмъ это я вздумалъ заниматься?—и удвоила вниманіе.

Тетенька полюбовалась нѣкоторое время произведеннымъ ею эффектомъ и, оглядываясь, точно боясь—не подслушиваетъ ли ее кто-либо сзади,—почти шепотомъ протянула, слегка наклонившись къ уху княгини:

---

[1]) Вообразите, милая княгиня.

[2]) Я вамъ это даю въ сто, и вамъ это даю въ тысячу.

— Въ писатели поступилъ... въ газетѣ пишетъ!... Mai sje vous le demande, est-ce que sa place est là?!... [1]) Воображаю, какое у нихъ тамъ прекрасное общество собирается! Поди все нечесаные, немытые, небритые?!... Вѣдь всякому, кажется, хорошо извѣстно, каковы эти писатели. Вѣдь это что-то ужасное!...

Княгиня всплеснула руками, изобразивъ на своемъ лицѣ выраженіе ужаса.

Я поспѣшилъ увѣрить тетеньку, что у насъ въ редакціи сотрудники очень приличные, и большинство — даже люди общества. Былъ, говорю, у насъ одинъ такой, но и тотъ къ празднику и причесался, и побрился, и даже у Жоржа фракъ себѣ сшилъ. Затѣмъ, желая окончательно оправдаться, я вскользь замѣтилъ, что литература въ настоящее время — занятіе очень почтенное и даже выгодное, и тутъ же солгалъ, что мнѣ платятъ чуть-ли не по рублю за строчку.

Тетенька недовѣрчиво на меня взглянула, однако, продолжала, видимо начиная смягчаться:

— Лгунишкой ты, положимъ, и ребенкомъ всегда былъ и не мало тебя за это сѣкли, et puis il etait toujour sournois [2])—обратилась она снова къ княгинѣ.

— Такъ и теперь. Ну, вздумалъ писать, прославиться тамъ, что-ли... Да вотъ онъ еще говоритъ, что за это и платятъ хорошо... Что-жъ, я особенно худого еще въ этомъ писаніи ничего не нахожу!... И отецъ его въ молодости, — положимъ, что тотъ никогда не унизился бы до того, чтобы что-нибудь напечатать, — но въ альбомы знакомымъ очень миленькіе стишки писалъ!... Я, какъ теперь, помню — онъ покойницѣ Annette посвятилъ прекрасный и трогательный стихъ о томъ, какъ въ эфирѣ голубомъ звѣздочка мерцала; всѣ еще восхищались тогда!... А этотъ, замѣтьте это княгиня, изподтишка, ни съ кѣмъ не переговоривъ, ни съ кѣмъ не посовѣтовавшись—взялъ, да и описалъ — всѣхъ своихъ родныхъ и ни съ того, ни съ сего, принялся тревожить ихъ бѣдныя кости въ могильномъ ихъ прахѣ!...

Тетенька вздохнула, княгиня тоже. Обѣ понюхали.

---

[1]) Но я васъ спрашиваю, разнѣ его мѣсто тамъ?

[2]) И потомъ онъ всегда былъ скрытный.

— Ну описывалъ-бы себѣ тамъ Аквилонскихъ разныхъ, si déjà il a la maladie d'écrire [1]), или сосѣдей, что-ли, я ничего не сказала-бы. Ну, хоть-бы, напримѣръ, Алексѣя Степановича — пресмѣшной экземпляръ былъ! А то, прошу покорно, родныхъ!... И хоть-бы ужъ по крайней мѣрѣ не лгалъ! — продолжала она снова строго. — Ты, вѣроятно, думалъ, что я такъ-таки ничего и не узнаю! Нѣтъ, голубчикъ, какъ только Степанъ Васильевичъ сказалъ мнѣ, что читалъ произведенія твоего пера, я тотчасъ-же приказала Катенькѣ распорядиться купить, и заставляла ее читать ихъ себѣ по вечерамъ. И ровно ничего интереснаго въ твоихъ сочиненіяхъ не нахожу даже! Ну, посуди самъ. Кому какое, напримѣръ, дѣло до мученической кончины тети Сони, или до того, что она всю свою страдальческую жизнь благоговѣла передъ портретомъ гусарскаго офицера и унесла тайну своего сердца въ хладную могилу. А между тѣмъ Аквилонскаго какого-нибудь опъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, начинаетъ щадить! Я, напримѣръ, прекрасно помню,—при мнѣ вѣдь все это было,—какъ онъ прибилъ гувернантку-нѣмку?... И ты, безстыдникъ, осмѣливаешься клеветать на своего роднаго отца, что онъ его за это простилъ!?... Не таковъ былъ покойникъ, чтобы прощать подобныя мерзости, да еще какому-нибудь семинаристу, — ежели онъ васъ, своихъ дѣтей, кровь своей крови, жестоко сѣкъ за малѣйшую непочтительность и неуваженіе къ старшимъ?

Я пробовалъ возражать и убѣдить тетеньку, что она ошибается и что въ этотъ разъ Аквилонскій былъ дѣйствительно прощенъ и только обстриженъ въ прачечной, но тетенька такъ яростно замотала головой въ обѣ стороны, что ленты ея чепца стали развѣваться, точно флаги.

— И... и не спорь, и слушать не хочу!... Вотъ они, княгиня, нынѣшніе молодые люди... (мнѣ подъ пятьдесятъ лѣтъ). Я всегда говорила, что онъ неисправимъ, что изъ него никакого проку не будетъ и что мало его сѣкли!... Ну, какъ ты тамъ себѣ хочешь, Алеша, я, конечно, учить тебя не могу и не имѣю даже права, но только ежели ты тамъ у себя насчетъ этого Аквилонскаго не передѣлаешь, такъ и не смѣй больше ко мнѣ глазъ показывать.

---

[1]) Разъ, что у него болѣзнь писанья.

Можешь даже и меня старуху описать въ своей газетѣ—сколько твоей душѣ угодно. Что-же больше и ожидать отъ человѣка, который ничего не имѣетъ святого и погрязъ въ пути порока и лжи!... C'est mon dernier mot. [1]).

И тетенька, не обращая болѣе на меня вниманія, снова заговорила съ княгиней о добродѣтеляхъ и ангельскомъ терпѣніи Пелагеи Петровны.

Я понялъ, что аудіенція кончена, обѣщалъ исправиться, подошелъ къ „ручкѣ“ и уѣхалъ.

Отъ тетеньки я было направился съ визитомъ къ своему пріятелю-купцу, большому любителю литературы, „поощрившему“ меня передъ праздниками значительной суммой... но, не доѣзжая до него, нечаянно встрѣтился съ другимъ уже „скаковымъ“ пріятелемъ, отмѣчавшимъ мнѣ обыкновенно передъ скачками афиши для игры въ тотализаторъ.

— Стой, стой!—кричитъ онъ.

Мой возница осадилъ лошадь, и „скаковикъ“ подбѣгаетъ ко мнѣ.

— И не стыдно вамъ, батенька, тратить свой талантъ, чернила и бумагу на описываніе четверика какихъ-то тамъ несчастныхъ вятокъ саврасой масти!.. Всякому извѣстно, что кровная англійская лошадь въ тѣсной связи съ вопросомъ объ улучшеніи коннозаводства...

Но я его уже не слушалъ и, яростно толкнувъ „Ваньку“ кулакомъ въ спину,—велѣлъ ѣхать скорѣе дальше.

— Ну, думаю, у „купеческаго“ своего пріятеля, любителя литературы и „поощрителя“—я, по крайней мѣрѣ и отдохну, и выпью, и поговорю по душамъ.

Дѣйствительно, у пріятеля обѣденный столъ уставленъ всевозможными винами и яствами, а принялъ онъ меня съ распростертыми объятіями. „Поощритель“, очевидно, еще до моего прибытія уже прикладывался къ рюмкѣ съ другими „поощряемыми“, настолько онъ былъ въ игривомъ настроеніи духа. Разговорились мы, конечно, сперва о хорошенькихъ женщинахъ, потомъ о литературѣ.

[1]) Это мое послѣднее слово.

— И охота тебѣ было всякую дребедень описывать, — началъ пріятель разговоръ о литературѣ. — Пишетъ онъ про какія-то святки у помѣщика, ну, и ряженыхъ разныхъ описываетъ... Впрочемъ,—встрепенулся онъ, вспомнивъ что-то. — Машутка тамъ у тебя ничего себѣ, довольно картинно изображена въ гусарскомъ костюмчикѣ этомъ... Только, э-эхъ братъ!—и тутъ не сумѣлъ ты воспользоваться обстоятельствами. Ну, какой-же ты послѣ этого писатель!... Да я-бы на твоемъ мѣстѣ нарисовалъ-бы такую, знаешь наипикантнѣйшую картинку, какъ самая эта Машутка, бонбоничкъ этотъ шестнадцатилѣтній,—да на себя эти самые панталончики, или, какъ это по вашему, по-старинному, ну, по „отзвукамъ минувшаго“ называется?... „чикчирчики“, что-ли, надѣваетъ!... Н-дасъ, тогда картинка-то вышла-бы у тебя первый сюперфлю-съ, настоящій сувенирчикъ!... А теперь? Читаешь,—а въ то-же время и сознаешь, и видишь, и чувствуешь, всѣмъ естествомъ чувствуешь, что чего-то въ Машуткѣ у тебя не хватаетъ!...

— Нѣтъ это ты, голубчикъ, какъ тамъ себѣ знаешь, а сними мнѣ у Машки отцовскіе гусарскіе чикчиры, — продолжалъ „купеческій пріятель“, провожая меня до прихожей.—Знать ничего не хочу, и никакихъ оправданій отъ тебя не приму. А не сдѣлаешь по моему, такъ и „поощрять“ больше не буду!

На томъ мы и разстались.

— Вотъ такъ сюрпризъ! — думалъ я, сходя съ лѣстницы, и, усѣвшись въ сани, рѣшилъ тотчасъ-же ѣхать къ своему пріятелю, „заправскому“ литератору, чтобы отъ него добиться разрѣшенія своихъ недоумѣній.

„Заправскій“ литераторъ былъ дома и сидѣлъ за письменнымъ столомъ, вдохновенно кусая ручку пера. Онъ выслушалъ меня очень внимательно.

— Ну что?—спросилъ я его, закончивъ повѣствованіе о своихъ литературныхъ разочарованіяхъ.

— А вотъ что я тебѣ скажу, другъ ты мой сердечный. Начну со „скаковаго“ твоего критика. Ну, и наваляй ты ему на утѣшеніе фельетонище эдакій строкъ въ четыреста о томъ, что, хотя у батюшки твоего и былъ четверикъ саврасыхъ вятокъ, но что это было ничто, въ сравненіи съ тѣми кровными, англійскими скаковыми лошадьми, которыя у него, кромѣ того, еще стояли на

конюшнѣ. И вотъ тутъ-то, ты, эдакъ незамѣтно,—понимаешь незамѣтно и постепенно переходи и на улучшеніе коннозаводства, и на несомнѣнную для него пользу тотализатора. И въ результатѣ выйдетъ то, что въ субботу ты за это анонсируешь „нѣчто“ весьма внушительное, и твой „скаковикъ“ первый-же начнетъ вездѣ кричать, что лучше тебя на всемъ свѣтѣ нѣтъ писателя! Понялъ?

— Понялъ. Ну, а „купеческій“ критикъ? а тетенька?...

— А это еще проще Возьми, да эдакъ строкахъ въ трехъстахъ и отдери ты своего Аквилонскаго, какъ Сидорову козу, а потомъ и съ Маши чикчирчики сними, да для пикантности и ее тоже немножко посѣки. Или тебѣ ихъ жалко, что-ли?!...

Я даже привскочилъ на стулѣ.

— А противорѣчія?—возопилъ я. — А неестественность положеній, а чувство изящнаго?!...

— Экъ его куда метнуло!... На это и я задамъ тебѣ вопросъ: а тетенькино наслѣдство, а поощритель, а „поощряемое?...“ Нѣтъ, братецъ. Ужъ коли сунулся въ литературу, такъ ты всѣ эти нѣжности лучше оставь!

И долго послѣ этого, возвратившись домой, я размышлялъ на эту тему. Такъ вотъ они, итоги моей литературной дѣятельности!... Описывалъ я совершенно искренно свои дѣтскія воспоминанія и впечатлѣнія и рядомъ съ ними, другъ за другомъ, воскресавшіе въ моей памяти дорогіе моему сердцу образы людей, среди которыхъ протекло мое счастливое дѣтство, — а между тѣмъ, какой-нибудь „скаковикъ“ искалъ въ моихъ очеркахъ тенденцій объ улучшеніи породы чистокровной англійской кобылы, а какой-нибудь „купеческій“ критикъ — пикантныхъ картинокъ и обнаженныхъ прелестей шестнадцатилѣтняго „бонбончика“... И вышло въ результатѣ, что тетенька была права, сто-кратъ права, утверждая, что не къ чему было тревожить память и прахъ людей, давно почившихъ, давно забытыхъ и канувшихъ въ вѣчность, какъ и ихъ время, которое тоже миновало, да и быльемъ поросло...

КОНЕЦЪ.